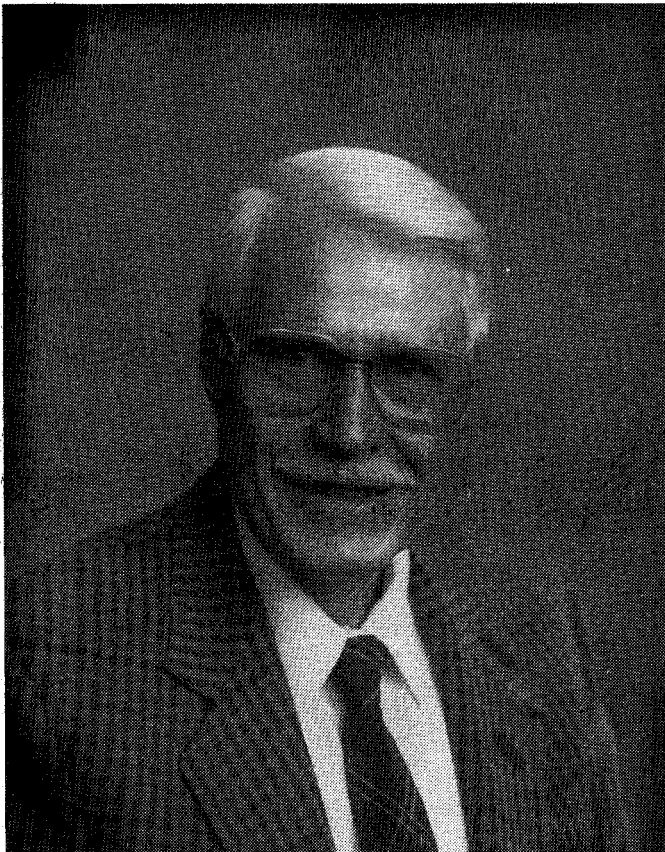

Алтон С. Доннелли

Завоевание Башкирии
Россией 1552 – 1740

Профессор истории
АЛТОН СТЮАРТ ДОННЕЛЛИ

**THE RUSSIAN CONQUEST
OF BASHKIRIA 1552-1740**

A Case Study in Imperialism
by Alton S. Donnelly

Алтон С. Доннелли

**Завоевание Башкирии
Россией 1552 – 1740**

Страницы истории
империализма

New Haven and London, Yale University Press, 1968

1995 г.

Содержание

Профессор истории Алтон Стюарт Доннелли /Р.Г.Кузеев/.....	7
Башкортостан и Россия: взаимоотношения в середине XVI — первой половине XVIII века /И.Г.Акманов/.....	17
Предисловие автора.....	28
Глава I. Введение.....	31
Глава II. Юго — восточная граница: Земли и народы.....	37
География и климат.....	37
Народы.....	40
Русская экспансия на юго — восток.....	46
Управление пограничным краем.....	52
Глава III. Москва и Башкирия.....	55
Ранние связи русских с башкирами.....	55
Тактика русских.....	65
Состав русских пограничных сил.....	69
Отношения с казахами.....	75
Глава IV. Юго — Восточная граница в царствование Петра Великого.....	81
Политика Петра Великого в отношении Средней Азии.....	83
Отношения с казахами.....	86
Русско — башкирская борьба.....	90
Стратегия России на юго — восточной границе.....	97
Глава V. Начало Оренбургского проекта (1725- 1734).....	103
Миссия Тевкелева к казахам (1730 — 1732).....	104
Оренбургский проект.....	110
Глава VI. Оренбургская экспедиция (1734 — 1735).....	117
Начало новой колониальной войны.....	127
Политика Кириллова.....	132
Глава VII. Кирилловская война (1735 — 1737).....	141
Весна и лето 1736 г.....	141
Отношения с казахами.....	148

Осень и зима 1736 — 1737 г.....	151
Последние дни Кириллова.....	158
Глава VIII. Татищев принимает командование (1737 — 1739).....	160
Новая политика.....	161
Причины нового восстания.....	164
Лето и осень 1737 г.....	169
Новое местоположение Оренбурга.....	172
Декабрьское совещание 1737 г.....	174
Казахское вторжение в Башкирию.....	178
Кампания лета и осени 1738 г.....	188
Отставка Татищева.....	192
Глава IX. «Усмирение» Башкирии.....	197
Угроза нового восстания.....	197
Карасакал, «Хан Башкирии».....	201
Отношения с казахами.....	211
Последние проблемы и новое давление на казахов.....	213
Глава X. Колониальная администрация на юго — восточной границе.....	219
Административное устройство.....	219
Дань и другие повинности.....	232
Русский колониальный суд. Религиозная политика. Злоупотребления чиновников и другие вопросы.....	238
Экономическая политика.....	241
Оборонительные линии и их гарнизоны.....	250
Заключение.....	263
Приложения.....	266
Библиография.....	270
Карты.....	281

Алтон С. Доннелли.
Завоевание Башкирии Россией

Научное редактирование издания
Р.Г. Кузеева, И.Г. Акманова

Перевод с английского Л.Р. Бикбаевой

ISBN 5-87204-016-4

Подписано в печать 06.05.95.
Формат 84X108 $\frac{1}{32}$ Объём 9 п.л. Заказ № Б438. Тираж 10000 экз.

Оригинал макет подготовлен МП «Каданс»
Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 060057

Отпечатано в типографии издательства «Башкортостан»

Научное редактирование издания
Р.Г. Кузеева, И.Г. Акманова

Перевод с английского Л.Р. Бикбаевой

Издание осуществлено по решению
международной корпорации
«Ватан»

© Donnelly A.S., 1968

© Yale Univ Press, 1968

© Бикбаева Л.Р., перевод 1995

© Международная корпорация
«Ватан», 1995

Полное или частичное воспроизведение любым способом данного издания или иного его использование без разрешения МК «Ватан» и согласия переводчика запрещается.

Профессор истории АЛТОН СТЮАРТ ДОННЕЛЛИ

Предлагаемая вниманию читателя книга на русском языке издается впервые. Написал ее профессор Нью-Йоркского штатовского университета Алтон Стюарт Доннелли. Опубликована книга более четверти века назад (в 1968 г.) в издательстве одного из самых известных в США Йельского Университета¹.

Конец 1960-х гг. для нашей страны, точнее бывшего СССР, был временем вползания государства и общества после короткой «оттепели», в длительный этап экономического и политического «застоя». В идеологическом отношении это был странный период. С одной стороны «оттепель» успела несколько расковать интеллигенцию, творчески активных людей, возродить их интерес к контактам и к взаимодействию с западной культурой. Появилось стремление наверстать упущенные годы самоизоляции, узнать, изучить, сравнить гуманитарные и гуманистические концепции современного Запада, СССР, России. С другой стороны, ворота в идеологическом частокле «железного занавеса» лишь приоткрылись; щель была слишком узка, чтобы свежие дуновения новой информации достигли всех жаждущих. Более того, официальная идеологическая пропаганда вновь обернулась в прошлое. Через борьбу и расправу с диссидентами вновь оживилось безнадежно устаревшее противостояние с западными философскими течениями, историческими концепциями, по существу с идеологией свободы, равенства, демократии, с творческим свободомыслием.

Советская историческая наука, естественно, отражала ситуацию в обществе. Создавались многотомные истории СССР, укреплялись старые, конст-

¹ Alton S. Donnelly. The Russian Conquest of Bashkiria 1552–1740. A Case Study in Imperialism. New Haven and London, Yale University Press, 1968. 214 p.

руировались новые идеологические стереотипы и мифы. В РСФСР публиковались двух— или трехтом—ные истории автономных республик, в которых социально—экономическая, политическая, культурная история «притиралась» к истории России, подстраивалась к некоей общей идеологической схеме истории огромного и многонационального Евразийского пространства. Формировался обновленный миф об едином потоке истории, которая исключала саму возможность многообразия подходов к изучению и пониманию истории. Начиная с 1930—х гг. истории народов (этносов) почти полностью вытесняются историей республик, краев, областей.

Специальным направлением в исторической науке СССР была борьба с «буржуазной историографией». Нередко она выливалась в критику с «материалистических» позиций западных исследований, с которыми отечественный читатель (да и исследователь) был мало знаком. Изданные в западных странах исследования поступали, как правило, лишь в центральные библиотеки и зачастую оставались в спецхранах. На периферии эти исследования, если даже они были посвящены истории конкретного региона или этноса (например, как в данном случае — Башкирии и башкирам), оставались неизвестными.

К числу таких работ относится книга А.Доннелли. На ее появление советская печать отреагировала, естественно, негативно. Одно из названий книги — «Покорение Башкирии Россией» — на фоне прошедших в 1950—х годах и пышных праздников и официальных научных конференций, посвященных «добровольному» присоединению к Русскому государству Башкирии, Чувашии, Марий Эл, Удмуртии, Казахстана и т.д. было достаточно для крайне отрицательной оценки исследования. А.Доннелли уже в наши дни не без юмора вспоминает, что в рецензии концепцию книги и ее автора назвали «буржуазными». Критике он подвергся и за подзаголовки к книге — «Страницы истории империализма». В те годы

концепции о «добровольном» характере присоединения народов к Русскому государству, не допускающие других альтернатив, о тотально — «прогрессивном» значении присоединения для всех народов, тенденция отрицать «колониальный», «империалистический» характер политики царизма были незыблемыми постулатами советской историографии. Впрочем, термины «империя», «империализм» в западной и советской историографии всегда трактовались неадекватно.

Главное содержание исследования А.С. Доннелли у нас в стране еще не подвергалась анализу. Начало этой работе кладет проф. И.Г.Акманов своим отзывом, публикуемым в настоящем издании. Выход книги на русском языке откроет возможности как для изучения концепции А.Доннелли, так и, наконец, для объективного рецензирования книги.

Суть и значение монографии А.С.Доннелли вовсе не в исследовании и интерпретации самого факта присоединения Башкирии к Русскому государству. Собственно этот сюжет в книге отсутствует, если не считать небольшого экскурса в эту тему, предпринятую на основе опубликованных в России и в РСФСР работ. Главное в исследовании А.С.Доннелли — это стремление понять и объяснить двухвековую историю Башкортостана (1552—1740гг.) — этого ключевого ареала в сердце Евразии — с позиций исторического, политического и социального развития башкирского народа. Такой подход имеет ввиду исследование сложной проблемы превращения Башкортостана во внутреннюю область Российского государства. Эту задачу А.С.Доннелли осуществил блестяще. Он вскрыл процесс и механизм интеграции Башкортостана и башкирского общества в составе Российского государства. В один сложный узел он умело связал стратегические и тактические цели царизма, замыслы Петра и петровской плеяды политиков, последовательное строительство военных крепостей и крепостных линий (пока Башкортостан не

был полностью замкнут с юга и востока), поэтапные реформы политико — административного устройства и его интеграцию в административную систему России, политику Москвы, направленную на создание в башкирском обществе социальной опоры и изменения в связи с этим в его сословно — классовой структуре и т.д. Это с одной стороны. С другой стороны, А.С.Доннелли впервые для западного читателя столь развернуто и глубоко анализирует башкирское общество, его положение и мотивы политического выбора (присоединения к России) в сложной обстановке середины XVI в. В контексте истории степной Евразии А.Доннелли раскрывает политические и культурно — религиозные традиции кочевников, социальную и этнопсихологическую сущность реакции башкирского общества, различных его сил и слоев на экспансию России на Урал, в Башкортостан. С позиций башкир это была, прежде всего, территориальная экспансия, но не только; она нарушала, отбрасывала договорные условия присоединения, разрушая тем самым традиции вотчинного землевладения, обычаи, культуру, в целом весь уклад жизни народа. С этих позиций в построениях А.С.Доннелли многочисленные башкирские восстания конца второй половины XVI — первой половине XVIII вв. воспринимаются как единый и громадный исторический феномен, а именно как борьба народа за незыблемость территории, за сложившуюся веками форму собственности на земли и скот, традиции культуры, уклад жизни. Борьба принимала разные формы: от сопротивления колониальному нажиму до движения за независимость и создание собственного государства. Борьба эта в XVIII в. завершилась сложным результатом: началом глубокой интеграции Башкортостана и башкир в составе России и, в то же время тем, что башкиры отстаивали некоторые традиционные институты: вотчинное землевладение, хотя и сокращенное, традиционный уклад быта, мусульманскую религию. Но башкиры заплатили и за поражение, и за победу до —

рогой ценой — жизнями десятков тысяч своих сыновей и дочерей. Это детально проанализировано и показано в книге.

В представленном кратком изложении заключается, пожалуй, главное значение фундаментального исследования А.С.Доннелли. Уместно лишь сделать одно существенное добавление: все главы исследования опираются на документы, архивные источники, исчерпывающее знание литературы. В этом отношении А.Доннелли является достойным представителем классической школы историков — медиевистов, для которых самую высокую ценность имели исторический факт, документ, источник. Эта школа в сущности была интернациональной: возникнув в Европе, она пустила корни в США, сохранилась в СССР. Среди учителей — наставников А.Доннелли в США были и русские историки — эмигранты из СССР. Он неоднократно бывал в СССР, где изучал и традиции нашей отечественной историографии и источниковедения.

Пора обратиться к личности А.Доннелли как ученого и человека. Кто же он, исследователь, написавший в далекой Америке капитальный труд о башкирах и Башкортостане?

Алтон Стюарт Доннелли родился в ноябре 1920 г. в штате Юта (Utah) на западе США. Отец его был шахтером; совсем еще молодому А.Доннелли тоже пришлось помогая семье спускаться в шахту. По американской традиции деньги надо было заработать и для получения хорошего образования.

Окончив школу, Алтон в 1939 г. поступил в университет родного города Прово (Provo), расположенного у подножия Скалистых гор на берегу живописного озера Юта. Это был университет имени Бригама Юнга (Brigham Young University) — очень известный в США церковный университет. Бригам Юнг в XIX в. был одним из лидеров мормон —

ской церкви. Здесь А.Доннелли готовился для поступления в один из штатовских университетов. В следующем 1940 г. Алтон становится студентом университета соседнего штата Вайоминг (Wyoming). Однако учиться ему пришлось недолго. В Европе бушевала война. В июне 1941г. фашистская Германия напала на СССР. Вторая мировая война вступила в новую фазу развития, в которой США и СССР выступили как союзники. А.Доннелли начал службу в летном составе военно-морского флота США. В качестве военного морского летчика он участвовал в боевых действиях вплоть до окончания Второй мировой войны. После демобилизации в 1946 г. из флота и возвращения домой перед американскими ветеранами, как и перед тысячами вернувшихся с войны наших парней, встал вопрос об образовании. А.Доннелли выбирает Калифорнийский университет в г.Беркли (Berkeley) недалеко от Сан-Франциско. В 1948 г. он завершает первую ступень университетского образования и получает степень бакалавра. К этому времени определились основные научные интересы молодого бакалавра — это были Россия и ее история в XVI—XVIII вв. Интересы А.Доннелли, по его воспоминаниям, сложились под влиянием профессоров— славяноведов из числа эмигрантов, служивших в университете в Беркли и, естественно, под воздействием растущего после Второй мировой войны интереса к России американской историографии. Особенно большую роль в определении круга научных интересов, как вспоминает А.Доннелли, сыграл профессор Георгий Ланцэф, которому посвящено американское издание книги. Научные занятия приводят А.Доннелли в Институт русского и дальневосточных языков, расположенного в том же университетском городе Беркли. Здесь он в течение года изучал русский язык и историю России. Именно здесь, в Институте, углубляясь в российскую историю, в постоянном общении с профессорами—специалистами по ис—

тории Восточной Европы и России А.Доннелли уточняет границы своих будущих исследований. Это была история взаимодействия складывающегося Русского государства и его восточных соседей в Волго—Уральском регионе. Волго—Уральский регион, населенный тюркскими и финно—угорскими народами, в XVI—XVIII вв. занимал обширную территорию (более 700 тыс. кв. км) между северо—восточной Русью на западе, Сибирью и Центральной Азией на востоке, Волго—Яицкими и придонскими степями на юге. Восточную половину этого огромного, стратегически важного для грядущих судеб России региона, занимал Башкортостан.

Однако плодотворная работа А.Доннелли в «русской школе» уже в 1950 г. была прервана. Его вновь призывают во флот. На этот раз военный летчик Военно—морского флота США капитан А.Доннелли участвует в корейской войне. Таким образом, служба в морской авиации продолжается у А.Доннелли с перерывами 10 лет (1942—1952). Это навсегда наложило на него отпечаток: сегодня он пожилой сухошавый профессор с прекрасной офицерской выправкой.

После корейской войны А.Доннелли вернулся в Калифорнию, в свой университет, где в 1955 г. прекрасно защитил диссертацию и получил ученую степень магистра. Естественно, он продолжил учебу в аспирантуре. Это, собственно, была уже не столько учеба, сколько самостоятельная исследовательская работа. Из трех лет послеуниверситетской подготовки (1957—1960), А.Доннелли почти год (в 1958—1959 гг.) провел в СССР, получив субсидии Калифорнийского университета. Работал он в Ленинградском университете на кафедре крупного историка профессора В.В.Мавродина, известного многими книгами и статьями по истории Русского государства XVII—XVIII вв. Здесь в Санкт—Петербурге и в Москве А.Доннелли много и упорно работал в архивах, библиотеках, изучал в подлинниках русскоязычные источники, вошел в среду советских ученых—истори—

ков, укрепил знания русского языка, которым свободно владеет и сегодня. Вернувшись в Калифорнию, А.Доннелли в 1960 г. защитил диссертацию и получил ученую степень доктора философии. В этом же году его приглашает на работу Государственный университет штата Нью-Йорк (в городе Бингхамтон — Binghamton). Здесь он работает до настоящего времени, являясь профессором истории Европы, России, России и Азии XVIII в. исторического факультета университета¹.

В системе науки и образования в США (как и в других западных странах) преподавательская и научная деятельность неразрывно связаны. А.Доннелли разрабатывает и читает курсы лекций «Россия и Азия», «Россия и Восточная Европа», «Западная цивилизация» и др., много работает с аспирантами и студентами, активно участвует в деятельности различных комитетов университета, входит в состав Американской ассоциации историков, Общества славянских исследований, участвует в организации и проведении Международных научных конференций.

В исследовательской работе А.Доннелли за все годы научной карьеры целеустремленно придерживается одной избранной области направления — истории России в период формирования ее внешних границ. Уже в первые годы работы в Нью-Йоркском университете он завершает многолетнюю работу над главным своим трудом «Завоевание Башкирии Россией. 1552—1740». В полиграфическом отношении хорошо изданная книга вызвала большой интерес научной общественности. Уместно заметить, что в западной историографии за последние годы появилось несколько крупных исследований, посвященных истории формирования восточных границ России в XVI—XIX вв. и народам Поволжья, Урала и Сибири.²

¹ State University of New York of Binghamton // Bulletin of the State University of New York of Binghamton: 1991—1992, Vol.22. Number 3. Binghamton, New York, 1991. P.253.

² Kappeler A. Russlands Erste Nationalitäten: Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga. Köln; Wien, 1982; Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600—1771. Cornell University Press. Ithaca and London, 1992; Lincoln W. Bruce. The Conquest of a Continent. Siberia and Russians. Random House New York, 1993.

Эти исследования будут полезными при обновленном осмыслении истории формирования территории Российского государства и включения в ее состав нерусских народов упомянутых обширных регионов.

Из других работ А.Доннелли, опубликованных в разных изданиях, а также в «Современной энциклопедии русской и советской истории» особенный интерес в аспекте истории Башкортостана представляют «Петр Великий и Центральная Азия», «Петр Великий и Сибирь», «Подвижная степная граница: завоевание Башкирии и Казахстана Россией к 1850 г.», «Ремезов» и др. Перу А.Доннелли принадлежит цикл исследований по русскому населению Аляски и Калифорнии, истории Российско-Американской кампании, колонизации Сибири. Много сделал А.Доннелли для ознакомления американских ученых и читателей с работами историков России и СССР по близкой ему проблематике. Он выступает как переводчик и издатель книг по истории Российско-Американской кампании, о русских общинах на Аляске, Калифорнии и Тихом океане, записок путешественника Джона Кастла о казахском хане Абулхаире и др., в разное время изданных в России и СССР. А.Доннелли продолжает трудиться и сегодня. Сданы в печать или подготовлены к изданию новые работы, в т.ч. исследование о правлении России тюркскими и финно-угорскими народами в Среднем Поволжье.

А.Доннелли как ученый и как наставник молодежи имеет высокий авторитет в среде научной общности. Ему присвоено почетное звание заслуженного профессора Нью-Йоркского университета, многократно присуждались гранты и субсидии для работы в России, для путешествия по республикам и городам Центральной Азии. Нарисованный портрет А.Доннелли будет неполным, если не дополнить его еще одним штрихом: он человек глубоко религиозный. В 1984—1988 гг. А.Доннелли был епископом церкви Иисуса Христа в Бингхамтоне. Это одно из

направлений в американской христианской церкви, возникшее в конце первой четверти XIX в. По преданию Бог ниспослал простому и праведному американцу Иосифу Смиуту древнее Писание, известное под названием «Книга Мормона». Последователей этой веры в нашей отечественной литературе называют мормонами. А.Доннелли вместе с супругой и постоянным помощником в науке, в общественной и религиозной деятельности Кэтрин Доннелли больше года (с ноября 1991 г. по февраль 1993 г.) жил в Санкт-Петербурге, где выполнял по поручению мормонской церкви обязанности старосты группы миссионеров — мормонов из США. Таков кратко портрет А.Доннелли — крупного ученого, общественного и религиозного деятеля, капитана в отставке военно-морского флота.

В декабре 1992 г. профессор А.Доннелли избран Почетным академиком Академии наук Республики Башкортостан. По приглашению президиума АН РБ он дважды побывал (второй раз вместе с Кэтрин Доннелли) в стране, над историей которой трудился многие годы. А.Доннелли побывал в районах республики. С особым интересом он встречался с башкирами, потомками тех батыров, которые почти на два столетия задержали распространение Российской экспансии на восток — в Казахстан и Центральную Азию.

Выход книги А.Доннелли на русском языке волнующее событие и для нас, благодарных ему читателей, и для автора — ученого и гуманиста.

Профессор Р.Г.Кузеев

Башкортостан и Россия: Взаимоотношения в середине XVI— первой половине XVIII вв.

Башкиры представляют один из древних народов Евразии. Объективно анализируя совокупность сохранившихся источников, выдающийся ученый Ахметзаки Валили Тоган приходит к выводу о том, что в I—II вв. нашей эры башкиры как объединение рядя тюркских племен, в том числе бурзян, усерган, тамьян, гайна, канглы, кипчак, юрматы, еней, табын, занимали обширную территорию Южного Урала¹. Сведения древних тюркских легенд о башкирах как обитателей по реке Идель (Волга) и горной стране (Уральские горы) еще до появления на Средней Волге болгар также говорят в пользу этого вывода². Не случайно арабские авторы IX—X вв. рисуют башкир как исконных жителей Южного Урала.

В многовековой истории башкир выделяется прежде всего первое тысячелетие нашей эры, в начале которого кочевые тюркские племена, шедшие с юга и юго-востока, объединились, заняли обширные земли между Уралом и Волгой, подчинили местные племена, что привело к формированию башкирской народности. В течение этого тысячелетия она продолжала укрепляться и развиваться за счет новых потоков тюрко-монгольских переселенцев. Параллельно происходили социально-экономические сдвиги в развитии башкирского общества, экономический подъем и социальная дифференциация, выделение знати и формирование государственности. О последнем свидетельствуют материалы, отражающие соперничество и борьбу между башкирскими племенами и появлением ханов из башкир.

1 А.Валиди Тоган. История башкир. История тюрков и татар. Уфа. 1994. С.9; Он же. Воспоминания. Кн.1. Уфа.1994. С.8.

2 А.Валиди Тоган. История башкир. С. 10.

Следующий этап башкирской истории связан со вторжением татаро-монголов на Южный Урал. Свыше 300 лет башкиры жили сначала под властью Золотой Орды, позднее — Ногайской Орды, Казанского, Сибирского, частично Астраханского ханств.

Новый этап истории башкир начался в середине XVI века, когда они присоединились к Русскому государству и свыше четырех веков живут в его составе. Невозможно однозначно оценить данный период истории башкир. С одной стороны, в это время происходит заметный социально-экономический подъем и консолидация башкирского народа, идет приближение его к европейской цивилизации. С другой стороны, в отношении башкир постепенно, но систематически проводится политика ассимиляции и русификации. Соответственно, одной из черт характеризующего этапа является постоянная борьба башкир за свои права, вплоть до вооруженных восстаний, как это было с конца XVI века до 30-х гг. XIX в., против ассимиляции, за сохранение своей самобытности и самостоятельности, как народа.

Политика ассимиляции и русификации особенно целенаправленно проводилась в годы Советской власти. Она велась под флагом борьбы за социализм, коммунизм и достигла небывалых успехов. За 70 лет советского тоталитаризма в этом отношении сделано больше, чем за 400 лет царского самодержавия. Башкиры, как и многие народы России, оказались на грани исчезновения, нанесен чувствительный удар их существованию как народа. В тяжелом положении находится и национальная культура, язык, школа, религия, психология. Все это объясняет развертывающуюся в настоящее время борьбу нерусских народов за свое сохранение и возрождение. В этой ситуации большое значение приобретает объективный анализ исторического развития нерусских народов в Российском государстве, чтобы учесть опыт прошлого в борьбе за их сохранение и дальнейшее развитие.

О пребывании башкир в составе России в сере-

дине XVI — XVIII вв. опубликовано немало исследований. В работах дореволюционных авторов П.И.Рычкова, Н.М.Карамзина, С.М.Соловьева, В.А.Новикова, Н.А.Фирсова, В.Н.Витевского, М.И.Уметбаева и других накоплен значительный фактический материал о присоединении башкир к Русскому государству, об их хозяйстве, быте и культуре, о колонизации края, политике царизма, башкирских восстаниях XVII — XVIII вв. П.И.Рычков, Н.М.Карамзин, В.А.Новиков, М.И.Уметбаев справедливо писали о мирном вхождении башкир в состав России, о массовом характере и важной роли восстаний башкир. В их трудах можно найти верные наблюдения и выводы и по другим вопросам. Но большинству этих работ свойственен европоцентризм. Все, что не укладывалось в общеизвестную схему европейской истории — оригинальные социально-экономические, политические и культурные институты, обычаи, нравы — объявлялось отсталостью, дикостью, своеобразные действия и поступки коренного населения — реакционными явлениями. Все дореволюционные историки рассматривали, например, основную отрасль хозяйства — полукочевое скотоводство как непроизводительное, отсталое хозяйство, башкирское общество XVII — XVIII вв. как родовое, идеализировали земледелие и земледельцев, их образ жизни. Другим характерным моментом исследований дореволюционных историков является идеализация роли России, русских в Башкортостане, политики царизма в общенности. Таким образом, работы последних в целом носят тенденциозный, односторонний характер, они служат общей цели русского царизма в Башкортостане — ассимиляции и русификации коренного населения.

Большое внимание к этим сюжетам уделяли и советские историки. Положительной стороной работ Н.А.Чулошниковой, А.Ф.Рязанова, Ш.И.Типеева, П.Ф.Ищерикова является объективная характеристика взаимоотношений башкир и царской России

(башкиры и русские рассматриваются как равноправные соседи, политика в крае оценивается как колонизаторская и т.д.). Авторы 30–50-х гг. XX в. А.П.Чулошников, В.И.Лебедев, Н.В.Устюгов, А.Н.Усманов, Н.Ф.Демидова, Р.Г.Кузеев обосновали добровольное присоединение башкир к Русскому государству, конкретно исследовали социально-экономические отношения в башкирском обществе, процесс колонизации, историю восстаний XVII–XVIII вв. Вместе с тем в освещении и оценке многих сюжетов истории башкир в середине XVI–XVIII вв. советские историки с 40-х гг. допустили существенные недостатки. Последние объясняются отчасти тем, что в условиях упрочения тоталитарного режима в стране они в своих работах вернулись в значительной степени к концепции дореволюционной русской историографии. Многие из них заняли позицию европоцентризма, идеализации политики русского царизма, русской истории, избирательного подхода к событиям прошлого. Эти принципы легли в основу исследований башкирской истории. Все они нашли наиболее полное отражение, в частности, в работах Н.В.Устюгова и его последователей о башкирских восстаниях XVII–XVIII вв., и объясняют появление таких оценок башкирских движений как «реакционных», «бесперспективных», антинародных феодальных движений. Это означало отрицание всякого исторического значения башкирских восстаний. Правда, башкирские исследователи выступали против подобных выводов. Тем не менее концепция Н.В.Устюгова получила официальное признание — вошла в учебники.

Итак, исследователи проделали большую работу по башкирской истории середины XVI–XVIII вв., пришли к ряду интересных выводов и обобщений. Однако ряд крупных вопросов нуждается в коренном пересмотре. Одним из условий успеха является объективная оценка исторических событий и явлений, отказ от их идеологизации, в частности, пресловутого

европоцентризма, идеализации царской России, истории русских, избирательного подхода к башкирской истории. Нужны работы, свободные от различных штампов. Лишь таким путем можно восстановить правдивую историю прошлого, извлечь из нее уроки.

На этом фоне представляется своевременным издание на русском языке книги американского историка А.С.Доннелли «Завоевание Башкирии Россией 1552–1740. Страницы истории империализма», выпущенной в 1968 году в США.

Прежде всего следует отметить, что содержание монографии гораздо шире названия. Наряду с основным вопросом — завоеванием и подчинением башкир русской власти, в ней значительное внимание уделяется политике России на востоке, а также внутренней жизни народов Среднего Поволжья, Приуралья, отчасти Казахстана и Средней Азии.

Монография содержит большой фактический материал. Автор выявил и тщательно изучил опубликованные источники и историческую литературу по теме. Библиография включает 158 названий, а также 56 документальных публикаций. Все это позволило ему достаточно полно и квалифицированно осветить сложные события того времени в обширном регионе Евразии. Отметив односторонность русской историографии в освещении истории нерусских народов, он поставил целью своего исследования дать объективную картину событий в регионе. В этом плане автором задача выполнена.

Работа состоит из предисловия, десяти глав и заключения. К ней приложены библиография, состоящая из опубликованных источников и литературы, карты Башкортостана того времени, двух таблиц с перечнем крепостей, редутов с указанием их расстояния от Оренбурга и численности некоторых гарнизонов. Приложения дополняют основной текст и позволяют читателю глубже понять содержание монографии.

Во введении удачно поставлена проблема, под—

черкнута наиболее общая черта развития России — постоянное расширение территории. Вся жизнь страны была подчинена этой цели, основными средствами достижения этой цели были войны и дипломатия. Далее автор характеризует политику России в середине XVI — первой половине XVIII вв. на юго-восточной окраине — Башкортостане. Мероприятия властей по упрочению здесь своих позиций автор считает покорением и завоеванием края. Данный акт он рассматривает как частное проявление общей завоевательной политики России, и борьба за этот регион, по его мнению, продолжалась 200 лет ввиду яростного сопротивления башкир. Тем не менее край был покорен, местное общество было расколото, уничтожена примерно треть населения, побежденный Башкортостан стал базой для дальнейшего наступления на Восток — завоевания Казахстана и Средней Азии. Со всеми этими рассуждениями автора нельзя не согласиться.

Во второй главе «Юго-восточная граница: страны и народы» дается естественно — историческая характеристика обширного юго-восточного региона от Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии до Среднего Поволжья, образа жизни его обитателей, организации управления ими. Отметив ожесточенный характер борьбы за Казанское ханство, автор подчеркивает этапное значение победы: отныне открыта была дорога для дальнейшей экспансии России на Восток. Глава не лишена отдельных погрешностей. Нельзя согласиться с утверждением, что башкиры в XVII—XVIII вв. являлись кочевниками. На самом деле они вели полукочевое хозяйство. Считая защиту границ от враждебных кочевников первой причиной активизации России за Волгой после падения Казани, автор вольно и невольно способствует оправданию завоевательной политики царизма в этом районе. В целом же основные оценки и суждения главы представляют большой интерес.

В 3-й главе «Москва и Башкирия» рассматрива —

ются такие вопросы как присоединение башкир к России, башкиро — русские взаимоотношения в середине XVI — XVII вв., в частности, политика царизма в крае.

Сложным является вопрос о присоединении башкир к Русскому государству. Не случайно в исторической литературе долгие годы шли споры. Автор в принципе не отрицает добровольное присоединение башкир, но считает это лишь формальным признанием русской власти, что добровольное подчинение было в форме сюзеренитета. Интересно его положение о том, что башкиры, находившиеся до этого в зависимости от других государств, относительно легко могли пойти на подчинение России.

Предложенная схема внешне привлекательна, но вызывает ряд возражений. Идея о том, что башкиры в середине XVI века лишь формально присоединились к России, не нова. Она высказывалась уже рядом историков, в частности В.Н.Витевским, Ш.И.Типеевым. Нельзя согласиться и с утверждением А.С.Доннелли о том, что присоединение башкир означало сюзеренитет, а не подданство. Решая этот вопрос, к сожалению, автор не использовал ценный источник — башкирские шежере¹. В них события изложены с точки зрения самих башкир. В шежере есть конкретный материал об условиях присоединения, следовательно, о характере данного акта: башкиры с первых лет присоединения стали платить Русскому государству налоги (ясак), несли другие повинности. Это говорит о подданстве башкир Русскому государству. Здесь можно сослаться на работы Р.Г.Кузеева и А.Н.Усманова, которые специально изучили вопрос о сущности и характере присоединения башкир к России и сделали вывод, что башкиры добровольно приняли русское подданство².

¹ Башкирские шежере. Составление, перевод текстов, введение и комментарий Р.Г.Кузеева. Уфа.1960.

² Кузеев Р., Юлдашбаев Б. 400 лет вместе с русским народом. Уфа. 1957. С.40—65; Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа. 1960. С.136, 137.

Доннелли далее утверждает, что в процессе фактического подчинения (переселение русских в Башкортостан, захват земель, произвол русских чиновников) башкиры отказались от русской власти, а русские начали длившиеся два столетия завоевательные войны.

Конечно, отрицать тесную связь факта присоединения башкир к России с последующими событиями в крае, в частности с восстаниями, невозможно. Но рассуждать можно несколько иначе, чем автор. Выше нами отмечено, что башкиры вошли в состав Русского государства на определенных условиях. Обе стороны — и башкиры, и царское правительство взяли на себя вполне конкретные обязательства. Когда же русская сторона нарушала положения договора, башкиры считали своим правом отстаивать их соблюдение, в том числе вооруженной рукой. Они восстали, а русский царизм, стремясь удержать власть над башкирами, взял курс на укрепление своих позиций в крае. Борьбу башкир за соблюдение русскими властями условий присоединения вряд ли можно считать войнами против России, хотя они сами так их называли. С другой стороны, и акции русского царизма по укреплению своих позиций в крае, несмотря порою на их жесткий характер (с 30-х гг. XVIII в.), трудно считать войнами за завоевание Башкортостана. Башкир не надо было завоевывать, они с середины XVI века считали себя подданными русского царя.

Истории восстаний конца XVI—XVII вв. в данной главе уделено значительное внимание. Описание восстаний автор ведет в тесной связи с другими политическими событиями региона — с притязаниями ногайцев и кучумовичей на сохранение своей власти над краем, с появлением калмыков, их вмешательством в башкирские дела, а также с учетом русско-казахских отношений. Интересны суждения о тактике русских властей в борьбе с башкирами. Автором правильно замечен и раскол среди башкир, их деле-

ние на недовольных русской властью и «лояльных» или «верных». В книге, хотя и вскользь, говорится о недовольстве местного населения налогами, захватом земель переселенцами, насилиями русских чиновников. Отмечая массовый характер движений, автор называет их великими пограничными войнами. Он пишет, что эти движения заставляли русские власти принимать некоторые меры для облегчения положения башкир (ограничение захвата их земель, частичное уменьшение налогов, усиление контроля за чиновниками). В то же время глава не лишена отдельных слабостей. Ход восстаний изложен в самом общем плане, не показаны действия восставших, основное внимание уделено карательным мероприятиям властей. Неверно дана хронология движения 1681—1684 гг., автор датирует его с 1675 по 1683 г. Отмеченные недостатки объясняются, по-видимому, тем, что автор освещал события, в основном, на базе опубликованной литературы. Как раз в ней, особенно в дореволюционной, показана лишь история подавления восстаний, неверно они датированы. Тем не менее, изложенный в данной главе материал представляется интересным, охватывает много фактов, в ней имеются оригинальные суждения.

Совершенно справедливо автор в отдельную главу выделяет положение в крае в первой четверти XVIII в. под названием «Юго-восточная граница во время царствования Петра Великого», ибо именно в это время были заложены основы для активизации России в данном регионе. В главе обстоятельно показаны экономические и политические причины намечаемых мероприятий, обстановка в соседних странах, первые попытки проникновения в Казахстан и Среднюю Азию при Петре I. Соглашаясь с выводами автора, все же следует отметить, что основная причина активизации России в регионе заключается не в защите границ от башкир, казахов и калмыков, как утверждается в книге, а в том, что Петр I стремился прибрать к рукам богатства Казахстана,

Средней Азии, далее Индии. В главе излагается также история восстания 1704–1711 гг. В ней есть важные факты и положения, но в целом восстание описано кратко, как бы мимоходом, как и движения XVII в. в предыдущей главе.

Главы 5 и 6 под названиями «Начало Оренбургского проекта» и «Оренбургская экспедиция» посвящены анализу проекта И.К.Кириллова об Оренбургской экспедиции и началу ее деятельности. На основе изучения источников и литературы автору удалось подробно и объективно показать сущность проекта Кириллова, а также подготовку, приезд, первые мероприятия экспедиции и начало массового сотрудничества башкир.

Продолжение мероприятий Оренбургской экспедиции и вооруженная борьба башкир с ней в 1735–1740 гг. характеризуется в главах 7–й «Кирилловская война», 8–й «Татищев принимает командование» и 9–й «Усмирение Башкирии». Как и предыдущие, названные главы содержат большой и разнообразный фактический материал. В них прежде всего подробно показывается деятельность трех начальников экспедиции — И.К.Кириллова, В.Н.Татищева, В.А.Урусова и командиров Башкирской комиссии А.И.Румянцева, М.С.Хрущова, Л.Я.Соймонова по подавлению восстания башкир и упрочению позиций царизма в крае. О действиях восставших в 1735–1736, 1737–1738 гг. систематического изложения нет, о них мы узнаем по описанию карательных действий властей, отдельно упоминаются лишь наиболее крупные акции восставших как, например, нападение Кильмяка на команду генерала Румянцева. Несколько выделяется в этом плане раздел, посвященный движению 1739–1740 гг. под предводительством Карасакала, где достаточно подробно показан ход восстания.

Таким образом, перечисленные главы дают целостное представление о деятельности Оренбургской экспедиции в Башкортостане, в том числе о подавлении башкирских движений 30–х гг. XVIII в.

Работа завершается заключением, в котором сделаны важные выводы. Нельзя не согласиться с автором, что Россия на Востоке проводила такую же им-

периалистическую, завоевательную политику, как и остальные европейские страны в борьбе за колонии. Основным средством завоевательной политики России являлась военная сила. Наряду с ней она применяла дипломатию и политику «разделяй и властвуй», умело натравливала народы друг на друга. Одни колониальные народы превращались в орудие закабаления других. Совершенно верно автор утверждает, что реализация задач Оренбургской экспедиции затянулась на более длительный срок по сравнению с проектом. Жизнь внесла серьезные коррективы в этом отношении. Претворение плана экспедиции расчленилось в три самостоятельные фазы: подчинение Башкирии, присоединение Казахстана, захват Средней Азии. К середине XVIII в. была реализована лишь одна задача — подчинение Башкирии. Хотя трудно согласиться с тезисом А.С.Доннелли, что Россия с середины XVI в. до 40–х гг. XVIII в. завоевывала Башкирию, но он прав, утверждая, что политика России в Башкирии представляет собой составную часть ее наступательной политики на Востоке.

Таким образом, книга Алтона С.Доннелли посвящена крупной проблеме — истории Башкортостана в середине XVI в. — первой половине XVIII века. В ней собран большой фактический материал, высказаны очень интересные и оригинальные мысли. Одним из достоинств книги можно считать нетрадиционный для российских исследователей подход автора к ряду вопросов этой темы. Она представляет собой одно из пониманий нашей сложной истории, которое, естественно, имеет право на существование.

Издание книги Алтона С.Доннелли «Покорение Башкирии Россией. 1552–1740. Страницы истории империализма» расширит наши представления о сложных событиях края, будет существенным вкладом в создание правдивой истории Башкортостана.

Акманов И.Г.,
доктор исторических наук, профессор

Предисловие

Много уже написано об открытой границе как одной из ключевых тем Российской истории. Хотя по данному вопросу имеется обширная литература на русском языке, западные исследования по этой теме до сих пор сравнительно редки. В последние годы ряд европейских и американских ученых предприняли попытку восполнить этот пробел, однако предстоит еще многое исследовать, прежде чем будет воссоздана достаточно полная картина этого исторического процесса. Данная тема представляет особый интерес для американцев вследствие имеющегося сходства с историей их собственных границ. Ученые, занимающиеся изучением империализма и колониализма, так же найдут много поучительного в Российском опыте. В настоящей работе рассматривается одним из аспектов этого процесса.

При описании завоевания Башкирии Россией нередко мной возник ряд достаточно сложных проблем. Прежде всего, обращение к экспансии Российского государства на пространства, населенные нерусскими народами, ставит перед исследователем сложную и трудно разрешимую задачу по возможности более объективного освещения агрессивного империалистического покорения чужого народа. Полновесное исследование вопроса, с другой стороны, зависит от доступности письменных источников на языках местных народов. К сожалению, кроме челобитных, адресованных Российскому двору, почти ничего не сохранилось. В некоторых случаях факсимиле и переводы можно обнаружить в русских сборниках документов. Другой трудностью для исследователя, стремящегося справедливо осветить историю колониальных народов, является тенденциозное толкование событий в русских документах. Эта предвзятость

связана с мнением, что, несмотря на экспансионистские цели и действия Российского государства в отношении чужих территорий, завоевание в конечном итоге имело прогрессивное значение, так как русские являлись носителями более высокой культуры, чем завоеванные народы. Даже в настоящее время русские специалисты в этой области придерживаются данной точки зрения. Американские историки сталкиваются с аналогичной проблемой при рассмотрении вопросов американской экспансии на запад за счет местных индейских племен.

Я поставил перед собой задачу исследовать колониальную политику и деятельность России. Это неизбежно привело к более поверхностному освещению точки зрения завоеванных народов. Я предпринял попытку беспристрастно рассмотреть мотивы и действия русских, осмыслить их с точки зрения России. Тем не менее, мой очерк в большой степени проливает свет на вопрос о значении этого завоевания с позиции самооценки человеческой жизни для других народов, оказавшихся вовлеченными в этот процесс. Исследование истории границ государств в этом аспекте лишь только начало привлекать пристальное внимание ученых¹.

Самой сложной для меня проблемой явилась разработка рациональной системы транслитерации и написания имен и названий из самых различных европейских и азиатских языков. Трудности иногда усугублялись тем, что в документах XVIII в. имеют место случаи сильного искажения имен и названий, что затрудняет определение их первоначальной формы. Имена и названия, взятые из европейских языков, использующих латинский алфавит, писались мною также, как в языке — источнике, например скорее Бюрен, а не Бирон. Монгольские, персидские, и

¹ Теоретические положения, которые легли в основу этой точки зрения, представлены в работах: Robert Redfield. *The Primitive World and Its Transformations*. Ithaca. 1953; Herbert Lüthy. «Colonization and the Making of Mankind.» // *Journal of Economic History*. 21 (December 1961.) P. 483-495.

тюркские имена и названия даются в англинизиро — ваных формах, когда они имеют широкую или не очень широкую известность. К наиболее важным именам в скобках добавлены альтернативные. Что касается башкирских имен и названий, с ними были связаны наибольшие трудности. Башкирская письменность сейчас пользуется видоизмененной кириллицей, которая легко транслитерируется непосредственно на русский язык. Поэтому я транслитерировал башкирские имена и названия с русских написаний, главным образом по причине того, что лишь немногие исследователи знают башкирский язык и большинство ученых встречается с башкирскими названиями в русском звучании.

Я выражаю свою благодарность покойному профессору Джорджу Ланцеффу, который первый направил меня на эту тему, профессорам В.А.Рязановски, Николасу В.Рязановски и Вольфраму Эберхарду за их согласие ознакомиться с машинописным текстом и высказанные ценные замечания, а также другим читателям за их предложения по улучшению работы. Я так же многим обязан профессору Североиллинойского Университета Кеннету Оуэнсу, исследователю американской экспансии на запад, за его помощь и критические суждения относительно структуры и стиля книги и предоставленные им сведения по сходным и контрастным явлениям из области американского пограничного опыта. Наконец, я признателен моим родителям за их продолжительную моральную и материальную поддержку и моей жене Кэтлин Доннелли за неослабевающий интерес, ободрение и помощь в работе над книгой.

А. С. Доннелли.
Университет штата Нью — Йорк,
Бинхамтон, Нью — Йорк.

Глава I

Введение

Советский Союз является самой крупной в мире страной. Превращение крошечного Московского княжества в гигантскую мировую империю является одним из чудес современности. Этот процесс рассматривался многими историками, хотя за пределами самой России это было скорее теоретическим, чем системным фактологическим исследованием. Даже выдающийся русский историк В.О.Ключевский, осознававший значение этого явления и считавший колонизацию основным фактом русской истории, обусловившим целый ряд других ее особенностей¹, в своей пятитомной истории России отводит весьма незначительное место описанию экспансии.

Многие события российской истории невозможно осмыслить без познания процесса ее перерастания в империю. Об этом свидетельствуют знаменательные последствия каждого шага — завоевания Ивана III, разделы Польши, присоединение Украины, Крыма, покорение Сибири, Прибалтийского региона, части Средней Азии. Внешняя политика и преобразования внутри страны часто оказывались тесно связанными с расширением границ государства.

Увеличение размеров Московии является не только ключом к пониманию Российской истории, но еще также и примером европейского империализма, совпадающего по времени с имперскими действиями западных держав начиная с эпохи великих открытий. Более полное изучение русского сюжета могло бы пролить больше света на этот европей —

Ключевский В.О. Курс русской истории 8 — 5 тт. М. 1937. Т.I.C.21.

особенно выгоден из — за исключительной прибыльности мехов, которыми обычно платили ясак в XVII веке и даже позднее. В эти столетия нехватка денег — ных средств ощущалась особенно остро из — за непомерных расходов на ведение частых войн. Третья причина особенно ярко проявилась в царствование Петра Великого. В процессе обновления Российского государства и общества, Петр стремился развивать на Урале металлургическую промышленность. Надежды на открытие других богатых месторождений полезных ископаемых заставили усилить рыбок на восток. В четвертых, Московию в Азию влекли мечты, хотя по большей части и иллюзорные, стать, подобно португальцам, датчанам и англичанам, посредниками в торговле экзотическими товарами из Персии, Средней Азии, Китая и Индии. И в конечном счете, миграция русских в пограничные регионы способствовала расширению империи. Часть переселенческого потока была организована правительством, которое стремилось укомплектовать административный аппарат и пополнить военных сил. Гораздо более значительным по своей численности был непрекращающийся поток беглых крестьян и солдат, стремившихся избежать гнета крепостничества и тягот военной службы. Существовали и другие интересы, обусловившие русскую экспансию на юго — восток, но указанные пять причин являлись важнейшими.

По мере продвижения за юго — восточную границу русские встретили ожесточенное сопротивление со стороны коренного населения, выступавшего против уплаты ясака и захвата их земель. В конечном счете русские вынуждены были прибегнуть к насилию, хотя они всегда находили законные предлоги в оправдание своих имперских действий. Ввиду немногочисленности русских на границе, для поддержания контроля над местным населением требовались мастерство и дипломатия. Для борьбы с выступлениями местного населения с годами были выработаны два основных приема. Начиная со времени царствования Ивана IV стала создаваться специальная пограничная оборонительная система. Для защиты уже присоеди —

ненных земель от внезапных набегов кочевников вдоль границы возводилась линия крепостей и сторожевых застав. В то же время для ослабления сил кочевников русские прибегали к дипломатическим уловкам. Ввиду того, что в степи не было каких — либо других реально существовавших границ кроме рек, талантливым и воинственным местным вождям иногда удавалось объединить большое число племенных групп. Эти племенные конфедерации представляли серьезную военную угрозу поселениям русских и разбросанным вдоль границы сторожевым заставам. Целью русской дипломатии было уменьшение военной опасности путем следования древнему принципу имперской политики «разделяй и властвуй».

В случае, если какая — то группа оказывалась изолированной и незащищенной от других враждебных племен, что было прямым или косвенным следствием проводившейся русскими политики, она часто искала защиты у русских. Затем обычно следовали формальное подчинение царю и открытое завоевание. Далее, оборонительная линия крепостей продвигалась так, что бы охватить только что завоеванную территорию. Население переходило под власть русской администрации, в то время как русские готовились «защищать» себя от следующего племени, кочевавшего в непосредственной близости от границы. Этот процесс расширения русских границ можно проследить на примере завоевания Украины. Продвижение оборонительной линии на юго — восточной границе осуществлялось такими же этапами.

Из — за отдаленности этого региона от центра Московии и военной мощи кочевников экспансия на юго — восток вылилась в очень длительный процесс. Тогда как за менее чем столетие после завоевания Казани в 1552 г. русские сумели преодолеть обширные просторы Сибири и значительно продвинуться на территорию Украины, присоединение к империи Средней Азии продолжалось более трех столетий. Два столетия из трех были затрачены на покорение

ский феномен современности.

Обозрение этапов русской экспансии вскрывает не одно, а целый ряд событий. Завоевание каждой отдельной территории имеет свою историю. Для того, чтобы исчерпывающе раскрыть общие закономерности, необходимо исследовать важнейшие фазы роста империи. Хотя русскими учеными много написано о различных частях своей страны и в последние годы советские историки интенсивно изучают неславянские регионы, большинство этих работ сознательно или нет, преследует определенные интересы. Таким образом, задача объективного освещения Российской истории, по крайней мере на сегодняшний день, остается возложенной на иностранного ученого.

В целом завоевание Башкирии является составной частью экспансии России в Азию вдоль степной границы. В Азии, вообще говоря, Россия имела двоякого рода границы: лесную и степную. Русскую экспансию в Азию можно условно подразделить на два потока, каждый из которых характеризуется присущими ему особенностями, обусловленными существенными климато-географическими различиями этих пограничных районов¹.

Первый поток русской экспансии имел своей целью завоевание Сибири. Действующими лицами этих событий были охотники за пушниной и купцы, сплавливающиеся по рекам и промышлявшие пушного зверя в густых чащах малонаселенного региона, где обитали первобытные племена. Некоторые из них все еще жили в каменном веке, когда впервые столкнулись с русскими. Второй поток экспансии был направлен с северных лесов Европейской части России в необъятные южные степи, на Украину и Казахстан. Здесь русские, сталкиваясь с противодействием со стороны разных народов, были вынуждены проводить

¹ Покойный Джордж Ланцефф, профессор Калифорнийского Университета, выделил эти два потока и указал их особенности в докладе, сделанном на заседании Ассоциации историков долины реки Миссисипи в 1955г.

в отношении последних политику, адаптированную к конкретной ситуации.

Вся степная граница, простиравшаяся с Украины через Казахстан в Монголию характеризовалась единым образным ландшафтом — это была травянистая степь, населенная кочевыми тюркскими племенами. Однако отдельные части этой огромной территории различались по условиям жизни и историческому развитию народов. В Украинских степях русские столкнулись с турками — османами и поляками, которые имели жизненно важные интересы в этом регионе. К востоку от Волги, русские столкнулись главным образом с кочевниками, хотя на периферии и имели связи с Персией, среднеазиатскими ханствами и даже Китаем. В центре настоящего исследования Заволжская граница, которую можно условно назвать Юго-Восточной степной границей, так как с точки зрения русских рассматриваемый регион в XVI—XVIII веках располагался к юго-востоку от центра Московской Руси.

Чем привлекал русских этот край? Империализм и его движущие силы — чрезвычайно сложное явление, однако даже при беглом обзоре русской экспансии в Азию можно обнаружить ряд практических причин, хотя нельзя не отметить здесь некой таинственности, схожей с американским «божьим промыслом». Что же касается ясно осознаваемых целей, в основе продвижения русских на юго-восток лежали пять главных причин. Набег степных кочевников на Русскую землю заставили московское правительство искать средства защиты. Оборонительные действия постепенно переходили в наступательные и в конечном счете вылились в завоевание приграничных народов. Другой причиной явилось стремление увеличить государственные доходы. Подобно другим европейским государствам в процессе их становления на заре нового времени, московское правительство постоянно испытывало нехватку денежных средств. Местное население приграничных районов являлось потенциальным плательщиком дани, сбор которой был

степных народов проживавших на юго-восточной границе.

В этом очерке рассматривается завоевание одного из этих народов — башкир. На протяжении почти двух веков после завоевания в 1552 г. Казани русские очень осторожно продвигались на юго-восток. Сопротивление местного населения нашло отражение в ряде колониальных войн, которые расстроили планы русских. Лишь в третьем десятилетии XVIII века русские сумели добиться решающего перелома в этом регионе. Они предприняли многочисленную экспедицию, которая в течение нескольких лет продвинула границу на сотни миль вглубь. В ответ на это местные жители втянули русских в ужасную войну, продолжавшуюся в общем и целом 5 лет. Русским удалось навязать мир местному населению при помощи военной силы и дипломатии, в результате чего лояльные союзники русских стали самой действенной силой в полном разгроме враждебных групп. Для поддержания контроля над завоеванными территориями русское правительство разработало амбициозные планы по продвижению линии пограничных крепостей и военных городков, закрывших регион. Это привело к изоляции народов от их союзников за пределами юго-восточной границы. Результатами русского завоевания явились раскол местных обществ, истребление почти одной трети населения и присоединение к Российской империи обширной территории, богатой природными ресурсами. К середине XVIII века линия крепостей, протянувшаяся вдоль реки Урал до самого Каспийского моря закрыла «Уральские ворота» — равнинный проход между Уральскими горами и Каспием, через который веками азиатские кочевые племена устремлялись в Европу. Впоследствии эта линия стала плацдармом для завоевания Казахстана и Туркестана. Завоевание Башкирии было значительным этапом на пути создания Империи.

Глава II

Юго-восточная граница: земли и народы

География и климат

Регион, расположенный по обе стороны южной части Уральских гор и ограниченный на западе рекой Волгой, на севере — Камой, на юге — средним течением реки Урал, на востоке — рекой Тобол, был землей башкир. Современная Башкирская Советская Автономная Республика, примерно равная по площади американскому штату Иллинойс, занимает значительно меньшую часть этой некогда более обширной территории. Данная местность отличается большим разнообразием рельефа и включает в себя восточную часть Русской равнины, западные отроги Уральского хребта, южную оконечность горного массива и часть Западно-Сибирской низменности.

Скалистые горные вершины достигают 5 тыс. футов и более. У подножия гор расположены луга и болота. Склоны гор и долины покрыты лесами. Севернее 54 параллели произрастают хвойные леса, к югу от этой широты появляется все больше лиственных деревьев. Далее на юго-запад леса уступают место лесостепям и, наконец, сменяются травянистыми степями. С сибирской стороны горные вершины переходят в лесистые луга, которые в свою очередь, ближе к югу превращаются в степи.

В этом регионе в течение четырех месяцев стоит относительно теплая погода с температурой более 50 градусов по Фаренгейту, хотя случается и температура 85 — 90 градусов. Весна очень короткая. Для сева —

ро — запада характерна более влажная и прохладная погода, к юго— востоку климат теплее и суше, при этом среднее количество осадков колеблется от 16 дюймов на юге, до 24 — на севере. Зимы долгие и суровые. Температура падает до —40 градусов по Цельсию» в горах, а величина снежного покрова колеблется от 10 до 20 и более дюймов. Иногда наблюдаются весьма обильные снегопады. Суровые зимние холода и обильные снега часто причиняли много лишений людям и животным, а также являлись причиной приостановления военных операций.

Пониженное испарение и конденсация влаги в горах создали сложную систему очень полноводных рек. Самая крупная река — Белая, которая течет с Южного Урала на запад, поворачивает на север и, наконец, впадает в Каму. Протекая по местности, имеющей самый разнообразный рельеф — то крутые, скалистые ущелья, склоны которых возвышаются на 150—350 футов над уровнем реки, то узкие, слегка холмистые долины, покрытые лесами, Белая питается множеством притоков. Самый важный из них — река Уфа, которая течет с гор по неглубоким долинам в 10—20 миль шириной и впадает в Белую в районе города Уфы. Речки, берущие начало на южных и восточных склонах Уральских гор, образуют систему реки Урал. В конце лета уровень воды в реках значительно падает, зимой с октября по апрель реки замерзают.

Другие крупные реки, кроме Уфы и Урала, текут по границам региона. Протекающая на западе Волга служила барьером, сдерживающим передвижение кочевых народов; владея большими стадами домашнего скота, кочевники подвергались особенно большой опасности нападения при переправе через крупные реки. Волга для русских являлась также главной транспортной артерией и к концу XVI века от Казани по всему течению вплоть до Каспийского моря на стратегических участках реки был построен ряд

важных городов. На севере аналогичные функции выполняла река Кама. Река Тобол, по которой проходила восточная граница Башкирии, не имела большого значения как водный путь, но она все же отделяла казахов от башкир. На юге река Самара, приток Волги, близко подходит к среднему течению Урала, поэтому обе служили важным речным путем и заодно отделяли на юге территорию Башкирии от Казахской степи.

К востоку от Волги и к югу от Башкирии лежала земля казахов — страна, простиравшаяся к востоку от нижнего течения реки Урал до Алтайских гор на границе с Китаем. Эта территория представляет собой обширную равнину, протянувшуюся примерно на 1800 миль с востока на запад и на 1000 миль с севера на юг в самом широком месте, и занимает площадь, равную примерно 1 миллиону кв. миль.

На севере, вдоль границы с Западной Сибирью, расположена узкая полоса смешанных лесов, где чаще всего встречается береза, а иногда осина и ива. Почвы здесь богатые и соответственно этому травяной покров сочный, густой. Именно по этой причине кочевники и устремлялись на север. По мере продвижения на юг качество почвы ухудшается, деревья исчезают и растительность становится менее пышной. Постепенно степь становится суше и, наконец, превращается в песчаную, глинистую или каменистую пустыню. Растительный мир пустыни ограничен засухоустойчивыми видами. В более засушливых регионах длительное время могут существовать лишь верблюды.

Северная часть Казахской степи орошается рекой Иртыш и ее притоками, текущими на северо—запад. Далее к югу вся территория представляет собой удаленную от воды засушливую местность. Реки впадают в Аральское или Каспийское моря или теряются в пустыне. Реки Талас, Чу, Иртыш, Тургай и Иртыш берут начало в талых водах, стекающих с гор. Поэтому весной они выходят из берегов, а летом

иногда очень сильно мелеют или полностью высыхают.

Климат в Казахстане континентальный и сухой. Средняя январская температура в нижнем течении реки Сыр — Дарья ниже, чем температура в районе Финского залива. С другой стороны, летом наблюдаются довольно высокие температуры, особенно на юге, где средняя температура немного выше, чем в тропиках.

Осадков выпадает мало, в среднем 2 — 3 дюйма с ноября по март. Летом на юге редко бывают дожди, на севере среднее количество осадков достигает 10 дюймов. Снежный покров в окрестностях Аральского моря колеблется от 2 до 4 дюймов, а на севере составляет приблизительно 12 дюймов.

Эти природные условия оказали решающее влияние на сообщество кочевых народов, населявших этот регион. Климато-географические условия предопределили характер ежегодной миграции, виды употреблявшихся в пищу животных и многие другие аспекты жизни кочевников. Когда русские предприняли попытку проникновения в этот регион, они были вынуждены приспособить свою стратегию и тактику к его природным условиям. Они обнаружили, что огромное степное пространство, безгранично простиравшееся к югу и востоку, представляло собой открытую границу с немногими удобными для обороны участками, и что Уральские горы неоднократно использовались местным населением в качестве неприступного убежища в случае усиления наступательных операций русских войск.

Народы

Для облегчения этнической идентификации и локализации тех местных жителей, которые будут часто упоминаться в последующих главах приведем краткие сведения по каждой из их больших групп. В начале обзора остановимся на народах Среднего Поволжья,

которые первыми привлекли внимание русских, а затем перейдем к описанию тех культурных регионов, которые на их счастье находились на большем отдалении от русских.

Ряд малых народов — мордва, мари (черемисы), чуваша и удмурты (вотяки) проживали главным образом на территории между Нижним Новгородом и Казанью. Этнологически в своем большинстве они являлись потомками местного финно-угорского населения, смешавшегося с пришедшими впоследствии тюркскими племенами. По мере того, как Московское государство расширяло свои границы к востоку, эти народы попадали под власть русских и многие из них в конечном счете были закрепощены. Завоевание Казанского ханства в середине XVI века привело к подчинению большинства этих народов власти Русского государства.

В самой Казани и ее окрестностях жили казанские татары. Они представляли собой результат смешения местного населения с древними булгарами и более поздними тюркскими племенами. В XV веке, после распада Золотой Орды, возникло Казанское ханство — как одно из ее государств — преемников.

Башкиры населяли территорию к югу — востоку от Казани, простиравшуюся к югу до среднего течения реки Урал и к востоку до Западной Сибири. Они говорили на языке тюркской группы, однако также были смешанного происхождения. Они впервые упоминаются под своим названием в качестве жителей этого региона уже в начале X века в трудах арабских путешественников и географов. После того, как в XV веке над башкирами пала власть Золотой Орды, они стали подданными трех различных государств. Население самого крупного и густонаселенного региона, юго-запада, оказалось в подчинении у Ногайской Орды. Казанское ханство установило контроль над северо-западной частью Башкирии, а Сибирское ханство взимало дань с башкир, проживавших на Сибирской стороне Уральских гор. Эти три

части были известны, соответственно, как Ногайская, Казанская и Сибирская дороги. К XVII веку русские стали выделять еще одну дорогу, получившую название Осинской. Она представляла собой узкую полосу территории, расположенную к северу от Уфы. Слово «дорога» произошло от золотоордынского титула «daruga», означавшего сборщика налогов. Позднее оно употреблялось для обозначения района взимания дани.

Ногайская Орда, являвшаяся другим государством — осколком Золотой Орды, занимала обширную территорию по обе стороны Нижней Волги. В середине XVI века после покорения русскими Казани и Астрахани ногайцы разделились на две части. Одна часть поселилась между реками Уралом и Волгой, а другая часть откочевала на юг в район реки Кубань.

Западная Сибирь стала уделом небольшого Тартарского ханства, названного русскими Сибирским ханством, которое около 1600 года было завоевано ими при продвижении в Западную Сибирь.

Большую роль суждено было сыграть казахам и узбекам. Тюрки по происхождению, они располагались в казахской степи. В конце XV века узбеки переселились на юг, в Среднюю Азию и занялись земледелием. Казахи же так и остались на территории, которую занимают и сегодня.

Каракалпаки были родственными казахам народом. Начиная с XVI века, большинство из них стало проживать вблизи нижнего течения Сыр — Дарьи, однако отдельные группы их соплеменников достигли Эмбы и даже нижней Волги.

Далее к востоку проживали еще несколько групп, самыми важными из которых были монголы. Восточные монголы, или халха, жили в самой Монголии. В состав западных монголов входило несколько народов, сыгравших значительную роль в истории юго-восточной границы России. Калмыки, двинувшиеся в начале XVII века в западном направлении, в конце концов остановились в районе Нижней Волги.

Другим мощным племенным объединением западных монголов были джунгары, жившие в северном Син — цзяне к югу от верхнего течения реки Иртыш. Об этом народе будет упомянуто ниже, по мере того как джунгары попадут в орбиту событий на юго — восточной границе.

Образ жизни различных народов зависел от климатических и физических особенностей местности. Так как северная часть Башкирии и горные области покрыты густыми лесами, основными занятиями населения были охота, в том числе при помощи капканов, рыболовство и бортничество. Они жили в небольших постоянных или временных поселениях, подобно жителям лесных районов на севере края или Западной Сибири.

Южнее, в лесостепях и травянистых степях башкиры занимались кочевым скотоводством, подобно казахам и другим степным кочевым народам Средней Азии. Они держали лошадей, овец, коз, верблюдов, а также крупный рогатый скот. Наиболее распространены были коневодство и овцеводство. Особенно ценились лошади ввиду необходимости в них во время войн; кроме того, башкирская лошадь отличалась быстротой, силой и выносливостью.

Кочевники, перемещаясь по своей территории, не двигались наугад. Весной они передвигались обычно на север для того, чтобы провести лето в северных степных районах с более богатыми запасами трав на пастбищах; осенью кочевали на юг, опасаясь обильных снегопадов и суровых северных зим. На этот цикл влияли различные ежегодные изменения погоды, качество травяного покрова пастбищ, размеры стад домашнего скота, а также конфликты с другими народами или междоусобные войны племен и кланов внутри крупных групп.

В периоды стабильности каждое племя и род пользовались исключительно своей территорией. Более богатые племена завладевали лучшими участками степи, оставляя менее благоприятные участки другим

племенам, которые в свою очередь, боролись за укрепление своего положения, пока не устанавливалось иерархически организованное равновесие. Сходный процесс происходил при соперничестве племенных кланов между собой; отдельные семьи таким же образом приспосабливались к жизни внутри клана. Достигаемое таким образом равновесие постоянно менялось в зависимости от того, возрастало или уменьшалось влияние отдельных семей, кланов, племен. В Казахстане этот процесс происходил в еще более крупных масштабах. Разделенные на три орды, которые традиция возводила к трем родным братьям, казахи имели над собой трех ханов. Орда в свою очередь, представляла собой крупное объединение племен. Особо одаренным ханам иногда удавалось фактически объединить казахов всех трех орд в единую обширную конфедерацию.

Неустойчивый характер объединения кочевников на различных уровнях ставил множество проблем перед русскими пограничными чиновниками. На местах отсутствовали устоявшиеся централизованные властные структуры, с которыми русские могли бы иметь дело. Пока русские вели переговоры с одной временно дружественной им группой племен, другая группа обычно совершала набеги на русскую территорию. Даже казахским ханам, пользовавшимся значительным влиянием среди большого количества племен и кланов, часто приходилось терпеть неудачи в политике из-за раскольнических действий некоторых вождей внутри собственной орды.

Религиозная принадлежность кочевников была одним из факторов, замедливших процесс завоевания их русскими. Большинство этих народов были мусульманами. Проникновение ислама в Казанский регион относится к началу IX века, отсюда он распространился на башкир. К XIV веку тюрко-монгольское население степей уже приняло эту религию. Население Казани и ее окрестностей, Крыма и Туркестана было глубоко верующим, более же отдален-

ные народы считались мусульманами лишь номинально, особенно казахи, среди которых определенное влияние сохранял шаманизм. Общая религия и сходство обычаев кочевников служили объединяющим фактором, используемым Османской Турцией и Крымом и, в меньшей степени, среднеазиатскими ханствами — в своих попытках организовать коалицию против Москвы. Муллы часто играли выдающуюся роль в сплочении сил кочевников на борьбу с христианской Россией.

Сама природа общества предрасполагала кочевника к военному укладу жизни. Его главной чертой была подвижность. Все его средства существования, стада домашнего скота, дом, юрта и его семья — все передвигалось вместе с ним. Ежегодные перемещения племен требовали относительно хорошо обеспеченного тыла и снабжения. От неприятеля невозможно было отгородиться крепкими стенами, безопасность могла быть обеспечена лишь постоянной бдительностью, мобильностью и боеготовностью. Приручив однажды лошадь, накинув на нее стремя и вооружившись сложным луком, кочевник превратился, в конного лучника, наиболее грозного представителя кавалерии до наступления нового времени. Проживая в суровых климатических условиях северных степей, он не раз подвергался лишениям и трудностям. От него требовалась такая же выносливость, как и от его лошади, способной выживать в условиях суровых зим, питаясь лишь скудным кормом посреди ветреных заснеженных степей.

В борьбе за существование захват соседних пастбищ был обычным явлением: господствуй или подчиняйся — таков был принцип выживания. Время от времени некий талантливый вождь подчинял себе огромное количество племен. Когда концентрация людей и животных становилась выше, чем возможности прилегающих пастбищ, то единственным выходом из положения становилась миграция части населения. Великий степной путь, ведущий на запад: от

Монголии через Южную Россию в центральную Европу и ко все более богатым пастбищам — увлекал кочевников вперед. Отзвуки этих миграций и ужасающая военная мощь кочевников ощущалась в Китае, России, Риме. Подобно морскому приливу, грозные и могущественные кочевники — скифы, гунны, монголы — волна за волной устремлялись на запад через «Уральские ворота». С завоеванием Башкирии эти ворота закрылись, а вместе с тем перестала существовать и древняя угроза Европе.

Русская экспансия на юго-восток

Причины продвижения России на юго-восток были обусловлены ее прежнем неудачным опытом борьбы со степными кочевниками в течение длительного времени. Самым ужасным потрясением явилось нашествие монголов в XIII веке. Тюрко-монгольское завоевание имело катастрофические последствия для средневековых русских княжеств. Два с лишним века Золотая Орда и ее государства — преемники определяли политику России, однако, это время не было периодом полного застоя, как это зачастую представляется. За эти столетия Московская Русь, развиваясь аналогично формировавшимся в это же время западным странам, превратилась в государство, которое стало доминировать над всеми русскими землями.

С 1480 года, знаменовавшего окончание «татарского ига», русские, так часто подвергавшиеся нападению с востока, начали обратное движение в Азию. В середине XVI века произошло крупное событие, являющееся ключом к расширению Российской империи в Азии — завоевание Казани. Когда войска Ивана IV разбили казанских татар, Московия все еще оставалась обособленным второстепенным государством, располагавшимся на большой, хотя и неотъемлемой территории в центре и на севере Европейской части России. Завоевав Казанское ханство и захватив

его земли, Иван IV тем самым устранил главное препятствие, сдерживавшее экспансию России на восток и начал продвижение, в конечном счете приведшее к созданию в Азии гигантской многонациональной Российской империи.

О покорении Казани сложены волнующие легенды и песни. Для русских, веками подвергавшихся набегам степных кочевников, падение города имело символический смысл уничтожения могущества своих противников. Поэтому события этой кампании были возведены до ранга эпических поэм. На самом же деле крепость с деревянными стенами, обороняемая 30 тысячами человек татарского войска, вооруженных главным образом луками и стрелами, пала под натиском 150-тысячной армии. Тем не менее, героизм был проявлен обеими воюющими сторонами, а победа русских предвосхитила последствия их растущего технического превосходства, что проявилось в использовании пороха для подрыва крепостных стен.

После взятия Казани Иван IV решил избавиться от волжских кочевников по всему течению реки вплоть до Каспийского моря. Установление контроля над рекой давало 2 главных преимущества — торговую и стратегическую выгоду. Купцы были заинтересованы в увеличении торговли с Персией, Средней Азией и даже Индией. Овладение Волгой открывало путь в эти экзотические страны. Кроме того, Волга была достаточно широка, что кочевники не могли переправляться через нее. Господство над рекой усиливало позиции русских в их борьбе со степными народами на востоке.

Казанское ханство, которое отошло к России, имело очень размытые границы. Подданными Казанского ханства, кроме основного татарского населения, сосредоточенного вокруг Казани у места слияния Камы и Волги, являлись также мари (черемисы), чуваша, удмурты, далее на востоке — башкиры. Кроме этих народов на территории ханства проживало много русских, потомков мигрантов, несколько поколений

которых жили в этом регионе, или же были захвачены татарами в плен и порабощены.

Сопrotивление России не прекратилось с взятием Казани. Некоторая часть населения, главным образом татары, мари, удмурты, при поддержке крымских татар и турков продолжала противодействовать русским. 5 лет велась борьба по «усмирению» народов ханства. В последующие годы имели место единичные выступления, а также вынашивались планы реставрации ханства бывшими правителями, которые из соображений общности религии и обычаев, склонялись в пользу союза с Крымом. Поскольку для подавления этих выступлений требовались значительные военные силы, первоочередной задачей русских в регионе было военное строительство. Указанная задача сочеталась с двумя другими установками — колонизацией новых территорий и обращением местного населения в лояльных подданных русского царя.

Для усиления позиций русских надо было безотлагательно приступить к строительству крепостей на стратегически важных участках и заселению их гарнизонами. Незадолго до или в ходе кампании 1552 года были построены Свияжск и ряд других застав. Сразу же после взятия Казани Иван IV заново укрепил город, превратив его в первоклассную крепость. Между 1555 и 1558 гг. были построены Чебоксары, Лаишев и Тетюши, а также ряд других крепостей.

После подчинения народа для управления им была создана официальная администрация. Как правило, Москва не вмешивалась во внутренние дела местного уровня. Русское правительство главным образом было озабочено регулярностью поставок ясака. Обычные общественные и политические институты подчинялись Москве лишь на конечном этапе.

Существовали некоторые исключения из общей политики невмешательства. Одно из самых важных исключений касалось вопроса колонизации. Администрация не могла контролировать все увеличивающийся на границу поток незаконных переселенцев из

русских крестьян. Власти так же не могли предотвратить бегство на восток финно-угорских народов, проживавших на только что завоеванных землях Среднего Поволжья. Удмурты, чувашаи и другие народы, жившие ранее под властью казанских татар, бежали в приграничный регион, спасаясь от крепостничества. Ввиду того, что русской администрации не удалось заручиться полной поддержкой и обещаниями помощи и сотрудничества со стороны местного руководства, она была вынуждена поселить близ крепостей представителей русского служилого дворянства¹. Одним из последствий развертывания военной системы, опиравшейся главным образом на эти группы, была необходимость предоставления служилым людям земель, что означало экспроприацию земель местного населения. Московские бояре при бывали в среднее Поволжье и захватывали огромные вотчины. К 1678 г., спустя сто с небольшим лет после завоевания, в этом регионе уже проживало около 300 тысяч русских крестьян. Церковь также являлась крупным земельным собственником и колонизатором. За первые 40 лет XVII века размеры принадлежавших церкви земель увеличились в 3 раза, в то время как

¹ В Московском государстве аристократия подразделялась на 2 категории. Первую категорию составляла старая знать, куда входили потомки княжеских и боярских семей. Во вторую, меньшую группу, входили, строго говоря, незнатные люди, так как у них не было титулов, хотя они часто и именуются знатью в переводах на английский язык. Эта категория состояла из большой группы служилых людей государя. Обычно представитель этого класса получал от государя землю, за что должен был нести государеву службу в войсках или административном аппарате. К концу XVII века обе эти категории начали сливаться. Попытку завершения этого процесса сделал в 1722 г. Петр I, введя «Табель о рангах», согласно которому несение государственной службы являлось единственным способом достижения в обществе дворянского звания, однако людей низших рангов по-прежнему называли служилыми людьми. В настоящей работе термины «служилые люди», «служилое дворянство», «служилые» (служилый люд) относятся к этой второй группе служащих.

«Служилые иностранцы» и «служилые татары» составляли такую же группу. Представители нерусских национальностей, поступившие на государственную службу, так же получали землю и привелегии, аналогично русским служилым дворянам. Служилые люди нерусского происхождения составляли значительную часть русских военных сил в пограничных регионах.

число крестьян, обрабатывающих землю, удвоилось.

Другое немаловажное исключение из принципа невмешательства имело место в сфере религии. В 1555 г. в Казани было создано архиепископство, и одним из задач духовенства стало обращение в православие местного населения. В целом случаи перехода в иную веру были немногочисленны. Даже если это и происходило, то носило главным образом по-казной, характер. Ислам по-прежнему пользовался огромным влиянием. Незначительные льготы для христиан были на деле малоэффективны. Русские чиновники также не были заинтересованы в увеличении случаев обращения в христианство местного населения по той причине, что перешедшие в православие освобождались от уплаты ясака.

Волнения имевшие место в пограничном регионе после 1557 года, были вызваны двумя причинами. Первой причиной было нежелание местного населения платить ясак, а также введенная русскими обязательная военная или трудовая повинность. Обязательная военная служба являлась особенно тяжелым бременем в ту эпоху почти беспрерывных войн. Сопротивление местного населения выражалось в различных формах. Многие из более решительно настроенных бежали на восток или же юг. Оставшиеся выражали протест, поднимаясь на борьбу против угнетателей и пытаясь их изгнать. За последнюю четверть XVI столетия имело место несколько восстаний. Наиболее значительная по своему размаху колониальная война 1609–1610 гг. совпала с периодом «смутного времени». В произошедшем гораздо позднее восстании под руководством Степана Разина, участвовали многие недовольные люди восточного пограничного региона. Для подавления этих волнений русское правительство воздвигло постоянно расширяющуюся сеть крепостей и застав.

Другая причина волнений была внешне-го характера. Степные кочевники часто совершали набеги на русскую территорию в поисках добычи и

пленников для продажи последних на невольничьих рынках Средней Азии и Крыма. Чтобы положить конец этим набегам, Иван IV в 1571 году создал пограничную службу, также была построена первая часть оборонительной линии. Вскоре против башкир, ногайцев и других народов на востоке и юго-востоке были приняты такие же меры, как и против крымских татар на юге. На территории бывшего Казанского ханства первая линия укреплений протянулась от г.Тетюши до г.Алатыря или от Волги на запад до реки Суры. Гарнизоны крепостей состояли в основном из татар, поступивших на русскую службу, а также из русских и чувашских крестьян. Были основаны города: в 1586 г. Самара на р.Волге и Уфа в Башкирии; в 1589 г. Царицын, в 1590 г. Саратов. Эти укрепленные города, хотя и на входили в оборонительные линии, ; были построены на стратегически важных участках. По мере того, как усиливалась власть над колонизиру-емыми народами, линии укреплений медленно продвигались далее вглубь приграничного региона, но суждено было пройти значительному периоду времени, прежде чем вся сеть крепостей и оборонительных линий была соединена в единую систему.

Оборонительная линия состояла из укрепленных городков, построенных на стратегически значимых местах — близ мест слияния рек, бродов или переправ, чтобы препятствовать движению групп кочевников. Крепости были окружены бревенчатым частоколом, рвом и земляными укреплениями. В каждой крепости размещался воинский гарнизон во главе с воеводой, совмещавшим командование войсками с гражданской властью. Между укрепленными пунктами располагались различного размера сторожевые заставы. Далее в степи имелись передовые наблюдательные пункты для предупреждения о приближении противника. В случае, если между крепостями попадались участки густого леса, их не вырубали, чтобы затруднить продвижение всадников. Тропы в таких лесах заграждали сваленным лесом.

Из-за немногочисленности пограничных сил русские время от времени прибегали к политике «разделяй и властвуй», хотя и предпочитали ей метод мирного убеждения местного населения. Враждебность в отношениях вела к междоусобицам, набегам, а иногда и к межплеменным войнам, беспокоившим пограничные народы и мешавшим попыткам русских восстановить мир в регионе с целью обложения населения ясаком и его сбора.

Русские прилагали большие усилия для того чтобы их политику поддерживали вожди племен и родов. Политика привлечения на свою сторону правящей верхушки колониальных народов имела длительную историю. При управлении пограничными районами Москва в значительной степени опиралась на поддержку местной знати. Они имели дело с предводителями родов, которые в свою очередь выполняли распоряжения правительства и претворяли его политику. Местное население старались беспокоить как можно реже. Следуя своему обычному методу обеспечения лояльности местных вождей и князей, русская администрация вносила многих из них в список «служилых иноземцев» и даровала им право владения собственными землями, а также привилегии, какие были у русского служилого дворянства. Зачастую также освобождали от уплаты ясака.

Управление приграничным краем

После взятия Казани и Астрахани русское правительство занималось не только покорением различных народов востока и юго-востока, но и созданием административной системы для управления регионом после его подчинения. Непосредственно после падения Казани в 1552 г. централизованное управление новой территорией осуществлялось уже имеющимися институтами центральной власти — царем, Думой и государственными приказами. В конце XVI века было создано специальное террито-

риальное ведомство, называвшееся Казанским Приказом, которое должно было взять на себя заботу о народах, живших на землях бывших Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. К 1637 г. ситуация в Сибири настолько осложнилась, что управление сибирскими территориями было передано в ведение только что созданного Сибирского Приказа. Казанский Приказ направлял свои отчеты самому царю или в Боярскую Думу и ее приказы. Московское правительство никогда не было полностью последовательным в вопросах управления. Даже после учреждения Казанского Приказа, делами последнего продолжали заниматься другие приказы. Разрядный Приказ комплектовал колониальные районы войсками, другими офицерскими чинами и солдатами. Поместный Приказ ведал земельной собственностью, пожалованной служилому дворянству. Посольский Приказ отвечал за состояние отношений Московского государства с зарубежными народами.

Первоначально местная администрация находилась в подчинении у казанского воеводы, который, в свою очередь был подотчетен центральным властям, соответствующим приказом, царю и Думе, пока не был учрежден Казанский Приказ.

Городские воеводы избирались царем через Разрядный Приказ и обычно занимали свой пост в течение 2 — 3 лет. При назначении на должность каждому воеводе вручался подробный свод инструкций, в котором указывались основные его обязанности и сферы его юрисдикции. В административных центрах эти инструкции сохранялись подшитыми все вместе для того, чтобы каждый вновь назначенный воевода ознакомился с политическим курсом, который ему предстояло продолжить выполняя свои обязанности. После 1649 г. дальнейшее руководство осуществлялось согласно Соборного Уложения царя Алексея Михайловича. Когда воевода оставлял свою должность, его преемник проверял его отчеты с тем, чтобы выявить возможную недостачу средств и совершенные про-

тивозаконные деяния. Воевода имел помощников — дьяков, подъячих и др. для ведения записей и отчетов; а также чиновников для сбора ясака и других налогов; и, для укомплектования гарнизонов малых крепостей и застав в его подчинении находились военные чины низшего ранга. Воевода обладал широким кругом полномочий. Он руководил военными делами и гражданской администрацией, а также осуществлял в своем районе суд. Из-за отдаленности пограничных районов от Москвы и неразвитости сети сообщений воеводе предоставлялся большой простор для инициативы, нежели это было принято во внутренних областях, расположенных ближе к Москве.

На низшем уровне правительство, следуя своей политике привлечения на свою сторону правящей верхушки, пыталось переложить ответственность за состояние дел на местах, особенно в вопросе сбора ясака, на родовых старейшин.

Даже этот краткий обзор Московской экспансии вглубь района Средней и Нижней Волги выявляет главные направления деятельности русских на степной границе к востоку, от Волги. Последовательность их действий с давних времен оставалась на удивление, неизменной. Необходимость защиты границы от набегов кочевников, стремление развивать торговлю с Азией и надежда на использование человеческого потенциала и природных ресурсов колоний выступали движущими силами продвижения русских на юго-восток. Вторжение русских на их землю вызывало яростное сопротивление местного населения, вынуждая правительство вести двойственную политику устрашения силой и убеждения уговорами — политику, не оправдавшую их ожиданий. Почему одних уговоров и увещаний оказалось недостаточно, станет ясно из следующих глав, в которых прослеживаются медленные успехи русских на этой границе.

Глава III

Москва и Башкирия

Ранние связи русских с башкирами

Несмотря на притязания Москвы на все земли и народы бывшего Казанского ханства, в том числе и Казанскую дорогу Башкирии, она была не в состоянии контролировать свои отдельные закамские владения. В 1552 г. вскоре после падения Казани в Москву прибыли представители башкир от Казанской дороги с просьбой взять их под покровительство России. Они заявляли, что им необходима защита от притеснений ногайцев. В последующие годы с подобными прошениями обращались несколько других делегаций¹. Учитывая эти посольства от башкир, русские настоятельно требовали, чтобы их не заставляли подчиняться Москве силой. Длительные войны, предпринятые в последующие два столетия с целью покорения башкир, показали, что эти представительства не отражали мнения всего народа. Что же касается признания на начало 1557 года русского подданства со стороны значительного количества башкир Казанской и Ногайской дорог, то это, возможно, объясняется трудностями необычайно суровой зимы того года. Башкиры, находившиеся под властью иноземных правителей еще до появления русских, всего лишь изменили свой вассалитет. Область к востоку от Урала оставалась в подчинении сибирских татар до конца XVI века — до тех пор, пока русские не из-

¹ Полное собрание русских летописей. В 30 тт. СПб. — М. 1841. Т.13. Первая часть. С.281.

гнали сибирского хана Кучума. С этого момента Мо — сква стала претендовать также и на Сибирскую Баш — кирию.

Здесь следует отметить различия в представлени — ях русских и башкир. По мнению русских, восстание со стороны тех, кто уже однажды принес прися — гу верности, было свидетельством измены. Для баш — кир же восстание являлось их неотъемлемым правом. В 1557 году некоторые предводители добровольно приняли русское подданство. Они полагали, что были также вольны добровольно расторгнуть это воссое — единение, что было обычным для кочевых народов ре — гиона. Русские же по другому подходили к этому вопросу: тех башкир, которые встали на сторону русских, они называли «верными башкирами», а тех, кто выступил против — «бунтовщиками». «Верные» башкиры часто считались в своем народе предателя — ми¹.

Первой фазой русского завоевания и аннексии Башкирии был период установления власти и обес — печения формального признания русской админист — рации. После падения Казани русские предпринима — тели стремились получить на Урале земельные владения для добычи пушнины и эксплуатации дру — гих ресурсов края. Наибольшую известность среди них получила купеческая династия Строгановых. Местные жители не желали прихода этих чужезем — цев. В их представлении принятие русского поддан — ства не должно было с неизбежностью повлечь захват их земель русскими. В 1572 г. башкиры, мари, удмур — ты, остяки (ханты) и ногайцы выступили против строительства строгановских поселений вдоль реки Камы². В 1581 году в том же регионе был взят и сож — жен один из городков Строганова группой повстан —

¹ Материалы по истории Башкирской АССР Т. 1,3 и 4 в двух частях, М. — Л., 1936 — 1958 (Далее цитируется как: Материалы БАССР). Т.1.С.164 — 165; 186-187; Акты исторические. В5 тт. СПб.1841 — 1844 (Далее цитируется как: АИ) Т.4.С.335 — 337.

² Миллер Г.Ф., История Сибири, В 2 т. М. — Л.; 1937, 1940. Т.1. С.211 и Приложение, документ 4.С.388

цев, среди которых были и башкиры¹. Башкиры Но — гайской дороги и их бывшие правители — ногайцы с тревогой следили за продвижением русских по их территории. Когда в 1586 г. посланники, прибывшие в Ногайскую Орду, объявили им о намерении русских построить город у места слияния рек Уфы и Белой в целях защиты от бывшего сибирского хана и как центр сбора ясака с башкир, ногайцы ответили тем, что уведомили воеводу Астрахани о том, что «госуда — ревым [русского царя] городам на Уфе и на Самаре вперед не быти»². Башкиры особенно активно со — противлялись проникновению чужеземцев; как, на — пример, в 1587 г., когда они решительно атаковали русские приграничные поселения³.

В ходе беспорядков «смутного времени» башкиры вновь воспользовались возможностью восстать про — тив Москвы. К ним присоединились татары, чуваша, мари, удмурты и др. Пламя антирусской войны охва — тило всю восточную границу. Ряд городков и поселе — ний были осаждены восставшими и сожжены⁴. Даже после восстановления порядка при первых Романовых планы России относительно Башкирии были сорваны, ибо башкиры обратились за помощью к сибирским татарам и калмыкам, также испытывавшим гнет со стороны Москвы.

В XVII веке на юго — востоке Московское госу — дарство оказалась перед лицом новой опасности. Миграция калмыков привела в движение народы вдоль всей границы от Алтайских гор до реки Волги⁵. Калмыки, составлявшие одну из ветвей западных монголов, перемещались в западном направлении после столкновения в начале XVII века с другими

¹ Шишонко В. Пермская летопись с 1263 — 1881 гг. В 5 тт., Пермь, 1881 - 1889. Т.1.С.98

² Пекарский Г.П. Когда и для чего основаны гг. Уфа и Самара.// Сборник отд — ния русского языка и словестности Императорской Академии Наук, 10/1873/, 5.С.1 — 29.

³ Русская историческая библиотека. В 39тт. СПб, 1872 — 1927/, Т.2.С.283.

⁴ Материалы БАССР. Т.1.С.155 — 156; Дополнение к актам историческим. В.12 тт. СПб.,1846 — 1872 (далее цитируется как ДАИ) Т.6.С.261.

⁵ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662 — 1664 гг.//Исторические записки, 24 /М. 1947/ (далее цитируется как: Устюгов, ИЗ), С.48 и сл.

монгольскими группами. Быстро пройдя через казахскую степь, где они столкнулись с решительным сопротивлением сибирских татар и казахов, калмыки достигли Волги и вступили в борьбу с ногайцами за установление контроля над степью в этом регионе. В 40-х годах XVII века они даже предприняли попытку пересечь Волгу, однако были отброшены русскими назад. Они обосновались на территории между реками Урал и Волга. Многие ногайцы были ассимилированы, оставшаяся часть бежала на север или на юг. Совместные нападения калмыков и ногайцев на русские пограничные городки вызвали необходимость строительства новой оборонительной линии к юго-востоку от Казани. Поскольку эта линия была расположена за рекой Камой, она получила название Закамской линии. Первыми тремя острогами были Акташинск на реке Актай, Шешминск на реке Шешма и Мензелинск на реке Мензеля. Эта не столь протяженная второстепенная линия ознаменовала собой первый этап продвижения русских вглубь Башкирии.

Где-то между 1652 и 1657 гг. старая Закамская линия была заменена новой. Она начиналась на Волге и тянулась почти что до устья реки Белой на территории Башкирии. Главными крепостями являлись Белый Яр, Ериклинск, Тиинск, Билярск, Новошешминск, Кичуевск, Заинек и Мензелинск.

Отношение приграничных народов и проблемы, с которыми русские столкнулись при попытке экспансии вглубь этой области, отчетливо проявились в ходе большой пограничной войны 1662–1664 гг. Рассмотрение причин этой войны следует начать с обстоятельств, побудивших русское правительство в середине XVII века увеличить ясачный сбор с населения приграничного района. Для ведения войн — с Польшей за Украину и со Швецией в Ливонии и содержания армии требовались огромные средства. В то же время развитие международной торговли вызвало отток из страны золота и серебра, главным образом вследствие особых льгот, предоставленных в России

иностранным купцам. Недовольство русских купцов привело к ограничению торговой деятельности иностранцев, что нашло отражение в ряде торговых мер. Для предотвращения надвигающегося кризиса правительство провело денежные реформы, результатом которых стала инфляция. Серьезные неурожаи 1660–1661 гг. усугубили положение многих людей, поскольку рост цен на зерно еще более усилил инфляцию¹. Рост напряженности в Московском государстве нашел выражение в ряде восстаний. Стремясь всеми возможными средствами увеличить статьи доходов государства, правительство попыталось расширить и ужесточить сбор ясака с жителей колониальных регионов.

В Башкирии эта непосредственная причина усугублялась давним недовольством башкир захватами их земель многочисленными русскими крестьянами и нерусскими народами со Средней Волги и Нижнего Прикамья, бежавшими в Башкирию от крепостнических порядков. Беженцы занимали земли, использовавшиеся башкирами в качестве пастбища для скота. Казанский Приказ дал указание уфимскому воеводе не принимать этих мигрантов, ссылаясь на жалобы башкирских предводителей:

«... и те пришлые русские люди, и татары, и чуваша, и черемиса, и вотяки в тех их старинных вотчинах многия деревни поселили, пашни распахали и сена косят, лес много рубят, которые деревья годились было им на бортовые деревья ... и от того их многолюдства в вотчинах их всякой зверь: лось и медведи, лисицы и куницы, и белки отошли и бобровыя вяжи запустели»².

Еще одним поводом для недовольства населения были притеснения и злоупотребления со стороны

¹ Центральный государственный архив древних актов (далее цитируется как: ЦГАДА). Приказные дела старых лет; 1660 г., д. 104, л. 120. Цитируется по Устюгов. Изд. С. 57–58.

² Материалы БАССР. Ч. 1. С. 82

местных государственных чиновников — явление, весьма характерное для колониальных регионов. Во — еводы, сборщики ясака и другие использовали свое служебное положение в целях личного обогащения. При этом отбиралось имущество, и даже жены и де — ти плательщиков ясака обращались в крепостных. Во время допроса некоторых представителей от башкир Уфимский воевода обнаружил, что «Иван де Павлов, Иван Кулаков ... насильством отнимали у них добрые кони, и иноходцы, и бобры, и всякую рухлядь ... и жен их и детей грабили, и платье с них снимали, и оста — вят жен их в одних рубашках»¹.

Обращение с жалобами к местным чиновникам редко приносило положительные результаты, не — смотря на озабоченность правительства фактами злоупотреблений. Ввиду острой нехватки средств оно было всерьез обеспокоено недовольством ясачно — го населения. Башкиры были кочевым народом, и в условиях чрезмерного гнета многие из них скрыва — лись, переселяясь в местности, недостижимые для правительства. С целью предотвращения бегства плательщиков ясака один за другим издавались ука — зы, в каждом из которых приказывалось положить конец этим бюрократическим вымогательствам; но несмотря на содержащуюся в них угрозу сурового наказания за незаконный захват собственности баш — кир, злоупотребления продолжались.

В донесениях, поступивших из крепостей Башки — рии в 1661 году, содержались многочисленные сви — детельства проявления недовольства местных жите — лей. Волнения начались в 1662 г. среди татар, проживавших по реке Каме вблизи Закамской линии, затем быстро распространились по всей Башкирии, и в конечном итоге охватили большинство других по — граничных народов. Воспользовавшись моментом, в

борьбу вступили также наследники хана Кучума, вы — ступавшие за реставрацию прежнего Сибирского ханства. К этому движению примкнули некоторые предводители башкир в Сибирской дороге:

«...царевич Кучюмов с калмаки и с татары и с башкирцы ... и Тоболеск де хотят взять и слу — жилых людей побить; и договорились на том, что быть де царевичу Кучюмову в Тоболеску и владать ему всею Сибирью, и ясак де платить со всех городов сибирских тому царевичу Кучю — мову»¹.

В ходе двухлетней войны приграничные народы «многие церкви сожгли и разорили, и многие се — ла и деревни разорили, и многую кровь пролили, и многих русских людей побили и в полон поймали и многих людей распродали»².

Башкиры искали поддержки и у других союзни — ков, нежели кучюмовичи. Они обратились за помощью к Крыму, в то время уже вовлеченному в русско — польскую войну. Трудно определить, в какой степени при этом башкиры, решившись на этот шаг, руко — водствовались общностью религии. В XVI веке турки попытались организовать союз мусульманских стран, направленный против Москвы, и по этому случаю башкиры не преминули воспользоваться возможно — стью призвать на помощь своих единоверцев. Кал — мыцкие посланники в России сообщали, что башки — ры направили посольство к крымскому хану, ища с ним союза³. Идея изменения подданства в поль — зу Крыма поддерживалась не всеми башкирами, по — скольку многие из них участвовали в войне на сто — роне русских⁴.

Крымские татары обещали прислать подкрепление в Черный Яр и Царицын для нападения на тех татар и

¹ ДАИ.Т.4.С.302.

² Материалы БАССР.Ч.І.С.178

³ ЦГДА, Калмыцкие дела. К — 13.Д.2.1664 г.Л.І, цитируется по: Н.В.Устюгов. Из.С.65 См.также:ДАИ.Т.4.С.189 и Материалы БАССР. Ч.І.С.169.

⁴ Материалы БАССР.Ч.І.С.159 — 161,164 — 166,175 — 179.

¹ Там же.С.171

ногайцев, которые тогда были подданными калмыков. Вероятно, они также намеревались установить там контроль над Волгой и воспрепятствовать связи русских с Астраханью. Калмыки же, узнав об этом плане, обратились за помощью к Москве, обещая поддержать русских в их борьбе против башкир¹.

Действия калмыков в ходе восстания 1662—1664 гг. были противоречивыми. Одни из них приняли сторону кучумовичей и башкир, а другие стали союзниками русских. Изданные ранее русскими указы, запрещающие башкирам нападать на калмыков, свидетельствуют о существовании враждебности между этими народами. Русские полагали, что эти два народа вряд ли смогут договориться между собой о совместных действиях, однако в ходе войны башкиры все же несколько раз обращались к калмыкам за помощью². Прежняя вражда между ними так и не исчезла, и калмыки не только отказали башкирам в помощи, но сами атаковали башкир в отместку за недавний набег³. С другой стороны, в ходе войны большое число башкир бежало со своих мест и примкнуло к калмыкам в южных степях. Русскому посланнику в Калмыкии сообщили, что на территории двух главных калмыцких князей — Дайчин — Тайши (Дайчин) и Аюка — Хана (Аюка) проживает около 8 тысяч башкир. Калмыки отказались возвратить их в Башкирию силой⁴. В том же году, по другому случаю, башкиры, ногайцы и калмыки предприняли поход на Уфу. Очевидно, калмыки не могли выработать единой линии поведения. Некоторые князья поддерживали тесную связь с Россией, сообщая властям о действиях враждебно настроенных групп.

Масштабность и опасный характер восстания заставили русское правительство распрощаться. Местные гар-

низоны, как правило, были недостаточно сильными для отражения крупномасштабных ударов противника. Для того, чтобы находиться ближе к центру событий и лучше организовать действия против повстанцев, астраханский воевода Г.С.Черкасский был послан в Царицын. Там он разместил свои войска, состоявшие из русских и астраханских татар¹.

На севере казанский воевода Ф.Ф.Волконский принял на себя командование другой частью русских сил, которыми он управлял из своего штаба в Мензелинске. Другие отряды были сформированы в Сибири и направлены отсюда в Башкирию.

В дополнение к мерам военного порядка правительство попыталось устранить причины беспорядков. Были приняты меры по облегчению бремени повинностей местного населения, по ограничению захватов земель и наведению порядка в деятельности местных правительственных чиновников. Наказ повелевал Ф.И.Сомову, уфимскому воеводе, «напрасные жесточи не делать и насильства», облегчить повинности башкир и не допускать случаев перехода ясачных земель и людей, подлежащих уплате дани, в руки русских².

Что касается дипломатических усилий русских, то здесь ими принимались энергичные меры по предотвращению объединения башкир с их вероятными союзниками. Вести переговоры с кучумовичами, враждебно настроенными против русских, не было смысла, а с калмыками при искусном обращении можно было и договориться. И хотя дипломатические усилия русских полного успеха так и не имели, по крайней мере калмыки не приняли открыто сторону башкир.

Более успешными оказались попытки правительства расколоть башкир изнутри. Как уже упоминалось, многочисленность башкир, сражавшихся на

1 Там же.

2 Там же. С. 163, 178 — 179.

3 Устюгов Н.В. Из. С. 89.

4 Там же. С. 90, 94; АИ, Т. 4. С. 335—337.

¹ ДАИ. Т. 4. С. 282 и сл.; Материалы БАССР. Ч. I. С. 160, 178, 184; Устюгов Н.В. Из. С. 79.

ЦГАДА. Дела и приговоры правительствующего Сената по Оренбургской губернии. КН. I/132. Л. 121 об — 122; 135 — 136, 138; цитируется по: Устюгов Н.В. Из. С. 106.

стороне русских, являлась свидетельством хотя бы умеренного успеха в проведении политики поддержки «верных башкир».

Даже среди тех, кто примкнул к восставшим, существовали значительные расхождения во взглядах. Многие сражавшиеся против русских повстанцы на собраниях башкирского народа неоднократно высказывались за установление мира¹. Таким образом, несмотря на малочисленность сил русских, правительство, играя на неприязни между различными нерусскими народами и используя внутренние раздоры, смогло в 1664 году нанести поражение повстанцам.

Несмотря на суровые репрессии и большие человеческие потери и страдания, волнения продолжались и в последующие годы. Башкиры принимали участие в восстании Степана Разина в 1667–1671 гг., хотя и весьма незначительное².

Одной из крупнейших приграничных войн было так называемое Сеитовское восстание, названное русскими по имени наиболее известного предводителя башкир Сеида Садира (Сеит Садулов). Это выступление началось в 1675 г. и продолжалось с перерывами вплоть до 1683 г.³. Отряды восставших к востоку от р. Волги стали нападать на русские поселения. Военные действия распространились с левобережья Волги и Нижнего Прикамья вглубь Западной Сибири. Нападениям подверглись многие остроги и поселения, даже те, что были расположены в окрестностях Закамской линии и Самары.

Как и раньше, башкиры обратились за помощью к своим соседям. Пока они вели борьбу за изгнание русских, их представители прибыли к крымским та-

тарам¹. Однако будучи уже вовлеченными в Русско-турецкую войну, Крым не смог оказать башкирам дополнительной помощи сверх уже оказываемой.

Калмыки сыграли более активную роль в этом восстании. Вначале они, возглавляемые Аюкой, выступили в поддержку башкир². Ногайцы также вступили в борьбу, напали на русских и даже сожгли городок Билярск в Закамской линии. Положение русских оставляло желать лучшего, пока калмыки внезапно не перешли на их сторону и атаковали своих союзников³. Отсутствие источников не позволяет делать какие-либо окончательные выводы относительно причин, вынудивших калмыков изменить свое поведение. К 1683 г. Башкирия была «успокоена» главным образом благодаря содействию калмыков.

Непрекращающиеся волнения и обострившаяся ситуация в Башкирии были главными причинами того, что русские приступили к разработке планов, направленных на всеобъемлющее разрешение проблем колонизации региона. Более чем вековые усилия, предпринимаемые русскими, не принесли каких-либо ощутимых перемен в жизни этого края. Закамская линия, олицетворявшая собой конечный предел русского господства, лишь весьма незначительно продвинулась на юго-восток.

Тактика русских

Для утверждения своей власти над кочевыми народами, жившими за пределами Закамской оборонительной линии, русским пришлось выработать такую тактику, которая бы позволяла встретиться с ними на их же собственной территории. Наиболее характерной тактической особенностью этих войн было то, что в них противоборствующие стороны были представлены конными воинами. Согласно имеющимся сооб-

¹ Материалы БАССР. Ч. I. С. 159–161, 162, 164–166, 175–176, 177–179

² Попов А. Н., ред. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина (М., 1857). С. 238 и сл.

³ АИ. Ч. 4. С. 541–542; Ч. 5. С. 12, 63; Материалы БАССР. Ч. I. С. 203–210; Перетяткович Г. Поволжье в XVII веке и начале XVIII века. Одесса, 1882. С. 39.

¹ АИ. Т. 5. С. 63.

² Перетяткович Г. С. 288–291.

³ Материалы БАССР. Ч. I. С. 39, 209–210.

шениям, до 90% русского войска составляли конные отряды. На войне все решала быстрота передвижения. Русские обычно начинали военные действия весной, потому что именно в это время года лошади кочевников были наиболее ослаблены из-за того, что зимой им приходилось питаться подножным кормом, добывая его из-под снега. Башкиры редко косили луговую траву и заготавливали сено. Русские также заметили, что башкиры не умели сражаться в пешем строю. Из этого становится ясно, почему повстанцы были более активны летом и осенью. Ведение зимних военных кампаний было затруднительным также и для русских, поскольку неорганизованность снабжения вынуждала их во время похода питаться автономно, самостоятельно добывая пропитание. Кроме того, глубокий снег в горах, куда обычно отступали башкиры в случае натиска русских, затруднял продвижение войск.

Башкирские конники обычно совершали молниеносные набеги на поселения и заводы, сжигали здания и уводили жителей для дальнейшей продажи в рабство. В отличие от других кочевых народов Средней Азии башкиры не были хорошо организованы в военном отношении. Они редко сохраняли организованный строй, с ними легко было справиться в открытом бою. Они были опасны, главным образом, в горных и лесных местностях, где успешно вели партизанскую войну. Даже в случае установления контроля над большей частью территории вокруг поселений русских, они редко нападали на основные центры. Завладев добычей и спалив окрестности они останавливались перед оборонительными сооружениями крепостей и городков. Русским отрядам, обладавшим более совершенной военной выучкой и вооружением, не трудно было нанести башкирам поражение в открытом бою, за исключением тех случаев, когда восставшим удавалось застать их врасплох или же добиться победы за счет очень большого численного перевеса. Большую часть по крайней мере, официально подтвержденных потерь несла башкирская сторона.

Одна из причин слабости кочевников заключалась в несовершенстве их вооружения. В XVII и XVIII вв. башкиры, казахи и калмыки все еще использовали такие доспехи как кольчуги и шлемы, и сражались при помощи копий, сабель, луков и стрел. Благодаря доступности месторождений железа башкирские кузнецы издавна были известны как оружейные мастера. До XVIII века они производили ружья в ограниченном количестве. В пограничном регионе также имели хождение ружья из других мест, но часто это оружие было устаревшим как, например, аркебуза, широко известная в XVII веке. У нее не было затвора и прицеливание производилось путем установки его на деревянную опору, которая крепилась к оружию. Выстрел производился путем введения пенькового фитиля, натертого порохом, непосредственно внутрь ствола. Из неудобного, громоздкого, нескорострельного оружия невозможно было выстрелить с седла, что представляло большое неудобство для кочевников¹.

Невзирая на риск, русские вначале содействовали усовершенствованию оружия башкир. Дружественные русским башкиры, охранявшие границу, часто снабжались оружием. Это оружие нередко попадало в руки повстанцев. Одним из следствий войн с башкирами было стремление русских ограничить поступление оружия в пограничный регион. Уже в 1675 году отмечается случай запрещения городским воеводой продажи башкирам или калмыкам пороха, свинца или любого оружия². За этим последовало много других мер: русские приграничные чиновники даже пытались запретить башкирам производить любые работы с металлом, чтобы предотвратить распространение оружия³. Эти усилия не имели полно-

¹ Левшин А. Описание киргиз-казачьих орд и степей. (В 3 т. СПб.1832)Т.3.С.49—50; Шишонко В. Пермская летопись.Т.3.С.1079;Материалы БАССР.Ч.3.С.486

² АИ.Ч.4.С.541—542.

³ Добромыслов А.И. Материалы из истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. В 2-х т.Оренбург. 1900 (Далее цитируется как Добромыслов, Материалы) Т.2.С.190—193.

го успеха. Указанные запреты не распространялись на башкир, проживавших вблизи казахской границы из соображений самообороны и, кроме того, подобно ситуации в пограничной Америке, башкиры снабжались оружием за плату русскими купцами — предпринимателями¹. Среднеазиатские купцы также охотно поставляли оружие степным народам. Аналогично тому, что имело место в Северной Америке, захваты, несмотря на обладание передовой военной техникой, в значительной степени теряли свои преимущества из — за жадности собственного народа.

Другой немаловажной проблемой, с которой пришлось столкнуться русским, было явление, характерное для войн с кочевым, очень подвижным неприятелем на большой территории, а именно — организация снабжения и связи. Трудности снабжения отдаленных гарнизонов во время колониальных войн свидетельствовали об опасности попыток удерживать опорные пункты без надежно защищенных линий коммуникаций. Начало военных действий ставило под угрозу линии связи в тот самый момент, когда необходимость в них была наиболее острой. Кроме того, пока не получило развитие местное земледелие, приходилось обеспечивать гарнизоны провизией из других местностей.

Слабые попытки развивать земледелие вблизи крепостей и застав для того, чтобы гарнизоны могли хотя бы частично снабжать себя продовольствием, оказались безуспешными, за исключением местности, расположенной за Камской оборонительной линией и в окрестностях Уфы.

Может показаться странным, что снабжение часто осуществлялось при помощи телег и повозок, в то время, когда имелись в наличии весьма удобные для судоходства реки. На это существовали свои веские причины. Транспортировку грузов зимой, когда реки замерзали, пришлось бы осуществлять по суше. Су —

да могли эксплуатироваться лишь после постройки судостроительных верфей и соответствующих наземных сооружений как, например, на реке Волге, где более старые города имели причалы и пристани. На других реках судоходство появилось лишь спустя не — которое время, хотя причалы возводились сразу же, как только русским удавалось прочно завладеть на реке выгодной позицией.

Состав русских пограничных сил

Наряду с техническим и организационным пре — восходством русских одним из факторов, предопределивших в значительной степени окончательное завоевание Башкирии, явился состав пограничных сил. Ядро гарнизонов составляла регулярная армия, однако, кроме них, существовали самые разнообразные нерегулярные части, роль которых зачастую оказывалась решающей. Без помощи последних России потребовалось бы гораздо больше времени для интеграции Башкирии в состав империи.

Первыми военными служащими в приграничных местностях были служилые люди. Их набирали из различных сословий и поселяли вблизи крепостей и постов оборонительных линий. В Сергиевске первоначально проживало 215 семей служилого люда с Закамской линии, атаман и двое казаков из Самары и 100 дворовых крестьян из Самарской области на казачьей службе¹. К 1703 г. на реке Сок возле Сергиевска были расселены 1280 кавалеристов (конных воинов), драгун и юношей из различных городов². Служилые люди были первыми поселенцами Уфы, Бирска, а также крепостей и сторожевых застав Симбирской и Сызранской линии к западу от Волги. Вначале правительство выделяло им денежные средства и зерно, однако затем при первой же возмож —

¹ Демидова Н.Ф. «Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в период первой трети XVIII в.» (Исторические записки) 1961,68.С.228.

¹ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии (2 изд., в 2 тт. Оренбург, 1887).Т.2.С.113 (Далее цитируется: Рычков, Топография).

² Там же.С114.

ности постаралось вместо этого наделить их земельными участками. Предполагалось, что создав хозяйство на своих наделах, они перейдут на самообеспечение¹.

Позднее, в результате проведенных военных реформ, необходимость в служилых людях уменьшилась. Те немногие, которые продолжали нести службу, стали называться «служилыми людьми старой службы». Когда в 1724 г. был введен подушный налог, они были включены в категорию лиц, облагавшихся налогом, т.е. в сущности превратились в государственных крестьян². Через несколько лет государство частично изменило эту практику³. От уплаты подушного налога были освобождены служилые люди 8 городов: Новошешминска, Старошешминска, Билярска, Теучинска, Заинска, Сергиевска, Бирска и Мензелинска. За этими исключениями, весь служилый люд юго-восточных территорий официально являлся государственными крестьянами.

Другую весьма важную категорию населения на юго-восточной границе составляли казаки. Первыми в этом регионе появились уральские казаки. Это произошло в конце XVI столетия, когда группа поволжских казаков, не повиновавшаяся Московскому правительству и совершавшая нападения на волжские суда, бежала за реку Урал, чтобы оторваться от преследовавшего их отряда царских войск. Беженцы атаковали и захватили Сарайчик, ногайский город в нижнем течении реки Урал. В течение последующих лет эти казаки постепенно продвигались на юг вдоль реки Урал, наконец, основали свое главное поселение — Уральск.

Вскоре после этого уральские казаки возобновили свои отношения с Московским государством в

¹ Дэн В.Е. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII в. и статистика населения в конце XVIII в. (В 2 т., М., 1902). Т.2. Ч.2. С.178

² Там же. С.179.

³ Первоначальный указ не был опубликован. Сведения получены из цитат оригинала, содержащихся в Полном собрании Законов Российской империи (Первая серия 44т. СПб. 1830) (Далее цитируется как ПСЗ) Т.12 N9399.

1591 г.. Из них 500 человек приняло участие в военном походе правительства. В XVII столетии они были официально признаны подданными Российского государства и получили дарственную на территорию, прилегающую к р.Урал и ее притокам от истока и до ее устья¹.

Административная власть русских в этом отдаленном районе долгое время оставалась слабой. Казаки часто поступали так, как будто совершенно независимы: учиняли набеги на казахов и калмыков, живших по соседству, грабили русских и других купцов на Волге и в Каспийском море, а также участвовали в беспорядках Смутного времени и в восстании Степана Разина. Казаками управлял выборный атаман, однако они поддерживали некоторые отношения и с царским правительством, иногда участвовали в несении государственной службы. Официально ими с 1629 г. по 1680г. управлял Посольский приказ. В 1680 г. руководство ими было передано Казанскому приказу, в чьей юрисдикции они и находились вплоть до учреждения Петром Великим Сената. В 1719—1721 гг. они были подотчетны Сенату через Коллегию Иностранных Дел, а после 1721 г. — через Военную Коллегию².

По мере того, как в XVII веке правительство попыталось ужесточить свою власть над уральским казачеством, в среде последних стали возникать очаги сопротивления. Один эпизод 1718 года из жизни уральского казачества, хотя и относящийся к более позднему времени, в значительной степени раскрывает природу этих людей. В тот год отряд русских, направленный с целью расследования жалобы на атамана Меркурьева, оскорбил честь казаков и по

Левшин А. Историко—статистическое обозрение Уральских Казаков./СПб.,1823/. Фирсов Н.А. Инородническое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель в это время /Казань, 1869/ .С.315—353; Витевский В.Н. Неплюев И.И. Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. (В 5 тт., Казань, 1889-1897). Гл. 9—12,21; Дэн В.Э. С.238-263.

² ПСЗ. Т.5.С.672;Т.6.С.367.

этой причине группа казаков решила бороться за свою независимость. В 1722 году они дотла сожгли Уральск и намеревались двинуться на восток в казахские степи. В 1723 году русское правительство направило полковника Захарова для расследования причин беспорядков. Захаров и его военный отряд встали на защиту атамана Меркурьева, но с этих пор казачьи атаманы подлежали утверждению русским правительством.

Одновременно Захаров осуществил перепись уральских казаков под предлогом того, что вследствие роста населения возникла необходимость увеличения размера жалованных земель. Первоначально были предоставлены земельные наделы 600 человек. Перепись же, завершившаяся в сентябре 1723 года, показала, что общее число казаков увеличилось до 6125 человек. Из них 3196 казаков могли нести воинскую службу. Остальные были отставники (219), дети и подростки (2357), вновь прибывшие, являвшиеся не казаками, а рабочими (324), и дети последних (29). Возможно, в этой переписи занижена численность более раннего населения, поскольку лишь пятью годами раньше погибло 1500 человек во время неудачной экспедиции в Хиву.

Далее перепись выявила существовавшую внутри казачества сложную систему более мелких подразделений: дворяне, артиллеристы, конные стрелки, донские казаки, гребенские казаки с Кавказа, запорожские казаки с Днепра, туркмены, крымские, ногайские и астраханские татары, башкиры, чуваша, мордва, черкесы, калмыки, шведы, поляки, волохи, государственные служащие, горожане и крестьяне. В других источниках упоминаются также персы, афганцы, и лица других национальностей, освобожденные из плена в Казахстане¹. Основными источниками пополнения рядов казачества являлись беглые крестьяне и солдаты, несмотря на давние строгие запреты Московского правительства.

¹ Рычков П.И. Топография. Т.1.С. 190–192.

На уральских казаков возлагались различные обязанности, но служба их главным образом состояла в участие в специальных военных кампаниях и защите русских границ от казахов, каракалпаков и калмыков. Кроме того, от 400 до 1000 человек постоянно несли службу в Северо–Кавказском регионе¹. В XVIII веке все чаще и чаще гарнизоны новых крепостей на юго–восточной границе укомплектовывались казаками. Уральские казаки также участвовали во многих других войнах и кампаниях. Во время походов они снабжались деньгами и провизией; самообеспечения от них не требовали².

Казаки, проживавшие по Сибирскую сторону Урала, позднее получившие название исетских, также сыграли активную роль в освоении Башкирии. Они поселились в этом крае со времен Ермака, где то в середине XVII века стали продвигаться к верховьям рек Исеть и Миасс, воздвигая на своем пути ряд крепостей, в числе которых были Красный Бор, основанный в 1649 году, Исетский острог — в 1650 г. и Колчеданск — также в 1650 году³. Другие крепости были сооружены во второй половине XVII века вдоль рек Исеть и Миасс. Войска казачества здесь пополнялись из различных сословий приграничного населения. Позднее, в 1736 году, разнородная по своему составу группа была преобразована в Исетскую казачью армию⁴. До образования в 1737 году Исетской провинции, когда эта группа казачества стала подчиняться Оренбургу, делами исетских казаков ведала администрация Сибири. В 30–е годы XVIII столетия многие исетские казаки были переведены на службу в Оренбургский край⁵.

Одной из часто упоминаемых групп, участвовав —

¹ ПСЗ. Т.3.С.660–661.

² Витевский В.Н. С.270.

³ Рычков П.И. Топография. Ч.2.С.158–173; Стариков Ф.М. Историко–статический очерк Оренбургского казачьего войска (Оренбург. 1891).С.23–24.

⁴ Стариков Ф.М.С.25–27.

⁵ Дэн В.Э.С.214–216.

ших в военных кампаниях русских в Башкирии, являлись мешеряки (мишари) — татары казанского происхождения. Московское правительство очень рано поселило их в Башкирии, как составную часть оборонительных войск Уфимского региона. Неся воинскую службу, они не подлежали обложению ясаком. Большинство из них жило на землях, арендованных у башкир, за что платили оброк.

После завоевания русскими Казани в середине XVI века большое количество татар и финно-угорских народов устремилось на восток, спасаясь от закрепощения русскими¹. Тептяри и бобыли, как они именовались в Башкирии, были главным образом земледельцами и также пользовались землями башкир. Тептяри платили оброк и обычно обрабатывали свои земельные участки по договорному соглашению с собственниками земли.

На более низкой ступени находились бобыли, незаконно селившиеся на землях башкир, и поэтому не имевшие прав и надежного положения. Они постепенно становились крепостными своего землевладельца — башкира. Во время колониальных войн как тептяри, так и бобыли привлекались на службу русскими в качестве рабочих на строительстве крепостей и застав оборонительных линий.

Русские крестьяне также устремлялись на восток, чтобы избежать тяжелого бремени крепостничества. Часто их побеги оказывались напрасными, так как они могли быть закрепощены русскими феодалами, проживавшими в приграничном регионе, и к тому же правительство принудило тысячи из них трудиться на строительстве укреплений оборонительных линий. Самые смелые пополняли ряды казачества.

Удивительно, но факт: один из наиболее крупных компонентов русских войск в Башкирии составляли сами же башкиры. Для того, чтобы было легче управлять ими, последние подразделялись на 2 группы: простой народ (общинники), который должен был

выплачивать ясак, и тарханы (или родовые и племенные вожди), которые в обмен на несение воинской службы освобождались от уплаты ясака. Тарханов было немного: число их никогда не превышало несколько сотен человек, однако они, как предводители родов, пользовались большим влиянием.

К концу XVII века башкиры не были еще покорены, однако русские полагали, что при содействии описанной выше военной армады — союзников и их сил, присоединение всей территории Башкирии к Империи можно осуществить легко и быстро. Оказалось, что эта точка зрения была слишком оптимистичной.

Отношения с казахами

К концу XVII века на горизонте событий появляется еще один участник. Жившие далеко на юго-востоке за пределами Башкирии казахи — могущественный кочевой народ, усугубили проблемы российских колоний. Впервые русские узнали о существовании казахов в начале XVI века. Московские посланники в Ногайскую орду Данил Губин в 1534 и Семен Мальцев в 1569 г. вернулись с известием, что казахи находятся в состоянии войны с ногайцами и бухарцами¹. В 1573 г. Иван IV отправил Третьяка Чебукова к казахскому хану Хакназару (Хак-Назар). Его задачей было установить отношения и заручиться помощью в войне с сибирским ханом Кучумом. Чебуков был перехвачен сородичем Кучума и убит, так и не сумев выполнить возложенную на него миссию. Казахи были ярыми врагами Кучума, который являлся шейбанидским князем, имевшим родственные связи с узбекской царствующей династией в Средней Азии. По этой причине на первых порах казахи стремились заручиться поддержкой России в борьбе против общего врага. Они нуждались в помощи и в борьбе против более могучего противника — узбеков. В 1594 г. Тевкель-хан (хан Тевеккель) отправил в Рос —

¹Материалы БАССР.Ч.1.С.82.

¹ Левшин А. Ч.2.С.47.

сию посланника с предложением заключить союз. Ответное посольство обещало направить помощь из Самары, но за этим ничего не последовало¹. Встал вопрос о подчинении казахов русскому царю. Из письма, датированного мартом 1595 года, следует, что этот вопрос был поднят посланником Тевкеля.

Поэтому, когда в 1595 году решили послать к казахам Вельямина Степанова, ему было дано следующее распоряжение: после завершения официальных переговоров попытаться поговорить с ханом наедине с целью склонить его к принятию русского подданства. Преимущества последнего заключались в том, что «государь царь и великий князь учнет их ото всех их недругов уберегати, и стояли бы они на бухарского и на Кучюма—царя.»²

Вскоре отношения русских к казахам изменилось, несмотря на стремление к объединению против общего врага. В конце XVI века русские прочно обосновались в Сибири, построив Тюмень, Тобольск, Верхотурье, Тару и Томск. Сюда потянулись русские переселенцы, которые таким образом стали жить по соседству с казахами. Случалось, что казахские отряды дерзко нападали на русские селения, а московские власти выступали против сбора казахскими вождями ясака с племен, которых Москва объявила своими подданными.

События в далекой Монголии укрепили русско—казахские контакты. В начале XVII века там происходили столкновения межплеменных объединений, вызвавшие новую широкую волну миграции кочевников на запад. Группы западных монголов, названные калмыками, стали продвигаться в Казахскую степь, где их присутствие было отмечено русскими властями Сибири в XVII веке. Сначала казахам удалось установить контроль над рядом калмыцких аулов

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского (5 изд., в 12 т., СПб., 1842—1844/Т.9,С.378 и 332; Сибирские летописи) СПб., 1907.С.6,53.

² Казахско—русские отношения в XVI—XVII вв.(Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961.С.7.

и поселений, о чем свидетельствует документ 1595 г., в котором казахский хан Тевкиль называет себя «ханом казахов и калмыков»

В 1608 году Сибирский приказ известил центральное правительство о войне между казахами и калмыками². Тобольский воевода писал, что торговые караваны могли направляться в Среднюю Азию лишь с большим риском из—за враждебного настроения сибирских татар и калмыков³. В 20—е годы XVII века в результате массового переселения (от 40 до 50 тысяч кибиток) на запад через Северный Казахстан калмыки появились в районе верхнего течения Иртыша, Тобола и Ишима. К концу 20—х гг. XVII века они достигли Поволжья, где в течении нескольких десятилетий тревожили русских⁴.

Более многочисленными и могущественными, чем калмыки, были джунгары, другое племенное объединение западных монголов, также оказавшее влияние на ход событий на русской границе. Под руководством тайши Батура (1634—1654) они сосредоточили крупные военные силы, использовавшиеся ими с целью экспансии как на восток, так и на запад. После нападения на своего могущественного противника на востоке Алтын—хана, хана халха или восточных монголов, Батур решительно повернул на запад в 1642—1643 гг. Он вторгся в Южный Казахстан, захватил важную часть Семиречья и подчинил себе значительное число казахов Большой орды.

Тем временем казахи были заняты укреплением своего господства в районе реки Сыр—Дарья. Угро—

¹ Там же, С.8.

² Русская историческая библиотека.Ч.2.С.190—191; Миллер,Ч.1.С.328,427.

³ Андриевич В.К. История Сибири. В 5 т. СПб.,Иркутск,Томск,СПб.,Одесса (1887—1889) Т.1.С.199; Курте Б.Г. Русско—китайские отношения в XVI,XVII и XVIII столетиях. Харьков, 1929.С.22.

⁴ Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, 1032—1882. Иркутск. 1883.С.79—90; Андриевич,Т.1.С.127; Миллер, Т.2.С.298—302; Новорух Н.Н. History of the Mongols (4 vols. London,1876—1927).I.615; Аполонов Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30—х годах XVIII века. Алма—Ата, 1948.С.161

за со стороны джунгар заставила их принять экстренные меры против нового врага. Они заключили в Бухаре перемирие и вступили в союз с узбеками. Объединившись со своими бывшими врагами, насчитывавшими примерно 20 тысяч человек, казахи остановили наступление Батура и заставили его отступить.

Затем джунгары напали на маньчжур, которые в 1644 году захватили Пекин и положили начало своему владычеству в Китае. Более столетия джунгары вели агрессивную войну с халха и китайцами за обладание всей Монголией.

Следующее великое нашествие джунгар в Казахстан относится ко времени правления знаменитого Галдана (1671—1697). В годы его царствования джунгарское государство достигло своего апогея. Галдан использовал военную машину, созданную его предшественником Батуром для организации завоевательных походов. В 70-е годы XVII века в течение лишь нескольких лет ему удается захватить Кашгар, Ярканд, Турфан и Хамиль, завоевать Туркестан и подчинить своей воле казахов Большой Орды.

В 80-е гг. XVII века, воспользовавшись династической борьбой среди халха-монголов, он обрушился на них с такой силой, что те были вынуждены просить защиты у Китая. Китайская императорская армия, выступившая против 20-ти тысячного корпуса Галдана, была полностью разгромлена. Император собрал новую армию, однако джунгары уже подошли к Пекину на расстояние в 20 лиг. Здесь, после незначительного сражения, Галдан подписал перемирие сроком на 2 года. В 1696—1697 гг. он вновь атаковал китайскую армию, но вовремя последнего похода потерпел поражение и был убит. Император Кянгиши следующим образом оценил деятельность Галдана:

«Галдан был грозным врагом. Самарканд, Бухара, Пулут [т.е. Бурут], Ургенч, Кашгар, Шумирмен, Турфан, Хамиль были отвоеваны у магометан. Взятие более чем 1200 городов

свидетельствуют о том, как далеко побывало его оружие. Напрасно халха собирали под семью знаменами 100 000 человек, чтобы противостоять ему. Чтобы рассеять их хватило и года»¹.

Нападения джунгар в 40-ые и 60-ые годы XVII столетия сильно опустошили казахские аулы. Большая Орда была большей частью поглощена джунгарской конфедерацией, а население других казахских орд устремилось на запад в направлении южных границ России. Стремление джунгар к обладанию городами Туркестана подогревалось наличием здесь богатых запасов необходимой им селитры. Наряду с традиционным оружием кочевников — луком, джунгары также использовали огнестрельное оружие и пушки.

Батур и его последователи столкнулись с русскими в Верхнем Прииртышье, где последними были уже установлены пограничные столбы. Между той и другой стороной возникли разногласия по поводу владения племенами, с которых обе они пытались взимать ясака, а также по вопросу возвращения пленных и случаев нарушения границы. Иногда джунгары совершали набеги на русские поселения, иногда же они искали поддержки русских в борьбе против общих врагов. Например, в 1688 г. Галдан направил посланника в Иркутск с тем, чтобы тот предложил русским заключить союз против халха-монголов. Русские отказались прислать войска для похода в Монголию, хотя и обещали помочь в случае нападения халха-монголов на Джунгарию. Галдан также просил прислать 2—3 тысячи казаков и несколько пушек, с которыми он грозился «разрушить все китайские границы за Великой Стеной»². Русские в критический момент переговоров, предшествовавших заключению Нерчинского соглашения (1689 г.), отка-

¹ Howorth H.H. 1639.

Там же. С. 628. См. также: Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958.

зались от предложения джунгар, так как не хотели обострения отношений с Китаем¹.

В результате джунгаро-казахских войн второй половины XVII века огромное число казахов откочевало на запад до среднего течения р.Урал, по которой проходила граница с Башкирией. На эти земли претендовала и Москва. Именно здесь и произошли первые серьезные столкновения русских с казахскими воинами — кочевниками.

Howorth N.N. V.1.P.628. О позиции китайской стороны и общем ходе переговоров см.: Joseph Sebes. The Jesuits and Sino-Russian Treaty of Nerchinsk (1689); The Diary of Thomas Pereira (Institutum Historicum S.I.Rome.1961) Отец Себес указывает, что китаицы боялись поддержки Россией джунгар. Одна из последних русских работ: Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958. Более старой, но полезной работой является труд: Gaston Cahen. Some Early Russo-Chinese Relations. 4 vols. by W.Sheldon Ridge (Shanghai.1914).

Глава IV

Юго-восточная граница в царствование Петра Великого

В годы царствования Петра Великого под его пристальным вниманием находился поистине весь спектр устремлений, движущих сил и политических установок России в регионе юго-восточной границы. Воцарение порядка после глубоких потрясений Смутного времени и значительное укрепление могущества России на протяжении XVII века сделали возможным возобновление продвижения на восток. Рычков, секретарь Оренбургской комиссии и первый историк, исследовавший юго-восточный приграничный регион, центральную роль в разработке плана наступления на юго-восток отводил Петру I:

«Между такими е.и.в. о благополучии государственном бессмертной славы достойными трудами и попечениями не меньше была и сия материя, о которой следует ниже объявленное описание [касающееся продвижения русских в Оренбургский край]. Е.в. довольно мог предвидеть, коим образом не малая часть империи его подвержена опасностям от многочисленных степных народов, живущих в великой татарии, наипаче же от зюнгорских калмык и киргиз-кайсаков [казахов]... Того ради... Петр Великий неоднократно изволил иметь разсуждение коим бы образом от сих не постоянных народов единожды такую безопасность утвердить,

небашкирами, хлынувшими на эту территорию из — за реки Камы, бывало, приводила иногда к состоянию гражданской войны. Зачастую переселенцы поддерживали существовавший режим, и в конечном счете за свою преданность ему получали особые льготы от Санкт — Петербургских властей.

Таким образом, кратко можно сказать, что генеральной стратегической установкой русской администрации первоначально было осуществление постепенного продвижения оборонительной линии вглубь приграничного региона. В дополнение к военным мерам, русские дипломаты стремились предотвратить возникновение союза местных народов, а также расколотить эти народы изнутри путем привлечения на свою сторону их предводителей. Пестрый состав населения Башкирии предопределил чрезвычайную эффективность этого политического принципа.

Резюмируя внутривосточную обстановку в России на момент смерти Петра I в 1725 году, необходимо отметить, что в силу целого ряда обстоятельств Россия стремилась проникнуть на юго — восток, в Азию. До полной стабилизации ситуации в Башкирии было еще далеко, хотя в 1725 — 1735 гг. и не произошло ни одного какого — нибудь значительного восстания. Обитатели Казахской степи, казахи, опасаясь нападения джунгар, стремились откочевать поближе к границам России. Далее на юг располагались слабые государства Средней Азии, которые, казалось, вполне созрели для завоевания их Россией. Овладев Казахстаном и Средней Азией, Россия могла бы приблизиться к границам Индии и наладить выгодную для себя торговлю со странами Востока. Этот узел устремлений и задач был преобразован Петром I в одну общую программу действий. Ему не было суждено увидеть завершение своих замыслов, однако он сумел вдохновить своих преемников на последующие великие дела.

Глава V

Начало Оренбургского проекта (1725 — 1734)

После смерти Петра I Россия не собиралась откazyваться от своих экспансионистских намерений относительно юго — восточной границы. При его преемниках, деятели, вскормленные администрацией Петра I, составили и претворили в жизнь конкретные планы, направленные на осуществление его генерального политического курса на овладение башкирскими землями и достижение других целей русских в этом регионе. Наиболее значительной фигурой в кругу этих людей был статский советник Иван Кириллович Кириллов, который сначала составил, а впоследствии и возглавил проект, получивший название «Оренбургская экспедиция» и имевший своей первоочередной задачей основание города Оренбурга — русской военной крепости у слияния рек Ор и Урал.

По словам известного исследователя Уолтера Коларза, «основание Оренбурга явилось одним из наиболее выдающихся событий Российской истории, вторым по значимости после завоевания Казани»¹. Хотя Кириллов не мог предугадать всех последствий своего проекта для отношений России с народами колоний, и даже не дождался полного претворения в жизнь этого проекта, тем не менее его деятельность способствовала возобновлению натиска русских на юго — восток. К середине XVIII столетия, в результа —

Walter Kolars. Russia and her Colonies. F.A.Praeger: New York. 1955. P.255.

те событий, последовавших за принятием его проекта, была наконец построена линия крепостей по всему течению реки Урал вплоть до Каспийского моря. Оренбург стал плацдармом для дальнейшего завоевания: если после завоевания Казани перед Россией открылась широкая дорога в Азию, то основание Оренбурга дало ей конкретный выход в Среднюю Азию.

Миссия Тевкелева к казахам.

1730 — 1732 гг.

События, давшие начало Оренбургскому проекту и приведшие к следующему этапу русской экспансии на юго-восток, произошли в Казахстане. Как это случалось и ранее, некоторые казахские предводители обратились к русским властям с просьбой защитить их от врагов. На этот раз А.Волынский, воевода Астрахани, написал в Коллегию Иностранных дел летом 1725 года, что он осведомился, «не будет ли оной народ [казахи] добровольно протекции ея и.в. [Екатерины I] желать»¹. В начале 1726 года Абулхаир (Эбюлхаир), хан Малой Орды, направил в Санкт-Петербург посольство, чтобы сделать заявление от имени Малой Орды о том, что казахи желают получить покровительство России. Он просил разрешения кочевать в районе среднего течения реки Урал, а также просил русских повелеть башкирам и уральским казакам «жить с ними в мире, не совершать разорения и набегов»². Абулхаир предложил обменяться пленниками и обещал «служить верой и правдой согласно указам Ее Величества». Известно, что Коллегия Иностранных Дел подвергла сомнению верительные грамоты посла и, следовательно, не воспользовалась этим случаем.

¹ История Казахской ССР. Ч.1. С.236

² Киргиз-кайсацкие дела, 1726 г., Д.(без номера).Л.61–62, цитируется по: Аполлонова, С.194–195.

Более правдоподобным объяснением явной незаинтересованности русских дипломатов является следующее: правительство, возможно, опасалось заключением такого союза восстановить против России джунгар¹.

В 1728 году казахи разбили в сражении джунгар. Это событие вдохновило предводителей Малой и Средней Орды образовать федерацию племен для организации более успешной обороны. Встретившись в районе Чимкента, казахи избрали Абулхаира главным — командующим своими войсками. В 1729 году он вновь победил джунгар. В результате была освобождена значительная часть Средней Орды, и под властью джунгар осталась лишь Большая Орда².

Даже в то время, когда некоторые казахские предводители стремились к покровительству России, другие казахи совершали набеги на поселения русских и сеяли разрушение и смерть вдоль границы. В 1727 году для защиты рубежей южной Башкирии от казахов и каракалпаков правительство поселило свыше 300 человек казахов у слияния рек Сакмары и Урала³. Эта небольшая крепость вряд ли могла справиться с поставленной задачей.

Во времена царствования императрицы Анны Ивановны (1730 — 1740 гг.) Санкт-Петербург решил укрепить позиции русских в Башкирии и восстановить порядок в этом беспокойном крае. После обсуждения было принято решение поступить в духе старых традиций; а именно: в глубине Башкирии запланировать строительство новой, более обширной Закамской оборонительной линии. Строительство новой линии должно было начаться не ранее чем через 2 года, тем временем в том же 1730 году, Абулхаир прислал еще одно посольство уфимскому воеводе Ивану Бутурлину для обсуждения вопроса

¹ Там же.

² Левшин А. Ч.2. С.79.

³ ПСЗ. Т.8. С.897.

принятия русского подданства¹. Оба посла — Кулум — бет Кумтаев и Сеиткул Куйданкулов были отправлены в Санкт — Петербург, куда они прибыли в начале 1731 года. В своем письме Абулхаир открыто просил русских защитить их от нападения джунгар и волжских калмыков. Взамен Абулхаир обещал помочь русским в деле принятия каракалпаками, туркменами и хивинцами подданства России.

Коллегия иностранных дел, посоветовавшись изложила основные требования русских². В знак подчинения оно потребовало ежегодную выплату дани, прекращения набегов на башкир, калмыков и уральских казаков; возвращения русских пленных, помощи в охране торговых караванов, идущих через казаскую степь и, наконец, заложников как гарантов верности. Именно в это время обер — секретарь Сената Иван Кириллович Кириллов предложил построить укрепленный город у слияния рек Орь и Урал для защиты казахов от нападений калмыков и джунгар. Задача же предоставления условий русских Абулхаиру была возложена на обрусевшего татарского князя из Уфы Алексея Ивановича Тевкелева, определенного Петром Великим для подобных поручений еще восемь лет тому назад. Кириллов предложил, чтобы Тевкелев также убедил Абулхаира в преимуществах постройки крепости на реке Орь. Отряд Тевкелева состоял из 60 человек, в числе которых были и два геодезиста, которые должны были собрать географические сведения для составления карты региона³.

Путешествуя по степи, Тевкелев достиг лагеря Абулхаира в октябре 1731 года. Он вскоре обнаружил,

¹ Рычков П.И. История.С.5; Левшин А.Ч.2.С.95; Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII веке //Красный Архив.5/78/, 1936.С.189 (Далее цитируется как КА)

² ПСЗ.Т.8.С.386 — 387.

³ Там же.С.383 — 386; Рычков П.И. История.С.5 — 6; КА.С.193. Добросмыслов А.И. «Тургайская область. Исторический очерк» // Изв — я Оренбургского отд — я императорского русского географического общества 1900., вып.15.С.7 — 8 (Далее цитируется: Добросмыслов.РГО).

что позиция хана не выражала мнения всех его подданных. Когда казахские предводители узнали о цели приезда Тевкелева, ими овладело чувство смятения и ярости. Они вознамерились схватить Тевкелева и тут же предать его казни со всем его отрядом. Враждебно настроенные вожди даже грозились восстать против Абулхаира и положение, казалось, было безнадежным. Тевкелев бесстрашно предстал перед собранием и стал говорить о преимуществах принятия ими русского подданства. Он обратил внимание на благополучие волжских калмыков и уфимских башкир в результате принятия ими русского подданства, особо подчеркнув упрочившуюся их безопасность. Для того, чтобы доводы его показались более убедительными, он преднамеренно раздавал подарки. В конце концов ему удалось убедить незначительное большинство, которое принесло присягу верности русской императрице¹. Семеке (Шемяка), хан Средней Орды, не участвовал в этой встрече, хотя и был приглашен Абулхаиром. Послы, отправленные к нему Тевкелевым, вернулись с отказом от Шемяки, который следующим образом мотивировал свое нежелание присоединиться к Абулхаиру:

«он [Абулхаир] без согласия их, ханов и старейшин, подданства принял... и уже он [Шемяка], хан... желает быть в подданстве всероссийском не по совету Абулхаира — хана, но сам своим желанием»².

Даже внутри Малой Орды, которой руководил Абулхаир, было очень сильным крыло, выступавшее против союза с русскими. Многие предпочитали такому союзу подчинение джунгарам. Абулхаир писал императрице в 1733 году:

«народ наш подобно диким зверям, и к тому же калмыцкой владелец Лобжа [sic] их, кайсаков, весьма возмущал, и для того оной киргис —

¹ Рычков П.И. История.С.6; КА.С.198 — 199; Добросмыслов А.И. РГО. С.8 — 10.

² Журнал Тевкелева //Казахско — русские отношения в XVI — XVIII веках. Сборник документов и материалов/.С.63 — 64.

кайсацкой народ наш мне противны были и на две партии разделились, а я, нижайший раб, с своею партиєю от них отделился...»¹.

Ввиду того, что посольство Тевкелева все еще находилось в опасности, он приказал всей своей группе, за исключением себя и еще одного человека, вернуться в Россию с докладом о результатах миссии. Коллегия иностранных дел, опасаясь провала миссии, выделила средства для выкупа Тевкелева. Тем временем Абулхаир откочевал со своими аулами на юг, в направлении Аральского моря. Здесь он заручился поддержкой Каипа, каракалпакского хана. Проанализировав ситуацию, Тевкелев убедил Абулхаира в преимуществах строительства русской крепости на реке Орь в том месте, где она встречается с Уралом, как и было предложено Кирилловым. Он докладывал в Коллегию Иностранных дел в письме от 3 января 1732 года:

«для того первое, что киргиз — касакки аманатов давать на Уфу из детей старшин отказали, а как они из самих старшин из каждого роду по одному человеку учинят яко судьями у киргиз — касакских дел в том городе жить, ясак збирать и в Москву отсылать погодно, то они будут вместо политичных аманатов, и киргиз — касакком пакости делать росийским подданным будет невозможно... и ежели она крепость построена будет, то в Бухар, в Хиву, в Ташкент, и в Торкустан караванам ходить будет зело способно, ибо от Уфы Хива ближе, нежели от Астрахани... и дорога зело способная, воды довольные... и опасности купцам не будет, понеже в конвое для провожания будут киргиз — касакки сами»²

Ясно, что давление со стороны джунгар явилось фактором, заставившим казахов искать поддержки русских, вероятно из — за того, что в то время от Рос —

сии могла исходить менее реальная угроза независимости казахов. Однако большую роль в этом процессе сыграли и политические амбиции Абулхаира. Разногласия, трения, существовавшие между тремя ордами, а также внутри каждой орды, ослабляли народ, который ввиду своей численности и военной мощи мог бы представлять значительную силу. Хан Абулхаир, известный своей энергичностью, стремился стать во главе этого «непокорного» народа. Два года спустя, в письме императрице Анне от 1734 года, он открыто заявляет о своих намерениях использовать заключение союза с Россией для достижения своих политических устремлений:

«В нынешния времена всех касакков безумных усмирить я не могу, которые приезжим послам и купцам всякие обиды показывают... И как скоро город построен будет, тогда я их усмирить могу»

В декабре 1732 года Абулхаир отправил в Россию еще одно посольство, возглавлявшееся его вторым сыном Ерали. Несколько представителей от Большой Орды сопровождали отряд в Уфу для ведения дальнейших переговоров². Включение в состав посольства этих лиц, вероятно, было попыткой со стороны Абулхаира убедить русских в том, что он уговорил предводителей Большой Орды искать русского подданства. Семееке со Средней Орды все еще предпочитал оставаться независимым. Тевкелев сопровождал это посольство в Уфу, прибыв туда, к изумлению местных властей, целым и невредимым, в то время как они готовились выкупить его³. В начале 1734 года посольство прибыло в Санкт — Петербург. Ерали был принят императрицей, и во время аудиенции он обратился к Анне:

ЦГАДА. Киргиз — кайсацкие дела. 1734.Д.4.Л.103 — 104. Цитируется по работе: Аполова Н.Г. 1948.

² ПСЗ.Т.9.С.303 — 304.

³ Рычков П.И. История.С.7; Добросмыслов А.И. РГО.С.11.

¹ Казахско — русские отношения в XVI — XVIII веках.С.97.

² КА.С.204

«Всепресветлейшая, державнейшая императрица, всемилостивейшая государыня! Отец мой, Абулхайр хан, со всею своею киргиз — кайсац — кою ордою, по прошению своему и по Вашему монаршескому милосердию, удостоился высочайшей в.и.в. протекции и принятия в вечное подданство. И ради должного своего верно — га рабства прислал меня к высочайшему двору в.и.в., и я за сию высочайшую в.и.в. милость, именем отца моего, припадая к стопам в.в., благодарение приношу и всенижайше рабски прошу — содержать нас в неотменной своей императорской милости и защищении»¹.

Вице — канцлер Остерман выступил с ответной речью и принял казахов в русские подданные. Затем казахским послам были показаны достопримечательности города, в особенности военные и морские объекты, а также Кунсткамера при Академии наук.

Несмотря на торжественные заверения Ерали в преданности и верноподданничестве, вскоре русско — казахские отношения вновь осложнились. В письме, посланном Абулхаиру с благодарностями за его усилия по приведению казахов Малой и Большой Орд и каракалпаков в русское подданство, содержится и легкая критика за попустительство нападению на русский караван, направлявшийся в Хиву и Бухару².

Оренбургский проект

Человек, составивший проект построения города у устья реки Орь, Иван Кириллович Кириллов, был незнатного происхождения. Он начал государственную службу с небольшой должности подъячего в Департаменте Тайной Полиции, затем стал канцеляристом в Сенате. Здесь ему удалось обратить на себя внимание Петра Великого, выдвинувшего его на

должность секретаря Сената. В 1727 году Кириллов получил чин обер — секретаря Сената. Несмотря на то, что он не получил систематического светского образования того времени, Кириллов самостоятельно изучил математику, механику, историю, экономику и металлургию. Он получил известность своим вкладом в составление первой обширной карты Российской империи, в ходе работы над которой он ознакомился с проблемами пограничных областей. Испытав сильное влияние со стороны Петра I, он работал над дальнейшим развитием некоторых незавершенных проектов своего учителя. После завершения миссии Тевкелева он представил Кабинету два проекта. Первый проект касался Сибирской и Камчатской экспедиций, предложенных Петром. Здесь же он описал Великую Татарию и выдвинул предложение о строительстве города у устья реки Орь. Его второй проект имел отношение лишь к казахам и каракалпакам и излагал преимущества, которые могли бы быть получены в результате подчинения этих народов¹. Он рассматривал вопросы развития торговли со Средней Азией, возможности эксплуатации богатых сырьевых ресурсов казахских земель, а также защиты России от набегов степных кочевников.

Документ представлял собой подробно обоснованный проект, в котором приводились не только доводы в пользу организации такой экспедиции, но и краткий обзор народов и исторического прошлого региона, а также интересов Русского государства в этом крае. Кириллов писал:

«ныне к первому началу первая приятная ведомость чрез бывшего у киргиз — кайсацкого Абулхайр хана посланца Тевкелева получена, что тот хан... и другой каракалпакский хан же со всем народом в подданство пришли [России]... и так путь до самого Аральского озера отворен; да то и неимоверно б было по их лег —

¹ Рычков П.И. С.8.

² ПСЗ.Т.9.С.303; Добросмыслов А.И. Материалы. Т.1.С.120- 121,124 — 131,133 и сл.

Добросмыслов А.И. Материалы.Т.1.С.1 — 50.

комыслию, но всего лучше, что по представле— нию Тевкелева желает Абулхаир хан россий— скую крепость близкую к его владению по— строить, от которой себе защиты надеется, нам же явная польза и всего намерения фундамент есть, чрез что с Божиею помощью одну по другой даже и Водокшанскую богатую землю и до самой Персии и Индии в Российскую де— ржаву подобрать и отгуди богатство — золото, камень лапись—лазори и лал и протчее полу— чать; а соседа Контайшу [джунгарского прави— теля] к его усилованию не допустить, своих же прежних подданных башкирцев и волжских калмыков от замыслов и соединения (чего от башкирцов и калмык опасаться надлежит) воз— держать можно без движения великих войск»¹.

Доводы Кириллова в пользу выбора среднего те— чения реки Урал в качестве места постройки оборо— нительной линии проливают свет на генеральную стратегическую установку русского правительства в этом вопросе. Новый город должен был быть возве— ден у устья реки Орь, «впадающей в Яик, самая сре— дина между башкирцами и киргиз—кайсацкою ор— дою, и разделить калмык волжских вдаль от башкирского согласия...»². Он также выработал схему укомплектования крепости личным составом для претворения проекта в жизнь. Кроме военных и тех— нических подразделений, он предложил привлечь к строительству городов и других крепостей в Башки— рии местных жителей этого пограничного региона. Затем он переходил к тому, что считал одним из важнейших целей всего проекта, а именно: к вопро— су об организации торговли. С целью привлечения купцов из Азии, он предлагал в течение нескольких лет не облагать их товары таможенными пошлинами. Несмотря на то, что им была предусмотрена возмож— ность ведения торговли с казахами, все же более

важным делом он считал развитие торговых отноше— ний со Средней Азией и Индией. Кириллов особенно жаждал получить доступ к сказочным богатствам Ба— дахшана, поделенного тогда между Самаркандом и Бухарой. Далее он подробно излагал шаги, которые необходимо было предпринять для овладения Сред— ней Азией. Первыми этапами этого процес— са должны были стать основание крепости на Араль— ском море и строительство здесь флота.

Что касается крепости на реке Орь, Кириллов предложил вначале разместить здесь небольшой гар— низон: 1,5 батальона служилых дворян и казаков, 1— 2 полка Казанского гарнизона, 500 человек казаков с юго—восточной границы и несколько башкирских тарханов. Для того, чтобы компенсировать первона— чальную слабость сил русских в регионе, Кириллов предложил правительству в экстренных случаях при— бегать к следующей политике: «Ныне же, когда кир— гиз—кайсаки подданными учинились, то оному зюн— гарскому владельцу можно или киргизцами, или башкирцами... всякую шкodu учинить без российских войск»¹. Обобщая свои доводы, Кириллов заключал:

«Ежели бы сие дело кто бы хотел опровергать, представя опасности от башкирцев и киргизцев или иных тамошних народов, такому можно многие примеры представить, первое: ежели бы Казань и Астрахань царь Иоанн Васильевич [Иван IV] у татар не завладел и башкирцы са— ми в подданстве не пришли, то бы всег— да близкими могли быть неприятелями, каких ныне уже за ними в степях имеем, а по счастью Ея Императорскаго Величества и те приходят в подданство; второе: башкирцы утверждены в подданстве одною Уфою, коя так малолюдна, что сотой доли против башкирцев людей в ней нет, и всегда верно служивали не токмо против шведов и поляков, но и против турков и крым—

¹ Добросмыслов А.И. Материалы. Ч.1. С.18.

² Там же. С.19.

¹ Там же. С.39.

цев, а о бунте бывшем, ежели зрело разсудить, то больше сделалось от того, что хотели **прежня привилегии** [башкир] опровергнуть: **рыб — нья** ловли, мельницы отнять и подати лишние наложить... третье: вся великая Сибирь чужая была и в такой же ко овладению неудобности в те времена казалось, как ныне о **разсыпанных** бухарских провинциях, но ее Ермак шестьюстами человеками взял и путь до Китая **отворил**, а ныне **надеятца** можно, что до Японии достигнуть могут, когда б те три знатныя **владения** заранее к России не присовокуплены и не застарели, и тамошний народ с русскими не перемешались, то бы всегда того же надлежало бояца как от Батыя и Тамерлана и иных махаметанов, выходящими с великими войски, от которых Россия терпела, но Божьими судьбами завладением сих обширных стран Россию **наипаче древняго в силу и славу привел**»¹.

Далее он отмечал, что настоящий момент **наиболее благоприятен** для расширения русских границ и обогащения **государства**, поскольку бухарские **территории** распались на множество мелких государств, которые можно подчинить без большого труда, как это имело место с казахами и каракалпаками.

1 мая 1734 года **предложение** Кириллова о **строительстве** города на Ори, поддержанное тайным **советником** А.П.Бестужевым — Рюминым, было **одобрено** императрицей Анной. Кириллову и Тевкелеву было приказано незамедлительно приступить к **осуществлению** проекта. Этими распоряжениями Московское государство положило начало процессу завоевывания Башкирии, несмотря на то, что этот проект составлял лишь одно звено в цепи замыслов правительственных чиновников.

Хотя в 1557 году сразу же после завоевания **Казани** русские и притязали на владение всеми **башкирскими** землями, целых два последующих **столетия**

территории, расположенные за пределами Закамской линии все еще слабо контролировались **администрацией**. К востоку от Волги и к **юго — востоку** от Казани оставался обширный регион, населенный **несколькими** могущественными кочевыми народами, которым удавалось не **ввязываться** в столкновения с русскими и сохранять свою самостоятельность в **отношениях** с русскими властями. Причины **противостояния** этих людей русскому господству коренилось в неистово оберегавшемся кочевниками **вольном образе** жизни и их обычаях, интригах со стороны **Турции** и Крыма, а также в нежелании местных **правителей** подчиняться указам Российского государства. Их способность к оказанию сопротивления **проистекала** из громадной боеспособности конного войска кочевников, состоявшего на защите **аулов**, стад и **табунов** и способного к передвижению вне пределов досягаемости русских войск. В краю, не **изобилующем** крупными естественными преградами, было **не легко** одолеть в бою и навсегда разгромить **великолепных** степных наездников.

Русская имперская экспансия во **внутрь** этого региона была вызвана к жизни несколькими **причинами**. В эпоху формирования государства и **интенсивных** войн, как уже упоминалось, **из — за** нехватки средств были весьма желательны поступления в **казну** от уплаты **ясака**, взимавшегося с многочисленных колониальных народов. Все более важным в XVIII веке становилось овладение минеральными **богатствами** Уральского региона, что являлось другим, **жизненно** важным приоритетом для государства, **начавшего** модернизацию. Надежда стать посредником в торговле европейских стран с Азией также было весьма сильным аргументом. Что же касается **правительственных** чиновников того времени, то для них самой главной причиной являлась необходимость **защитить** российские границы. Для стороннего **наблюдателя** последний довод был по крайней мере **неубедительным**, поскольку Россия глубоко вторглась

¹Добросмыслов А.И. Труды. С.45 — 46.

внутри территории чужого государства. Несмотря на притязания русских в отношении Башкирии, получилось так, что они фактически «защищали» ее от ее же собственного населения.

Последствием империалистических действий России было яростное сопротивление со стороны башкир. Последующие ожесточенные колониальные войны XVII и XVIII веков продемонстрировали отношение к русским местными жителями края. Далее от башкир располагались казахи, устремившиеся под давлением монголов к южным границам России и начинавшие играть все более важную роль.

Однако к 1734 году русские уже хорошо осознали свое возрастающее могущество. Санкт-Петербургская администрация ожидала, что Оренбургская экспедиция одним быстрым ударом установит абсолютное господство России над беспокойным приграничным регионом, располагавшимся к юго-востоку. Проект был задуман учениками Петра Великого и был настолько масштабный и всеобъемлющий, что, безусловно, был бы им одобрен.

Глава VI

Оренбургская экспедиция (1734-1735)

18 мая 1734 года правительство издало ряд указов для Кириллова в связи с реализацией его проекта, который вначале был назван Оренбургской экспедицией. Эти указы были составлены с учетом рекомендаций Кириллова и сводились по существу к трем главным задачам. Первая задача заключалась в строительстве укрепленного города у слияния рек Ор и Урал, который должен был положить начало оборонительной линии крепостей вдоль южных границ Башкирии, а также стать опорным пунктом для ведения дел с казахами, недавно принявшими русское подданство. Второй задачей было подавление выступлений башкир. И, наконец, предусматривались меры, которые должны были способствовать занятию Россией господствующего положения в Средней Азии. Выполнение последней задачи надо было начинать со следующего шага:

«и для удобства к коммерции нужно сделать на Аральском море с нашу сторону в Киргиз-Кайсацком владении пристань и завезти свои суда с пушками, и тем морем действительно овладеть»

А отсюда было уже легко способствовать продвижению в жизнь политических и торговых интересов России в Среднеазиатском регионе. Таким образом, все долгосрочные планы Петра Великого относительно этого региона оказались соединенными в одном

проекте. Если бы он был реализован, то стал бы основным звеном решения юго-восточной проблемы.

В соответствии со своими новыми обязанностями и широкими властными полномочиями Кириллов был произведен в чин статского советника¹. Одновременно Тевкелев как вторая фигура в руководстве экспедицией получил звание полковника. После личной аудиенции у императрицы Кириллов и Тевкелев 15 июня 1734 года отбыли из Санкт-Петербурга в сопровождении сына Абулхаира Ерали и нескольких башкир. Передовой отряд экспедиции отправился в Москву на пяти речных судах, остальная часть последовала за ними по суше через две недели во главе с лейтенантом флота Петром Бахметьевым, тестем Кириллова².

В Санкт-Петербурге были набраны лишь высшее командование и технический персонал экспедиции: военные подразделения с офицерским корпусом; морские и речные специалисты для решения задач перевозок по реке и организации морского дела на Аральском море после постройки там порта и флота; рабочие строительных специальностей для возведения городов и доков; инженеры для планирования строительства и руководства им; бухгалтер; а также ученые для составления карт, разведки полезных ископаемых и изучения природных явлений региона.

Перед отъездом экспедиции предводителям всех трех казахских орд и каракалпакам были отправлены письма. В них говорилось об их клятвах верности императрице и содержалась просьба защищать рус-

¹ Должность статского советника являлась одним из разрядов правительственно-бюрократической иерархии и не подразумевала приближенность к царю или государству. В «Табеле о рангах» Петра Великого этот класс государственных чиновников по своему положению находился на пятом месте сверху и соответствовал военному званию бригадного генерала.

² Описание событий основывается главным образом на «Истории» Рычкова. Рычков был секретарем Оренбургской комиссии во время правления ею Неплюева (1741—1758). Он написал историю всего проекта. Дополнительные сведения, основанные на архивных материалах, заимствованы у Добросмылова, РГО и из Витевского (И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.).

ские караваны, направлявшиеся в города Средней Азии и возвращавшиеся оттуда. Семеке (Шемяка), хану Средней Орды выражался укор за учиненные им набеги на башкир.

В Бронницах, примерно в 25 верстах от Новгорода, отряд Кириллова сошел с лодок и проехал оставшуюся часть пути в Москву на почтовых лошадях, прибыв туда 29 июня. Здесь к экспедиции присоединились еще несколько человек, в том числе геолог, аптекарь, ботаник, историограф, художник, несколько канцелярских работников, хирург, священник, несколько студентов Греко-Латино-Славянской Академии и ряд военных офицеров.

После месячного пребывания в Москве увеличившийся отряд Кириллова отправился в Уфу речным путем на И лодках. Сам Кириллов продолжал ехать впереди отряда на почтовых лошадях через Коломну, Переяславль, Старую Рязань, Касимов и, наконец, Казань, куда он прибыл в августе. В Казани Кириллов принял командование Пензенским полком, несколькими артиллерийскими и другими специальными частями. В конце октября с этими участниками экспедиции он направился в Уфу, прибыв туда 10 ноября 1734 года, 5 месяцев спустя после отъезда из Санкт-Петербурга.

В Уфе Кириллов завершил последние приготовления к отправке экспедиции. Под его началом теперь были Пензенский полк, Уфимский батальон, наполовину состоявший их уфимского служилого дворянства и казаков, и только что набранный Оренбургский эскадрон, состоявший из юношей Уфы, Бирска и Мензелинска. Собрав воинский контингент экспедиции, Кириллов отдал распоряжение по снабжению своей команды провизией и снаряжением. Для облегчения доставки продовольственных грузов он приказал соорудить пристани в верхнем течении рек Уфы и Урала. Для того, чтобы обеспечить надежную связь с сибирскими городами, Кириллов, по совету «верных» башкир, приступил к строительству крепости Верх-

неуральск в верховьях реки Урал¹. В письме графу Андрею Остерману Кириллов писал: «Место это столь удобное, что не токмо к Орь реке из Сибирских слобод провиант из Екатеринбурга, всякие припасы водою на низ будут сплавливаться, но и до самого Каспийского моря впредь провиант пойдет»². Как только крепость была достроена и укомплектована двумя ротами регулярных войск и казаками, Кириллов приказал отправить из разных сибирских городов обоз из 500 подвод с провиантом, подлежащим размещению на складах нового поселения.

Кроме этой деятельности, Кириллов зимой был занят составлением списка башкирских родов и их наиболее известных старшин, предназначавшегося для Уфимской канцелярии. Он также записал в состав экспедиции ряд башкирских тарханов, которые должны были сопровождать ее. При этом он пожаловал титул тархана многим башкирам, ранее его не имевшим.

Башкиры, уже давно обеспокоенные проникновением русских в их край, постоянно обращались с прошениями к царскому правительству, призывая облегчить их угнетенное положение. Еще тогда, когда экспедиция только лишь формировалась, администрация уже имела целый перечень протестов, заявленных башкирскими старшинами³. Вкратце, протесты башкир были те же самые, что выдвигались ими ранее и привели к войнам 1662–1664; 1675–1683; 1705–1711 гг.: захваты земель и злоупотребления государственных чиновников.

Испытывавшие постоянные притеснения и обиды, башкиры узнали об экспедиции на реку Орь. Они осознали, что новая оборонительная линия по реке Уралу практически завершит окружение их территории. Некий башкирский старшина в Санкт-Петербурге написал письмо Кильмяку Нурушеву, наиболее

видному вождю антирусского движения башкир Ногайской дороги, сообщив ему об учреждении Оренбургской экспедиции. Под предводительством Кильмяка, Бепени Сеяргулова, Сеитбая Ераткулова, Рысай-бая Игимбетова, Кусанбай-батыра, Амина и ряда других влиятельных башкирских старшин шла тайная подготовка для оказания противодействия экспедиции¹.

Приготовления башкир к войне велись так скрытно, что информация о них почти не просачивалась. Кириллов писал зимою из Уфы: «Башкиры всеми чинимыми распоряжениями довольны»². В марте тайный статский советник Василий Никитич Татищев, тогда начальник Казанских и Сибирских горных заводов писал Кириллову из Екатеринбурга, что башкиры, черемисы и другие проводят собрания и замышляют противодействие Оренбургскому проекту. Кириллов ответил, что отряды, отправленные в Верхнеуральск и Сакмарск для охраны линий связи, ни малейшего сопротивления со стороны башкир не встретили. Что же касается собраний, упомянутых Татищевым, то они проводятся для организации набора рабочих в экспедицию. Казанский губернатор граф Платон Мусин-Пушкин выразил также беспокойство в своем письме, однако Кириллов пренебрег и этим предупреждением, вероятно, по причине того, что он был больше занят казахами и опорным пунктом на Аральском море. К тому же недовольство башкир не являлось чем-то новым, возрастающая мощь России была причиной самоуверенности Кириллова, и после жестокого подавления восстаний 1705–1711 гг. новый бунт казался маловероятным.

В апреле 1735 года, после 11 месяцев подготовки и сбора сил и снаряжения для экспедиции, Кириллов выступил из Уфы вверх по слегка холмистой и лесистой

¹ Добросмыслов А.И. Материалы. Т.1. С.227–231, 240–241, 282–283, 283–285, 286–287.

² Витевский В.Н. Ч.1. С.140–141. В 1775 году Яик был переименован в Урал.

³ Добросмыслов А.И. Материалы. Ч.1. С.204–215

¹ Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 гг. // Труды Оренбургской учебной комиссии. Вып. УШ. Оренбург, 1900. С.7–8 (Далее цитируется как: Добросмыслов А.И. Труды).

² Там же. С.12.

стой долине реки Белой. В 10 верстах южнее Чесноковска, он основал свой лагерь, где в течение двух месяцев ожидал прибытия 5 рот солдат Вологодского драгунского полка, направлявшихся с застав Закамской линии. Прибыли два посла от Кильмяка Нурушева и его сподвижников и сообщили Кириллову, что башкиры будут всей силою противодействовать выполнению планов экспедиции, и потребовали отмены этого проекта. Оба они были подвергнуты допросу с пристрастием, один же из них под пытками скончался. Кириллов решил не дожидаться дополнительных сил, а отправиться на реку Орь. 15 июня он покинул свой лагерь и проследовал далее по реке Белой вверх в сопровождении 10 рот солдат Пензенского полка, 3 рот только что набранных оренбургских драгун, 150 уфимских казаков, нескольких служилых татар, 15 новокрещенных калмыков, 600 уфимских мещеряков во главе со своим предводителем и 100 башкирских тарханов¹.

Он внес в список 700 тарханов, однако явилась лишь седьмая часть из них. Это должно было бы насторожить Кириллова и навести его на мысль об истинном отношении башкир к его экспедиции. Кроме этих подразделений, у Кириллова имелись более 20 единиц артиллерийских орудий различного калибра и свыше 100 артиллеристов с офицерами. Всего под его командованием было свыше 2500 человек. Он также разместил гарнизоны в крепостях Верхнеуральска и Сакмарска. 2 роты оренбургских драгун должны были подойти позднее, дождавшись 5 вологодских рот, направлявшихся с Закамской линии для сопровождения их до р.Орь.

Вологодские роты во главе с подполковником Чириковым прибыли в Чесноковский лагерь Кириллова на пятый день после его отъезда. После нескольких дней отдыха отряд Чирикова выступил вслед за ос-

¹ Мещеряки или мишари были выходцами из татарского племени, проживавшего в регионе Среднего Поволжья. Многие из них после падения Казани переселились в Башкирию. Они обычно платили оброк хозяевам — башкирам за пользование землей.

новными силами. Чириков пренебрег приказом Кириллова о соблюдении осторожности во время передвижения и был в пути беспечен. Сам он ехал да — леко впереди колонны, сопровождающие его войска были сильно растянуты по местности. В самом хвосте шли повозки с продовольствием и снаряжением. В течении недели все было благополучно, однако 1 июля на колонну внезапно напали Кильмяк со своими сподвижниками и около 3000 башкир Ногайской дороги. В бою были убиты сам Чириков, священник, врач, 18 драгун и 42 рабочих — строителя; были также захвачены 46 повозок обоза с провизией. Только лишь благодаря бдительности капитана Гебауэра удалось предотвратить полный разгром сил Чирикова¹.

Узнав об этом бедствии, Кириллов после совещания с офицерами штаба отослал назад отряд для оказания помощи вологодским ротам. Был сформирован отряд поддержки из 100 казаков, 100 мещеряков и нескольких офицеров. Эти силы вскоре столкнулись с превосходящим их численно противником и были вынуждены вернуться к основному корпусу войск. В результате этой краткой стычки с башкирами было убито 100 человек местных жителей и несколько русских получили ранения. Новый отряд из 150 казаков и 150 мещеряков впоследствии присоединился к вологодским ротам в 291 версте от Уфы. 10 июля они вместе достигли основных сил русских, располагавшихся сейчас возле места, где река Белая выходит из Уральских гор и поворачивает на север.

Желая приуменьшить значимость этих событий, Кириллов сообщал в Кабинет, что опасность была не столь значительной, и несчастье, постигшее отряд Чирикова, он ставил в вину последнему из — за его беспечности. Он также просил Сенат направить в Уфу комиссию или, возможно, нового воеводу для изучения обстановки в крае и наказания бунтовщиков. Кириллов полагал, что трудности, с которыми столкнулась экспедиция, объяснялись противодействием

¹ Добросмыслов А.И. Материалы. Т.2. С.96,99 и сл.

небольшого числа взбунтовавшихся башкир, и не по — дозревал, что недовольство было всеобщим. Он так — же предложил послать батальон для окружения групп — пы восставших и присоединить к экспедиционным войскам еще несколько дополнительных рот¹. Тем временем большой обоз с провизией и снаряжением, следовавший из Сибири, столкнулся на своем пути с отрядом башкир в 260 человек. Последние, убив не — сколько человек, захватили 40 подвод и держали в осаде остальную часть обоза до прихода на выручку сибирских драгун во главе с подполковником Ар — сеньевым. Несмотря на опасность, угрожавшую его обозу с припасами, Кириллов продолжал энергично двигаться вперед. Он перешел водораздел между си — стемами рек Белой и Сакмары и двинулся далее в до — лину реки Урал. 6 августа 1735 года, спустя 4 месяца после выступления из Уфы, он, наконец, достиг места на реке Урал, находившегося напротив устья реки Орь в 500 верстах от Уфы. Ввиду того, что продо — вольственный обоз еще не прибыл, участники экспе — диции были вынуждены урезать рацион питания, вплоть до того, что пришлось съесть несколько лоша — дей.

15 августа Кириллов заложил первый камень в основание будущего города Оренбурга. На церемонии присутствовали Нурали — султан, старший сын Абул — хаира и ряд казахских предводителей. На празднике Успения Божьей Матери перед казахами и несколь — кими ташкентскими купцами состояли парадный смотр русских войск. Священник произнес молитву «Отче наш» и окропил святой водой места, где дол — жны были быть возведены стены и бастионы. Затем русские устроили прием для участников экспедиции и гостей. Казахские вожди и офицеры гарнизона про — изнесли тосты в честь императорской семьи и видных казахских вождей. (Между прочим, выпивка являлась свидетельством слабости ислама в казахской среде). На следующий день Кириллов лично руководил за —

¹ Там же. С. 97 — 99.

кладкой стен, бастионов и оснований главных зданий. Вновь щедро угощали казахских гостей большими кусками говядины, баранины, кумысом и многими другими яствами.

В сентябре Кириллов отослал в Сенат подробное донесение о своей деятельности, в котором сообщал о продолжении бунтовщических действий башкир и анализировал обстановку, сложившуюся в Оренбур — ге. Он призывал не жалеть сил и средств, а также прибегнуть к более суровым мерам для уничтожения «бунтовщиков»¹.

Вскоре стало ясно, что имеют место не отдельные набеги, а всеобщее народное движение. Правительство своим указом спешно направило в Уфу казан — ского губернатора графа Мусина — Пушкина. Он должен был организовать силы русских против по — встанцев и стать во главе их. То, что выбор пал именно на этого высокопоставленного деятеля, ука — зывало на серьезную озабоченность властей сложив — шейся ситуацией в Башкирии. Из башкирской де — ревни Елабуга Мусин — Пушкин вскоре сообщал в Сенат, что около 1000 башкир атаковали Мензелинск, однако были отбиты с тяжелыми для них потерями. Его части также подверглись нападению возле рас — положения его штаба и других окрестных деревень. Он опасался, как бы казанские татары не присоеди — нились к этой смуте и жаловался на нехватку войск².

В сентябре, пока Кириллов был занят строитель — ством Оренбурга, башкиры дважды подступали к Мензелинску, а также сожгли деревни в окрестностях Заинска, Билярска и Старошешминска и других кре — постей Закамской линии.

Посылка Мусина — Пушкина в Башкирию бы — ла лишь временной мерой. 5 августа на совместном заседании Правительствующего Сената и Кабинета были обсуждены военные действия в крае и при — нято решение о создании специальной Комиссии

Там же. С. 80 — 86

• Там же. С. 88 — 89

башкирских дел для управления башкирами. Главой ее был назначен генерал – лейтенант Александр Румянцев, в прошлом близкий соратник Петра Великого. Им были изданы инструкции, в которых излагался политический курс правительства на этом этапе борьбы¹.

Итак, Румянцев был уполномочен координировать действия правительства в Башкирии². Ему надлежало срочно отправиться в Мензелинск; тем временем Мусин - Пушкин, перед возвращением в Казань, выехал ненадолго в Уфу для организации набора солдат для предстоящей военной кампании. Румянцев вначале должен был попытаться убедить башкир прекратить бунт, но в случае, если уговоры окажутся безрезультатными, то ему надлежало прибегнуть к военной силе для «успокоения» непокорных. Он получил под свое командование 2 драгунских полка и один пехотный. Кроме того, яицкие казаки должны были отправить 500 человек, а Коллегия иностранных дел приказала калмыцкому хану Церену Дондуку собрать 3000 калмыков и ждать указаний от Румянцева. Кириллову было приказано временно приостановить деятельность Оренбургской экспедиции. Ему предписывалось вернуть основную часть своих войск в Уфу, Сакмарск или какое – либо другое стратегически важное место, однако обеспечив при этом сохранность своих линий связи.

Впоследствии Румянцев получил несколько секретных инструкций. В письме от 19 августа говорилось о необходимости доставки 500 казаков в крепости Закамской линии, а также содержалась просьба о содействии расселению еще 1500 человек, обратившихся за разрешением поселиться по восточному берегу реки Волги. В другом письме от 23 августа ему

¹ Там же. С.64 – 72

Силы Румянцева и Кириллова так и не соединились. Обоим командующим было велено согласовывать свои действия. Планы совместных действий обсуждались на совещаниях. Ввиду того, что Румянцев обладал более высоким званием, обычно он подписывал документы без согласования с Кирилловым.

приказывалось допросить всех пленных для выяснения «от чего такое возмущение началось, и с ними [башкирами] к тому возмущению в согласии есть ли татары и прочие иноверцы». 23 же августа был издан указ, предписывающий ему снабдить обмундированием и ружьями 2 роты воинской команды Адмиралтейства, набрать в свои войска любых других новобранцев и обучить их военному делу ввиду того, что «в казанском гарнизоне имеется самое малое число людей, между которых большая часть магометан и прочих иноверцев. И башкирцы, ведая о малолюдстве в казанском гарнизоне людей, и страху иметь не будут». 9 сентября Румянцеву поступило указание об обеспечении провиантом Верхнеуральской и других крепостей, а также о направлении некоторой ее части Кириллову в случае, если он уже приступил к строительству предусмотренного проектом города на Ори¹.

Учреждение Башкирской Комиссии, созданной в первую очередь для координации действий военного командования в Башкирии, было зловещим знаком. Для быстрого выхода в Среднюю Азию Петр I попытался было перешагнуть через башкир и казахов. Ему пришлось вернуться на исходные рубежи. Основатели Оренбургской экспедиции совершили аналогичную ошибку. Невиданный размах сопротивления башкир вынудил их посвятить весь проект целиком башкирскому вопросу. Все другие цели экспедиции отступили на второй план.

Новая колониальная война

Башкирское восстание поставило под угрозу срыва весь Оренбургский проект. Строительство самого города было фактически приостановлено, так как русским пришлось бросить все силы на покорение башкир. С осени 1735 года вплоть до смерти

¹ Добросмыслов А.И. Материалы.Т.2.С.77 – 78.

Кириллова весной 1737 года они вели в крае жесто — кую колониальную войну.

Осенью и в начале зимы башкиры были заняты борьбой против сил Оренбургской экспедиции. Кириллов и Тевкелев приняли на себя главный удар повстанцев, в то время как Румянцев и Мусин — Пушкин собирались с силами на севере.

Кириллов, передав командование 10 — ю Орен — бургскими ротами подполковнику Якову Федоровичу Чемодурову, 7 октября 1735 года отправился в Уфу с одной ротой солдат, отрядом казаков и несколькими ополченцами. Он направил Тевкелева, поставив его во главе отряда, в Сибирь для нападения на башкир и быстрой доставки продовольствия предназначенно — го для города Оренбург. Тевкелев двинулся вверх по долине реки Урал с 3 ротами драгун, несколькими сотнями ополченцев и около 1000 человек крестьян, сопровождавшими первый обоз с провизией в Орен — бург.

Добравшись 18 сентября до Сакмарска, Кириллов узнал, что ряд дружественных русским башкир, дей — ствующих в окрестностях Сакмарска, захватили в плен несколько бунтовщиков. После допроса и пыток пленные были казнены по приказу Кириллова. Сам же он продолжил путь в Уфу. В 130 верстах от города он столкнулся с группой, насчитывавшей свыше 1000 человек враждебных башкир. В ходе затяжного трехдневного сражения башкиры понесли тяжелые потери. В наказание башкирам Кириллов сжег свыше двух десятков их деревень. Его казаки захватили в плен женщин, детей, а также запасы зерна. Отряд Кириллова прибыл в Уфу 16 октября после несколь — ких небольших столкновений.

Отряд Тевкелева, направлявшийся в Сибирь, по — пал в очень тяжелое положение из — за нехватки продовольствия и необычайно обильных для сентяб — ря снегов. Несколько лошадей пало от нехватки фу — ража. Оставшиеся животные питались корой ивы, а некоторые даже стали поедать друг у друга хвосты и

гривы. Несмотря на эти трудности 20 сентября ко — манда Тевкелева добралась до Верхнеуральска, что в 290 верстах от Оренбурга. Оставив здесь капитана Уварова с 2 ротами войск, Тевкелев 25 числа напра — вился в Течинск. Вновь страдая от глубокого снега и голода (драгунам пришлось съесть несколько своих лошадей), его отряд проследовал в Течинск, куда прибыл 8 октября. Отсюда Тевкелев предпринял краткую поездку в Екатеринбург к Василию Никити — чу Татищеву для обсуждения планов подавления башкирского восстания. Кроме того он занялся сбо — ром продовольствия, теплой одежды, оружия и дру — гого провианта для солдат Оренбургского гарнизона и своих войск. Отсюда он немедленно отправил в Вер — хнеуральск экстренные запасы провизии. По причи — не истощения денежных фондов экспедиции он был вынужден взять в долг 800 рублей из ведомства Та — тищева. Завершив свои дела, Тевкелев вернулся в Течинск, где имел беседу с полковником Арсеньевым, недавно прибывшим из Верхнеуральска для принятия командования здешним гарнизоном. К середине но — ября ему удалось отправить в Верхнеуральск обоз с продовольствием и снаряжением, охраняемый 3 ро — ; тамии солдат под командованием майора Шкрадера. Шкрадеру было приказано оставить эти припасы здесь на хранение, если из — за большого противо — действия башкир он не сможет доставить их в Орен — бург. Затем 26 ноября Тевкелев выехал в Уфу для встречи с Кирилловым.

К концу октября ситуация в Оренбурге достиг — ла критической отметки. Нападение на отряд Чири — кова во время его движения к реке Орь привело к потере части запасов Кириллова, в результате же атаки башкирами сибирского обоза была утеряна еще часть припасов. С тех пор, как летом прибыл обоз из Сибири, в Оренбург никакой провизии не поступало. К тому же, когда Кириллов и Тевкелев уезжали из Оренбурга, они взяли с собой часть продовольствия. Тевкелев развернул энергичную деятельность по на —

коплению запасов в Сибири, однако настала уже се — редина ноября, пока он смог собрать обоз из 600 подвод для отправки в Верхнеуральск. 30 октября Чемодуров в письме Кириллову сообщал об обстановке в Оренбурге. Он докладывал, что

«в крепости всякое строение и за крепостью рвы работою окончены, только еще строением не окончилась церковь Божия, также и в верхнем цитаделе шлостурм, и то, надеется, в скорости окончается, а за крепостью для приезда жаемых киргизцев и башкирцев, вместо рубленных изб, сделаны в разных местах две большия землянки»¹.

Затем он обращался с просьбой,

«дабы, не умедля, отправлено было на команду солдатам и прочим чинам денежное жалование и для солдатства пензенского полку шуб, обуви и другого нижняго мундиру, поскольку они весьма безодежны и от стужи претерпевают нужду, и от того умножаетца больных»².

Из-за трудностей со снабжением Оренбурга продовольствием и другим необходимым, Кириллов решил сократить численность гарнизона. Он приказал части отряда следовать в Течинск. Он писал Чемодурову:

«Ежели о скором прибытии из Течинской слободы в Оренбурх провианта (паче чаяния) на дежных ведомостей у вас не имеется, или дорогою (от чего Боже сохрани) от воров какое учинено препятствие, то вместо того, чтобы людей отправить по прежним письмам в Течинскую слободу, вывести в Сакмарск, ибо тут провианта имеется, да и поблизости здесь оным людям быть ныне способнее, понеже в Течинскую слободу, чрез пустую и великую степь маршируя, команда по зимнему времени может

претерпеть немалую нужду, и лошади, не имея фуража, могут в конечную придти худобу»¹.

В Санкт—Петербург же Кириллов представил несколько иную картину положения экспедиционных войск, судя по указу Сената от 30 декабря, в котором отмечалось: «В Оренбурге получено провианта более 16 тысяч пудов с удовольствием всей команды»².

25 ноября, еще до получения второго письма Кириллова, Чемодуров уже успел отправить в Течинск отряд из более 800 человек во главе с майором Рагинским. Этот отряд вынужден был вернуться, пройдя всего лишь 30 верст из-за отсутствия у солдат теплой одежды. Пять человек умерли от холода, а 150 потеряли обе руки или ноги. Вследствие недостаточного рациона питания Чемодуров опасался, как бы все солдаты не умерли от голода. 27 ноября он приказал другой команде из 773 человек следовать в Сакмарск, расположенный в 280—300 верстах от Оренбурга. Запасов провизии хватило лишь до 13 декабря; однако так как поход оказался более длительным, чем ожидалось, к тому времени, когда отряд прошел половину пути — при переходе с реки Урал на Сакмару от голода и обморожения умерло 500 человек. Оставшиеся 223 солдата еле живые добрались до Сакмарска, у 80 из них были отморожены руки и ноги. Румянцев, очевидно, не уведомил Сенат о причине смерти 500 солдат, так как несколько месяцев спустя в письме Сената содержалась просьба сообщить дополнительные сведения о причине гибели 500 солдат³.

Оставшиеся в Оренбурге войска состояли приблизительно из 300 человек — 2 рот регулярных войск и 100 человек казаков. Добросмыслов, составивший сборник документов, относящихся к первым годам деятельности Оренбургской экспедиции, отмечал: «Каким образом удалось Чемодурову его продоволь-

¹ Там же.С.176—177

² Добросмыслов А.И. Труды.С.54. Пуд равен 36 фунтам.

³ Там же.С.26; также см.:Материалы. Ч.2.С.218—219.

¹ Там же.С.170

² Там же. С. 170. Материалы Оренбургской экспедиции. Ч.2.С.170—171.

ствовать [гарнизон] из того крайне скудного запаса... до 8 июля 1736 года, когда прибыл новый провиант — ский обоз, понять трудно»¹.

Кириллов пробыл в Уфе недолго, так как Румянцев посылал один за другим приказы прибыть в Мензелинск на совещание. Он туда отправился 7 ноября, не дожидаясь прибытия Тевкелева.

В указах от 11 и 14 ноября императрица приказывала Румянцеву совещаться с Кирилловым и составить совместный план подавления выступлений башкир². Этими же указами ему предписывалось этой зимой построить в крае несколько крепостей и казачьих поселений, а также возвести в Мензелинске деревянную крепость. На месте нападения башкир на отряд Чирикова было признано необходимым специально построить еще одно укрепленное поселение, которое следовало укомплектовать 2 ротами солдат. Между реками Сакмарой и Уралом предстояло основать 2 казачьих поселения по 100 человек в каждом. Главной целью строительства этих трех поселков было обеспечение лучшей связи с Оренбургом³.

Политика Кириллова

Уже в сентябре 1735 года Кириллов представил Сенату ряд важных предложений по управлению башкирами⁴. Во время своего пребывания у власти в качестве начальника Оренбургской экспедиции он неоднократно дополнял их новыми рекомендациями. В целом, Кириллов придерживался жесткой линии, откровенно башкир требуя прежде всего полного их подчинения, и лишь затем намеревался создать общинную систему правления. Рассуждая примерно так же, как и другие колониальные правители, он утверждал, что до прихода русских условия жизни в

Башкирии были хуже и что при русской администрации они постепенно улучшились. Следовательно, он был убежден, что число бунтовщиков и смутьянов не может быть сколько — нибудь значительным. Он даже указывал, что многие башкиры сохранили верность государству и находились на службе, как например башкиры, принявшие участие в Оренбургской экспедиции. Он видел главное решение башкирской проблемы в возведении сети крепостей, вокруг которых можно было бы расселить преданное властям население, затем, взяв несколько рот солдат Закамской линии, двинуться в центральную часть региона:

«и так, со всех сторон окружа, воров и их жен, и детей, и пожитки их, и лошадей, и скот брать, а дома вовсе разорить, и которые пушие заводчики, тех по указам на страх другим казнить, а непущих и детей мужеска полу, годных в ссылку, в Остзею послать, а жен и детей, девок развесть во внутренние города и раздать, кто взять похочет... чтобы корень их был вовсе вырван, и впредь отростков таких, как один главный вор Акай, живущий на Яицких вершинах [Урал] в Юрминской волости, отец его Кусюм за бунт в тюрьме замучен, а дед повешен, а ежели б тогда дети были отосланы в ссылку, то бы ныне внук не воровал»¹.

Кириллов ставил в вину прежнему правительству мягкое обращение с башкирами, явившееся причиной беспорядков и отстаивал следующие мероприятия, которые характеризуют обстановку в Башкирии с точки зрения колониального администратора².

Все те, кто был схвачен во время совершения бунтовщических действий, должны были быть казнены. Тех, кто сдались добровольно, следовало пощадить, однако сослать в ссылку. Главных зачинщиков бунта следовало схватить и безжалостно казнить. В отличие от прежней практики, тех, кто совершил не —

¹ Добросмыслов А.И. Труды. С.55.

² Добросмыслов А.И. Материалы. Ч.2.С.109—110.

³ Там же. С.111—112; ПСЗ. Т.9. С.713

⁴ Добросмыслов А.И. Материалы. Ч.2.С.80—86.

¹ Там же. С.84

² Добросмыслова А.И. С.60—63.

значительные проступки, не следовало избивать кнутом, а отправлять в Прибалтику в качестве солдат или в Рогервик на каторжные работы. Русских, проживающих без паспортов, или других беглых неславянского происхождения следовало поймать и выслать либо в Прибалтику в качестве солдат или рабочих, либо отправить на уральские рудники.

Следовало ввести ограничительные меры по контролю деятельности местного башкирского населения. Волости, где имели место беспорядки, не должны были возглавляться избранными там старшинами. Два — три выборных представителя должны были нести ответственность за спокойствие вверенного им населения. Все собрания башкир запрещались, кроме ежегодных и тех, что были санкционированы ответственным русским чиновником.

На ежегодном собрании башкир русские офицеры — альные лица должны были проследить, чтобы башкиры обсуждали лишь свои действительные нужды и вопросы, а не продолжали делать как в прежние годы. Тогда они собирались с самого утра и садились писать протесты, в которых воеводы и другие чиновники именовались ворами, грабителями и разорителями. Затем, когда эти «воры» давали им подарки скотом и крепкие напитки, они, опьянев, начинали писать хвалебные письма о положении в Башкирии. Собрание обычно оканчивалось тогда, когда они разъезжались по домам, ссорясь друг с другом из-за неподденных денег и других подарков, пожалованных им чиновниками.

Несколько случаев, когда муллы использовали ислам как фактор, объединяющий настроенных против русских башкир, вынудили включить сюда же и предложение по урегулированию мусульманских дел. В каждой дороге должен был быть один представитель мусульманского духовенства, назначаемый русским правительством. Эти представители должны были принести клятву верности императрице. Было запрещено обращать немусульман в свою веру. Ме-

четь или медресе могла быть построена только лишь по разрешению правительства. Сношения с казанскими татарами, единоверцами башкир, разрешались только с письменного согласия казанского воеводы.

Всем жителям волостей, принимавших участие в волнениях, должно было быть запрещено ношение оружия, за исключением дальних пограничных местностей Сибирской дороги. Последнее исключение было сделано ввиду того, что проживающим в этом регионе башкирам часто приходилось подвергаться набегам казахов. Любого, уличенного в ношении оружия в нарушении этого закона, следовало наказывать штрафом в размере одной лошади. В Башкирии было запрещено кузнечное дело, и вся торговля металлическими изделиями должна была осуществляться лишь в русских городах, где военные власти могли проследить за недопущением нарушений. Служилые мещеряки и «верные» башкиры освобождались от этого всеобщего запрета, однако они не имели права продавать кому-либо приобретенное оружие.

Немаловажное место среди предложений Кириллова занимала и давно назревшая проблема переселенцев — небашкир. Башкиры обычно выступали против наплыва в их страну переселенцев из России, поскольку те занимали лучшие пастбища, превращая их в свои хозяйства. Однако ввиду своего более раннего владения землей и военного могущества башкиры постепенно обращали многих из этих беглых татар, чувашей, черемисов (мари) и других в крестьян. Некоторые из этих пришлых людей во время войны поддерживали русских. Исходя из этого факта, Кирилов внес следующее предложение: тех из них, кто сражался против русских, следовало наказывать, а проявившим верность предоставить постоянное право пользования землей, на которой они поселились, а также их можно освободить от обязательств по уплате оброка своим хозяевам — башкирам.

Другой важный пункт также касался земельного вопроса. Кириллов предлагал отменить запрет не-

башкирам на куплю — продажу башкирских земель, существовавший с 1649 г. Он полагал, что следует поощрять миграцию русских в Башкирию, поскольку башкирское население быстро возрастало, и к тому же в регион стекались недовольные элементы из России. Он предостерегал о той большой беде, кото — рой следовало опасаться в будущем, «особенно в случае войны с единоверными им турками, или если между ними объявится умный вор, как был Стенька Разин»¹. Если же правительство сейчас не предпри — мет решительных действий, то это приведет к ослаб — лению позиции русских в этом крае, поскольку мес — тные жители станут осознавать себя независимым народом. Заключая свои предложения, Кириллов от — мечал:

«Но для умирения башкирцев необходим ,4 Оренбург, который находится позади башкир — ского жилья и которым вместе с принадлежа — щими к нему местечками башкирцы будут огорожены как стеною»².

Румянцев был противником жесткого политиче — ского курса и выступал за более умеренные методы управления. Уже в начале ноября он сообщал, что башкирские выступления в основном подавлены. В октябре было временное затишье, как сообщал Тев — келев из Сибири. В это время несколько башкирских предводителей обратились к Тевкелеву с просьбой помиловать их и разрешить отправиться к Румянце — ву, чтобы официально принести повинную³. Очевид — но, башкиры так же сильно пострадали от жестоких морозов, как и войска Чемодурова в Оренбурге. Ру — мянцев считал, что будет неразумно начать с суровых репрессивных мер или наказания враждебных групп. Во — первых, писал он, такую политику невозможно будет осуществить, так как он не имел достаточных для этого войск. В то время у него было лишь 4 дра —

¹ Там же. С. 62, цит — ся из Тургайского областного архива.

² Соловьев. Кн. 4. С. 1538.

³ Добросмыслов А. И. Материалы. Ч. 2. С. 180 — 181, 184 — 185.

гунских роты, один батальон казанского гарнизона и 650 человек казаков. Во — вторых, у него не было до — статочных запасов провианта, его солдаты также не могли прокормиться за счет охоты и рыбной ловли. Он полагал, что жестокость Кириллова и Тевкелева доводила башкир до отчаяния. Татишев в своих письмах к Румянцеву высказывал ту же точку зре — ния¹.

Румянцев в своих взглядах руководствовался не столько соображениями гуманности, сколько хорошо осознаваемой им слабостью позиции русских в реги — оне. Он считал что в отношениях с башкирами на ка — кое — то время понадобится мягкость и либераль — ность, однако в конечном счете следует проводить политику, изложенную им в письме в Санкт — Петер — бург:

«[они] народ грубый и вскоре так к верному подданству и к накладу на них податей без всякого их возмущения никак привести невоз — можно, а надобно время до времени почаще старшин их призывать, и потом, когда какое намерение вашего величества будет, уготоваь совсем заблаговременно, как везде довольные магазины устроить, так и здешние пригородки для убежища людям укрепить, тогда их всех знатных задержать и уже силою оружия к то — му приводить»².

18 октября 1736 года за подписью императрицы Анны Санкт — Петербургские чиновники писали:

«вы в таком мнении находитесь, что лучше до — брыми милостивыми способами сие башкир — ское замешание утушить, нежели жестокостью и силою оружия. И хотя мы сами того мнения, а особливо при нынешних конъюктурах [труд — ностях, связанных с началом войны с Турцией] склонны ... с другой стороны, в конзидерацию приходит, что ежели сие от башкирцев произ —

¹ Соловьев С. М. Т. 4. С. 1535.

² Там же.

шедшее восстание, а особенно самих начальников и авторов оно, без всякого наказания упустить, то б им впредь такая ж противности начинать не повадно б было, когда увидят, что все им без надлежащего отомщения и наказания проходит»¹.

Как только он прибыл в Мензелинск, Румянцев разослал по всей Башкирии письма, в которых призывал башкир принести повинную и уверял их в милости императрицы. Вследствие тех трудностей, которые испытывали башкиры, многие прибыли в Мензелинск для принесения повинной, особенно те, кто не участвовал в войне с русскими. Однако Кильмяк, вождь восстания, оставался на свободе. В Табынск поступило донесение, что он намеревается воспользоваться предложением Румянцева. Однако Тевкелев, узнав об этом, тотчас же отдал приказ о его аресте и заключении под усиленную охрану в случае появления. Хотя Кильмяк и не поехал в Табынск, в ноябре — декабре башкиры прекратили свои нападения вследствие трудностей продолжения военных операций зимой².

Зимнее затишье в Башкирии оказалось временным. Акай Кусюмов, башкирский старшина, при бывший в Мензелинск для подтверждения своей верности русскому правительству, проведал там о чрезвычайной малочисленности сил русских в округе. Он написал письма предводителям башкир Сибирской дороги, сообщив им о слабости гарнизонов. Вновь башкиры встретились для обсуждения планов продолжения своей борьбы. Они перехватили обоз с продовольствием, отправленный Тевкелевым из Течинска и вынудили его вернуться назад. В Верхнеуральском гарнизоне истощились съестные припасы. Солдаты стали поедать лошадей, в самом конце съели уже шкуры этих животных. Заручившись обещаниями сопровождавших башкир охранять их в доро-

ге, солдаты выехали из крепости в Течинск, однако в нескольких верстах от крепости башкиры попытались захватить их вооружение. Отряд быстро занял оборону, однако голод и превосходящие силы противника оказались непреодолимыми факторами. Весь отряд был уничтожен.

Находившийся в северной Башкирии Тевкелев подвергался большой опасности. Восставшие устроили засаду его команде в узкой теснине у реки Ай. Этот план был заранее раскрыт, но когда жители деревни, где остановился Тевкелев с отрядом, узнали о провале своих намерений, они замыслили перебить солдат во время сна. Но и эта уловка им не удалась. Прежде чем поднялась тревога, они успели лишь ранить несколько человек. Русские же решили отплатить башкирам той же монетой: они окружили деревню и схватили всех ее жителей, за исключением нескольких, которым удалось бежать в лес. Около 1000 жителей деревни, в том числе женщины и дети, были перестреляны и переколоты штыками и копьями драгунами, мещеряками и служившими в русских войсках башкирами. Еще 500 человек было сожжено в амбар и сожжено. «И таким образом,» — писал Рычков, «вся она деревня Сеянтусы и жители с их женами и детьми от мала до велика через одну ночь огнем и оружием погублены, а жилища их в пепел обращены...»¹.

На следующий день Тевкелев отвел свою команду в мещеряцкую деревню, и посоветовавшись со своими подчиненными, отправил отсюда в разные стороны несколько партий, чтобы учинить месть над башкирами. Каратели Тевкелева разорили и сожгли около 50 башкирских деревень, убили свыше 2000 человек башкир, оставшиеся в живых были казнены, а жены и дети восставших розданы войскам.

Разведывательный отряд русской команды, действовавший возле Кубова, что в 50 верстах от Уфы, натолкнулся на большое скопление башкир. Все 100 человек русского отряда были убиты. Почти в то же

¹ Добросмыслов А.И. Материалы. Ч.2.С.106 — 107.

² Там же. С. 180 — 181, 184 — 185

самое время одна из партий Тевкелева встретила с отрядом башкир, направлявшихся отбить у русских своих жен и детей, захваченных в плен. Весь отряд, состоявший из одной роты регулярных войск и 100 человек ополченцев, был уничтожен. Тевкелев тотчас же отправил команду большей численности. Однако после боя, длившегося несколько часов, в котором было убито несколько башкир, повстанцы отступили в лес. Русские не смогли преследовать их дальше из-за глубокого снега. Сам Тевкелев, поставив свою артиллерию и тяжелые обозы с припасами в мешеряцкой деревни Кундешляк, отправился вдогонку за другой группой башкир, однако внезапно вернулся, узнав о намерении противника атаковать его штаб. Впоследствии, когда Румянцев прислал ему полк драгун для усиления команды, он запросил еще несколько команд. Башкиры были вынуждены отступить в более труднодоступные области своей территории.

Тем временем Кириллов и Румянцев разработали мероприятия по подавлению восстания, а затем Кириллов отправился в Санкт-Петербург для предоставления их Кабинету. 11 февраля 1736 года был издан указ императрицы, в котором излагался политический курс, которому должно было следовать при управлении башкирами. Очевидно, более жесткие меры, отстаиваемые Кирилловым, получили одобрение в Кабинете Министров, поскольку в указе была отражена скорее его точка зрения, нежели мнение Румянцева¹.

Еще не отбыв из Санкт-Петербурга, Кириллов узнал о новых волнениях башкир и ввиду этих обстоятельств сумел убедить правительство в необходимости чрезвычайных мер против повстанцев. Дополнительным указом от 16 февраля, в котором говорилось о безотлагательных мерах против восставших, Румянцеву приказывалось сосредоточить все имеющиеся у него силы для уничтожения бунтовщиков².

¹ Добросмыслов А.И. Материалы. Ч.2. С.190—198; ПСЗ.Т.9.С.741—745.

² Там же. С.198—201.

Глава VII

Кирилловская война, 1735-1737

Проведенная в августе реорганизация военных сил русских на юго-восточной границе имела своей целью обеспечение более тесной взаимосвязи между независимыми командованиями. Хотя Румянцев вначале и подписывал совместно выработанные документы как лицо, обладающее более высоким чином, единая интегрированная система командования так и не была введена. Возглавив только что образованную Башкирскую Комиссию, Румянцев расположил свой штаб на севере в городе Мензелинске, "главной крепости Закамской линии. Татищев, начальник Казанских и Сибирских горных заводов, также обосновался на севере — в г.Екатеринбурге Западной Сибири, т.е. в горной части края и восточнее. Находившийся южнее Кириллов, глава Оренбургской экспедиции, намеревался командовать войсками из Оренбурга, но сочтя последнее невыгодным из-за обособленного положения города, несколько раз менял место своей ставки. Регион верхнего течения реки Урал в Зауралье отошел к Тевкелеву, второму по чину руководителю Оренбургской экспедиции. Временно он перешел в подчинение к Татищеву.

Весна и лето 1736 года

Ввиду трудностей продолжения военных операций в зимние месяцы, в это время велась разработка планов предстоящей кампании, которая должна была начаться в конце марта или, возможно, в начале ап —

реля 1736 года. Русские рассчитывали, что к этому времени башкиры и их лошади будут ослаблены страшным голодом. Как только погода позволит начать военные действия, войска Румянцева должны были разделиться на небольшие отряды:

«дабы со всех сторон окружить и искоренить [бунтовщиков], и деревни их выжечь, а в нужных местах редуты поделать, и в них магазейны учредить, и тем все дороги безопасны учинить, а для охранения русских жилищ от набегов при реках и в других нужных местах из оных полков и шляхетства, и из крестьян, и из вольницы оставить»

До начала кампании по всей Башкирии следовало разослать письма, чтобы известить население о намерениях правительства и призвать участников восстания к принесению повинной.

Ввиду того, что Румянцев не получал распоряжений до самого начала марта, он не имел времени для сбора сил, находящихся в его распоряжении. Тем не менее, он немедленно собрал войска, состоявшие из русских и местных жителей Казани, и выступил в направлении Мензелинска и далее вглубь региона. Третьего апреля он достиг реки Демы, где встретил 19 башкир, пришедших к нему с повинной, и велел взять их под стражу. Во время его продвижения вверх по реке Деме к ее истокам башкиры бежали от него, оказывая лишь слабое сопротивление. Было убито около 1000 человек башкир, сожжено 100 деревень и захвачено много скота. Два предводителя башкир Акай Кусюмов и султан Мурат были захвачены и отправлены в Мензелинск. В апреле месяце Румянцевым были направлены еще несколько небольших отрядов для учинения расправы в других деревнях.

18 февраля Кириллов выехал из Санкт-Петербурга в Мензелинск, чтобы встретиться с Румянцевым, а затем проследовал в Уфу, куда он прибыл 11 марта. Через 6 дней приехал Тевкелев, и они вместе выработали подробный план предстоящей весенне-

летней кампании. Посоветовавшись, Тевкелев отправился в Верхнеуральск для сосредоточения там правительственных сил и обеспечения отправки продовольственного обоза в Оренбург. 24 числа Кириллов повел Вологодский полк из Уфы в Табынск для нанесения удара по повстанцам. Действуя из Табынска, войска Кириллова всего лишь за месяц сожгли 200 деревень (4000 дворов) и мечеть, служившую местом встречи для бунтовщиков; ими же было убито в бою 700 человек и казнено 158 человек, много оставшихся в живых повстанцев было отправлено в Прибалтику на военную службу и каторжные работы. В начале мая Кириллов заболел и был вынужден вернуться в Уфу. Здесь он занялся разработкой других крупных мероприятий, являвшихся составной частью Оренбургской экспедиции.

Для того, чтобы быть ближе к местам Башкирии, охваченным восстанием, Кириллов разместил штаб своего командования в г.Симбирске на реке Волге. В мае он решил перевести его южнее в г.Самару. Отсюда он намеревался наладить связь с Оренбургом, соорудив крепость на месте сближения рек Самара и Урал.

Находившийся на реке Деме Румянцев надеялся объединить свои войска с силами Кириллова, для проведения совместных действий в мае месяце, однако после болезни Кириллова это стало невозможным. Он покинул бассейн Демы и направился в Уфу на встречу с Кирилловым. Посоветовавшись с Кирилловым относительно весенней кампании, он вернулся в Мензелинск, чтобы допросить пленных башкир. Впоследствии были казнены 500 человек и такое же количество женщин и детей повстанцев были отправлены в Россию крепостными.

Киябмяк, предводитель башкир в Ногайской дороге, был все еще на свободе и призывал башкир продолжить противодействие властям. Акай Кусюмов и султан Мурат, два вождя, незадолго до этого захваченные в плен Румянцевым, предложили по-

¹ Добросмыслов А.И. Материалы. Т.2.С.199 – 200.

слать их к Кильмяку с целью убедить последнего заключить мир с русскими. Немного поколебавшись и обсудив это дело, Румянцев решил отправить известного башкирского предводителя — пленника к Кильмяку с тем, чтобы он уговорил последнего сложить оружие.

В начале мая Румянцев направил отчет о своей деятельности императрице. Анна Ивановна в своем письме от 23 мая ответила, что она получила это известие «с великою приятностию и удовольствием». Ему было предписано продолжить свою жесткую политику в отношении башкир¹.

Один из подчиненных Кириллова, секунд — майор Останков, возглавлявший отряд казаков, действовавший из Сакмарска, в середине мая обнаружил группу башкир, покинувших бассейн Демы из — за карательных действий Румянцева. В последовавшем столкновении было убито 600 человек башкир — мужчин и большое число женщин. Направляясь в глубинные районы Ногайской дороги, он повстречал около 1000 человек восставших. Было убито 200 человек башкир ценой лишь 10 убитых казаков и 13 раненых.

В июне Румянцев вновь начал военные действия. Башкиры, узнав о том, что силы его были сравнительно немногочисленны, намеривались уничтожить весь его отряд во главе с ним самим. 29 июня Кильмяк во главе 8000 башкир напал на лагерь Румянцева возле речки Кугуш. Повстанцами было убито 180 человек русских и ранено 60 человек, сами они при этом потеряли лишь 40 человек убитыми и 3 пленными. Три попавших в плен башкира тотчас же были повешены. Румянцев доложил об этом инциденте двору и попросил прислать дополнительные силы².

Хотя в февральском указе содержался призыв к сосредоточению значительных сил для борьбы с

башкирами, Румянцев еще не успел получить существенного подкрепления и имел основания жаловаться на недостаток войск. С 1735 года Россия воевала с Крымом и вскоре собиралась начать военные действия против Турции. Ввиду этого острого международного кризиса переброска войск регулярной армии в Башкирию была невозможной. Кроме того, огромные пространства Башкирии и большие расстояния, которые предстояло преодолеть войскам, делали невозможным быструю переброску войск даже в случае их выделения. По этой причине императрица отправила Румянцеву дополнительные распоряжения от 6 августа, в которых ему предписывалось создать для солдат дополнительные стимулы, разрешив им грабить башкир¹. Кириллов получил приказ о приостановлении мероприятий Оренбургской экспедиции еще на один год. Все силы Кириллова, за исключением небольшого отряда, оставшегося в Оренбурге с годовым запасом провизии, должны были быть направлены на борьбу с башкирами. С этой же целью в приграничных городах и заставах нужно было организовать набор в войска как можно большего числа солдат и ополченцев. Для ведения борьбы с Крымом требовалось большое число лошадей, и даже в этой тяжелой ситуации Румянцеву предписывалось закупать лошадей у «верных» башкир.

6 августа императрица отправила письмо предводителю калмыков Дондуку — даши². Похвалив его за верную службу против крымцев и турков на Кубани, императрица просила его немедленно двинуться в Башкирию. Взамен согласия на службу в крае калмыкам предлагалось любое награбленное у башкир добро, какое они пожелают взять. Федмаршалу Б.С. фон Миниху, сражавшемуся с турками и крымскими татарами на южных рубежах, было приказано срочно отправить в Башкирию два драгунских полка с тем,

¹ ПСЗ.Т.9.С.835.

² Там же.С.888.

¹ Добросмыслов А.И. Материалы.Т.2.С.253 — 255,255 — 259.

² Там же.С.260 — 261; ПСЗ.Т.9.С.897 — 898.

чтобы предстоящей зимою там можно было восстановить порядок. Полкам было приказано следовать в Башкирию пешими. Они должны были обеспечить себя лошадьми, отобрав их у башкир.¹ Сам факт отправки в Башкирию войск армии Миниха свидетельствовал об обеспокоенности русских за свое дальнейшее пребывание в этом крае.

29 июня повстанцы осуществили крупную операцию, напав на команду Румянцева, после этого большая часть башкир отступила в труднодоступные горные районы. Вслед им Румянцев отправил несколько отрядов преследования, однако эти попытки оказались безуспешными, хотя несколько человек было захвачено и казнено. Во второй половине июня в Мензелинске ему стало известно о нападении повстанцев на «верных» башкир и уничтожении 50 человек из них. Он выслал отряд для поимки смутьянов, однако последних обнаружить не удалось. 29 августа Румянцев получил распоряжение от 13 июля, где речь шла об отстранении его от командования военными силами в крае и переводе на Украину в армию фон Миниха. Новым начальником Башкирской Комиссии стал бригадир и лейб-гвардии майор Михаил Семенович Хрущов.

В мае больной Кириллов был занят дальнейшим развитием первоначальных планов Оренбургского проекта. В конце концов он решил было перевести свои войска в Оренбург и расположить там свой штаб, однако тем временем он приказал своему тестю, лейтенанту флота Петру Бахметьеву, отвести войска в Самару. После размещения и устройства войск Бахметьев должен был построить две крепости вдоль реки Самара для защиты линии связи с Оренбургом. Перегруппировав свои силы в Симбирске, Бахметьев отправился речным путем в Самару, куда и прибыл в начале августа. По получении необходимых запасов продовольствия и оборудования из канцелярии Закамской линии, Бахметьев построил две

крепости, Красносамарск и Красноборск (позднее Борек), поставил там небольшие гарнизоны и стал ждать приезда Кириллова.

30 июня во главе Вологодских рот и некоторого числа иррегулярных войск Кириллов выехал из Уфы в Оренбург. 10 июля он прибыл в Табынск, где соорудил земляную крепость с пятью бастионами и церковью. Он имел беседу с майором Останковым, прибывшим с отрядом из 1574-х казаков. Останков сообщил о столкновении с башкирами, в котором он убил 202 человека, нескольких казнил и сжег несколько деревень, потеряв при этом лишь 2 людей убитыми и несколько человек ранеными. Во время похода из Сакмарска в Табынск его отряд, испытывая нехватку продовольствия, был вынужден питаться яблоками и съедобными растениями.

Кириллов приказал Останкову выехать в Оренбург, чтобы принять командование войсками у подполковника Чемодурова. По пути Останков сделал остановку для закладки еще одной крепости в 120 верстах от Сакмарска на реке Урал. 24 июня он заложил основание крепости и оставил там гарнизон из уральских казаков. Останков также сопровождал в Оренбург обоз с продовольствием, следовавший из Сибири с почти 1000 пудами (или 1180 четвертей) зерна. Позднее Кириллов получил известие о первой благополучной доставке речным путем по Уралу еще более 200 пудов (или 300 четвертей) зерна. Оренбургский гарнизон, который был уменьшен до 2 рот солдат регулярных войск и 100 человек казаков вследствие трудностей прошлого года, теперь был обеспечен достаточными на целый год запасами провизии.

16 июля Кириллов отправился из Табынска в Сакмарск, а не в Оренбург, так как его планы относительно Оренбурга были отложены из-за обострившегося башкирского вопроса. Он выслал карательный отряд из 300 драгун и 656 казаков против группы восставших, расположившихся восточнее реки Белой. Во время нападения на повстанцев было

¹ Добросмыслов А.И. Материалы. Т.2. С.266

убито 50 человек башкир, потери же русских составили лишь 1 казак убитыми и 5 человек ранеными. 2 августа Кирилловым был послан другой отряд из 736 человек регулярных сил и 920 казаков под командованием полковника Постасьева. В горной части Башкирии отрядом Постасьева было сожжено 29 деревень, убито и казнено несколько башкир. Со своей же стороны русские не потеряли ни единого человека. Большинство восставших башкир отступило вглубь территории, где они укрылись в густых лесах и гористых местностях, что сделало невозможным дальнейшее их преследование.

Покинув Сакмарск с 250 казаками, Кириллов отправился обратно в Самару. По пути он осматривал удобные для будущих укрепленных пунктов площадки, и в нескольких местах разместил небольшие группы казаков. Встретившись в Красносамарской крепости с Бахметьевым, только что завершившим строительство этой и других крепостей, Кириллов решил преобразовать это поселение в обычный город с рынком и таможней для обслуживания караванов на их пути в Оренбург и обратно. По его замыслу Красносамарск должен был служить в качестве торгового центра края, пока не упрочится положение Оренбурга. Кириллов приказал незамедлительно приступить к работам, чтобы уже следующей весной можно было перевести сюда из Самары необходимых чиновников и служащих.

Отношения с казахами

Несмотря на неотложные дела по подавлению восстания башкир, Кириллов продолжал поддерживать отношения с казахами. Малая и Средняя орды приняли, по крайней мере номинально, русское подданство. Испытывая давление в различных сторонах, в особенности от Джунгарии, казахи имели перед собою две в равной степени незавидные возможности: либо заключить союз с Россией, либо же объеди-

ниться с Джунгарией¹. Ослабленные внутренней борьбой за власть между ханами всех трех орд, а также раздорами внутри правящей верхушки каждой орды, казахи оказались перед необходимостью сделать наконец свой выбор. В тридцатые годы XVIII века Абулхаир, хан Малой Орды, обратился к России, вероятно, по причине того, что русские располагались на большем отдалении от них и, казалось, представляли собою меньшую угрозу их независимости, чем джунгары. В то же время Абулхаир надеялся заручиться поддержкой русских для упрочения своей собственной власти как внутри Малой Орды, так и во взаимоотношениях с другими ордами.

Султан Ерали, второй сын Абулхаира, и несколько других казахов, сопровождавших экспедицию в Оренбург, остались там в качестве заложников. В августе 1735 года, прежде чем отправиться на борьбу с башкирами, Кириллов направил хану Абулхаиру группу казахов с подарками от императрицы. Спустя почти год, 14 июня 1736 года в Оренбург прибыло посольство во главе с двумя послами от хана и батыра Джанибека, тархана Средней Орды, для обсуждения с Чемодуровым срочных дел. Они попросили русских отправить ответную миссию². Чемодуров поручил ведение переговоров с казахами Джону Кастилу, весьма предприимчивому в духе своего времени англичанину, сопровождавшему Кириллова в качестве художника экспедиции. Кастил, очевидно, познакомился с ханом Абулхаиром в прошлом году в Оренбурге. Сохранились лишь скудные сведения относительно состояния русско-казахских отношений того времени. Кастил утверждал, что ему стало известно о намерении примкнуть к башкирам 40 тысяч казахов, подстрекаемых Оттоманской Портой.

¹ Аполлова во Введении приписывает это высказывание М.П.Вяткину.

² John Castle. Journal von der A^o 1736 aus Orenburg zu dem Abul-Geier Chan der kirgis-kaysack Tartarischen Horda ... dargestellt durch John Castle ... // Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peters des Grossen, Zweiter Teil, 1730 — 1741. Riga. 1784. P.3. (Далее цитируется как: Journal.)

Послы просили немедленно отправить посольство к хану Абулхаиру для предотвращения этого шага¹.

Это ошеломляющее известие, казалось, вовсе не беспокоило Чемодурова, и он не был намерен отправлять посольство к казахам. Можно лишь предположить следующее объяснение его действиям. Во-первых, будучи очень сильно занят строительством нового города, он располагал лишь ограниченными силами, и, возможно, не смог бы выделить людей для этой миссии. Во-вторых, он подвергался непосредственной опасности со стороны башкир, и в силу этого, возможно, не был склонен лишиться какой бы то ни было части своих войск. Русско-турецкая война 1735–1736 гг. делает вероятным замечание Кастла об агитации башкир со стороны турок, однако имеющиеся русские источники не содержат указания на какую-либо подобную деятельность турок в 1735–1736 гг. Возможно, у Кастла были какие-то личные причины, побуждающие его ускорить отправку посольства к казахам. Как бы то ни было, при поддержке султана Ерали Кастл получил разрешение Чемодурова возглавить миссию к Абулхаиру. Собравшись в тот же день, со студентом — немцем по имени Дитрих Луфтгус, татаринном из окружения Тевкелева и обоими казахскими послами, он отправился в путешествие по степи. Через 2 дня, 16 июня, от партии отделился один из казахов — посол Джанибека для того, чтобы известить об их прибытии предводителей Средней Орды. Кастл пробыл в лагере Абулхаира с 19 июня до 5 июля. За это время, как утверждал Кастл, он сумел произвести сильное впечатление на казахов и существенно способствовал претворению целей русских.

На обратном пути его сопровождали 20 предводителей от всех трех орд. В первый же день до него дошел слух о том, что Кильмяк якобы направил 2000 башкир для соединения с казахами. У истоков Ори он отправил в Оренбург небольшой отряд, а сам напра-

вился в Уфу для встречи с Кирилловым. По мере приближения отряда Кастла к территории Башкирии, имело место несколько незначительных столкновений с башкирами. 17 июля в Сакмарске казачий атаман отказался сопровождать его группу из-за опасности нападения башкир и отсутствия каких-либо указаний по этому поводу от Кириллова. Через два дня партия Кастла достигла крепости у истока реки Ик. Отсюда он связался с Кирилловым, который отправил несколько башкир для сопровождения его отряда в Уфу. Еще через один день, 5 августа он, переодетый в татарскую одежду, верхом на лошади въехал в Уфу, преодолев 106 верст пути. Кириллов, по словам Кастла, был очень доволен посольством и его результатами. То ли вследствие дипломатических уловок Кириллова, то ли в силу других причин казачи не воспользовались возможностью, представившейся в результате войны, и не вмешались в ее ход.

Осень и зима 1736-1737 гг.

По прибытии в Самару 14 августа Кириллов послал, два донесения в Кабинет министров, в котором содержалась следующая оценка ситуации в Башкирии:

«Об искоренении воров — башкирцев старание прилагаю, и многое число главных плутов уже в разных местах пропало, а прочие бегами живот свой спасают; и хотя в июне и июле воровским обычаем наглости от них были и еще, может быть, произойдут в таких местах, где оплошных найдут, однако к тому пришли, что сей бунт подлинно последним останется, и уже сибирская дорога вся и по нагайской многие в совершенное подданство приведены, и остальные, если будут продолжать воровство, с голоду и холоду зимою пропадать станут: лошади и скот во многих местах выпали, и теперь еще падеж не утих. Что до строения городков надлежит, и в том не одно сие время, но вечный интерес зависит, а слава победоносного оружия Ваше —

¹ Там же. С. 3–4

го Величества во всю полуденную Азию распространится. Опричь внутренних в Башкирах городов, позади всего их жилья, зачиная от Волги до Сибири и от Оренбурга до Аральского моря, быть имеет [построено] 45. Кайсацкия три орды состоят в подданстве и присылали ко мне с тем, что они верность свою и службу желают показать над ворами — башкирцами. Понеже в том Вашего Величества высокий интерес зависит, дабы сии народы всегда в несогласии были, позволил [казахам] в отмщение своих прежних обид поиск учинить над дальними сибирской и нагайской дороги башкирцами»¹.

Другое сообщение, отправленное в Кабинет 26 сентября после перевода Румянцева, дополняло его предыдущий отчет. С присущим ему оптимизмом Кириллов сообщал, что строительство укреплений идет удовлетворительно, и что, если ему не придется отвлекаться из-за уфимских событий, он сможет закончить линию к следующему лету. В будущем потребуется меньше запасы продовольствия, так как казаки смогут кормиться за счет природных ресурсов края — «земля черная, леса, луга, рыбная и звериная ловли довольныя»². Он добавлял, что для составления более точной карты этого региона ведутся новые исследования местности.

Кириллов полагал, что не было необходимости отовсюду — из дальних и ближних мест собирать огромные армии и бросать их на борьбу с башкирами. Имея лишь 100 драгун и несколько сот казаков, он сам прошел через центральную часть Башкирии, и притом без единого поражения. Он утверждал, что несчастья, которые имели место раньше, явились следствием беспечности самих потерпевших командиров. Будет неразумно снять значительные силы с Царицинской линии и из Астраханского гарнизона. Порядок в

¹ Добросмыслов А.И. Труды.С.90—91 (цитируются материалы Тургайского областного архива).

² Добросмыслов А.И. Материалы.Ч.2.С.268—272.

Башкирии может быть обеспечен за счет следующего ограниченного контингента: 700 человек Вологодских рот, 2000 человек уральских казаков и многочисленных новокрещенных калмыков. Последних следовало принимать на казачью службу и разрешить им поселяться на землях, находившихся за оборонительной линией, как русским казакам¹.

Летом и осенью 1736 года в Сибирской Башкирии свирепствовали Тевкелев и его подчиненный, полковник Мартаков. Татищев, который руководил войсками в Зауральской Башкирии, в своем донесении от 19 октября утверждал, что свыше 5000 башкир принесли повинную и поклялись в верности императрице, было схвачено несколько предводителей башкир; некоторые же башкиры заявили, что они поймают Бепеню и Исенгула, вождей бунтовщиков в Зауралье, если они не сдадутся русским добровольно. Некоторые башкирские старшины обратились с просьбой записать их в казаки, чтобы они могли отомстить казахам Средней Орды, совершавшим на них набеги. Эти старшины утверждали, что еще не вся Средняя Орда перешла в подданство России, более того, некоторые группы казахов этой орды совершили нападения на русские поселения. Некий башкир, утверждавший, что он представляет 230 верных России подданных, прибыл к русским с предложением предоставить им лошадей и вооружение. Однако этот факт вызвал противодействие башкирских повстанцев, которые, посчитав это предательством, напали на деревню «верных» башкир и сожгли ее. Татищев также отмечал, что он собрал много лошадей и около 10 тысяч рублей в качестве штрафов².

Обстановка в регионе, находившемся в прямом подчинении Румянцева, была сходна с ситуацией в Сибири. В ноябре—декабре 4000 башкир прибыли в Мензелинск для принесения повинной. Несколько человек из них было казнено, а 150 были взяты в заложники. Дружественные русским башкиры стали

¹ Там же.С.268—272.

² Там же.С.278.

нападать на села отчаявшихся повстанцев, чтобы отомстить за прежние нападения на них. Многие принимавшие участие в восстании башкиры были убиты, некоторые были переданы русским для учения над ними расправы, а женщины и дети были, розданы согласно воле захвативших их в плен. Около 5000 человек были отосланы солдатами в прибалтийские полки, а также на каторгу в Рогервик¹.

Положение в других дорогах и на севере края в Кунгурском уезде складывалось не столь благоприятно для русских. Башкиры сжигали села мешеряков и других нерусских народов, воевавших на стороне русских. Были сожжены два строгановских имения. Повстанцы также атаковали и уничтожили отряд русских численностью в 1500 человек. В сентябре императрица в резких выражениях писала Румянцеву, что он с его «корпусом около 15000 человек, состоящим для охранения наших подданных, надлежащей предосторожности не учинили и до разорения допустили»². Она вопрошала, почему он так долго бездействовал. Румянцев так и не получил это письмо с упреками в свой адрес, поскольку уже отбыл на Украину в армию фон Миниха.

Основываясь на донесениях Кириллова, из которых следовало, что восстание вскоре можно будет подавить, 27 октября Кабинет направил распоряжение новому командиру Башкирской Комиссии, бригадиру и лейб-гвардии майору Хрущову. В нем говорилось о том, что два полка армии Миниха не будут отправлены в Башкирию и что сибирский воевода Бутурлин, был согласен прислать лишь 1000 служилых людей из требуемых 2000 человек³.

О том же сообщалось и в письме, направленном Кириллову. В нем отмечалось, что Санкт-Петербург не согласен с его мнением о том, что для подавления башкирского восстания не следует привлекать дополнительные силы: «Вам самим известно, что при

нынешней турецкой войне в других местах в том войске не без нужды есть», однако члены Кабинета полагали, что башкирская проблема была настолько серьезной, что требовала скорейшего разрешения. По этой причине Кириллову было приказано немедленно встретиться с Хрущовым и определить действительные потребности в военной силе¹.

В сентябре Кириллов оставил Красноборскую крепость и отправился в Симбирск, чтобы подготовить переезд штаба из Оренбурга в Самару. Затем он спешно выехал в Мензелинск для встречи с Хрущовым. В ноябре — декабре они вдвоем выработали новый план усмирения башкир, который был отправлен 23 декабря в Санкт-Петербург на утверждение².

Они предложили разделить русские войска в крае на 5 частей, которые могли бы окружить и разгромить оставшихся в живых мятежников. И вновь в качестве наилучшего момента для военных действий был выбран апрель месяц. Татишев, которому удавалось успешно действовать с относительно небольшими силами, должен был отправиться в Сибирь для наблюдения за порядком. 10 января 1737 года этот план получил одобрение Кабинета. Доклады Кириллова и относительно затишье, установившееся зимой, убедили Кабинет в возможности уменьшения численности необходимых для кампании войск. 2 полка, предназначенные для отправки в Башкирию, были посланы на Украину. Для несения военной службы и возведения новых укрепленных городков Татишев под свое начало получил 1000 служилых людей из Сибири, столько же служилых татар из Казанской губернии и такое же количество уральских казаков.

В ноябре Татишев созвал на совещание своих подчиненных — Тевкелева, Ивана Саввича Арсеньева и Андрея Федоровича Хрущова³, для выработки плана действий в Сибирской Башкирии. Главным предметом обсуждения были способы принуждения к принесению повинной предводителями восставших. Было

¹ Рычков П.И. История. С.28.

Добросмыслов А.И. Материалы.Т.2.С.263.

³ ПСЗ. Т.9.С.889; Добросмыслов А.И. Материалы.Т.2.С.272.

¹ Добросмыслов А.И. Труды. С.95.

² Рычков П.И. История.С.27.

³ Не путать с начальником Башкирской комиссии, Михаилом Семеновичем Хрущовым.

решено разослать еще призывы явиться с повинной в ближайшие административные центры. Другой серьезной проблемой стал голод среди башкир. Татищев опасался, что вследствие голода они могут выйти из подчинения, советовал разрешить им покупать зерно: «чтоб от голода и крайней нужды паки они не воровство не дерзнули, ибо многие с розысков показали, что и прешедшею весною наиболее от голода воровали, и ныне слышно, чтоб друг у друга непрестанно скот крадут»¹.

Тевкелев же считал, что голод среди башкир был на руку русским. Разрешив башкирам покупку зерна, они могли усилить их позиции. Он предложил разрешить покупать зерно лишь тем башкирам, которые принесут повинную и то лишь по 3 пуда на семью, что «на всю зиму в пропитание не достанет». Все, кто получил первую порцию зерна, будут занесены в списки и впоследствии им будет позволено еще купить зерна. Точка зрения Тевкелева в конце концов возобладала. В феврале 1737 года был схвачен Киль — мяк, наиболее известный предводитель повстанцев в Ногайской дороге. Он был отправлен в Уфу, а затем в Мензелинск к Хрущову. Из главных вождей башкир в Зауралье на свободе оставались лишь Кусяп Салтангулов, Сеит — бай Алкалин и султан Мурат Дюшеев. В Сибири большинство предводители восставших уже сдались властям, за исключением Бепени Трупберди — на и Мандара Карабаева. Татищев направил своего представителя к Бепене, который сообщил, что желает сложить оружие. Однако по прибытии послу было заявлено: «и де ныне, покамест Юсупа не отпустит, к присяге с повинною никуда не пойду. А как ево, Юсупа, отпустят, тогда пойду»².

На следующий день 11 февраля, Татищев направил к Бепене, находившемуся тогда в окрестностях реки Ай, другого своего представителя. Послу было велено: «ежели сам не пойдет, то объявить тайно

старшинам, чтоб ево, как можно поймав, суда привезли, обещав им довольное награждение»¹. Однако старшины не поддались на уговоры и ничего так и не предприняли.

21 февраля Хрущов, который незадолго перед этим был произведен в генерал — майоры и получил назначение в армию фон Миниха, отбыл из Мензелинска к месту новой службы. Его сменил вице — губернатор Астрахани Леонтий Яковлевич Соимонов. Он прибыл в Мензелинск только 24 апреля. До этого времени деятельностью Башкирской Комиссии ведал ближайший подчиненный Хрущова, полковник Бар — дукевич.

К началу 1737 года стало ясно, что восстание уже исчерпало себя. 26 января Кириллов сообщил императрице, что за исключением тех башкир, что проживают в наиболее отдаленных областях Ногайской и Сибирской дорог, «башкирский народ в такое уже состояние приведен, что с начала их подданства ни когда таковы послушны не были и никогда ж страху за свои злодейства не видали, как ныне есть»². Несколькими тысячами башкир были убиты или сосланы. Полковник Бардукевич информировал Кириллова, что башкиры, живущие на реке Ик, «от голоду мрут, а оставшиеся сабак и кошек едят, а и того им недостает, и за безсилием и отчаянием принуждены мертвых бросать». Русские послали специальные отряды для погребения трупов³.

Ужасное положение башкир навело Кириллова на мысль, что он перегнул палку, будучи приверженцем суровых мер. К концу марта он рекомендовал императрице временно отменить штрафы лошаадьми. Другое предложение, направленное на некоторое улучшение положения башкир, заключалось в привлечении их к строительству медеплавильных заводов в Табынске и на реке Ик. Многие умиравшие от голода башкиры добровольно вызвались на эти работы.

¹ Дела Сената по Оренб. губ. Кн.8/139. Л.139, цит — ся по: Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737 — 1739 гг. М. — Л., 1950, С.22 (Далее: Устюгов. Восстание).

² По Кабинету. Кн.87 1164.Л.128, цит — ся по: Устюгов Н.В. Восстание.С.25

¹ Там же.ЛЛ.126 об.(цит — ся по тому же источнику).

² Там же. ЛЛ. 72 — 73 об. (цит — ся по тому же источнику. С.20)

³ Там же ЛЛ. 357 — 357 об., цит — ся по тому же источнику. С.21

Некоторые деятели в верхах ставили вопрос об упразднении Башкирской Комиссии¹. Однако не — смотря на жестокие лишения, выпавшие на их долю, башкиры все еще не были сломлены. Всю зиму они готовились к войне.

Последние АНИ Кириллова

В конце декабря 1736 года заболевший цингой Кириллов выехал из Мензелинска в Самару, прибыв туда в начале января 1737 года. В этом же месяце прибыла и вся его команда из Симбирска. Он намеревался в начале весны перевести свой штаб в Красносамарск, и остаться там до завершения строительства Оренбурга. Кириллов надеялся еще раз съездить в Оренбург, чтобы решить кое — какие дела городской жизни и проследить за ходом строительства оборонительной линии. В течение зимы им был дан ряд распоряжений по улучшению снабжения города. С этой целью он заключил соглашения с казаками и несколькими купцами. Кириллов разрешил селиться в крепостях многим свободным людям, бродягам и прочему люду, не внесенному в списки плательщиков подушной подати, снабдил их кредитами на закупку продовольствия и отправил к месту назначения².

Кириллов продолжал работать над долгосрочными планами, развивая свои первоначальные предложения. Ему не было суждено претворить их в жизнь. 14 апреля 1737 года он скончался и был похоронен в Самаре в церкви Св. Николая — Чудотворца. Причиной его смерти стала чахотка.

В течение трех лет своего руководства Оренбургской экспедицией Кириллов, как и его великий учитель Петр I, мечтал о перспективных больших проектах, однако их обоих ждали разочарования. В конечном итоге Петр I задумал завоевать казахов для получения доступа к богатствам Средней Азии, однако Кириллов убедился, что невозможно управиться с

казахами, не решив промежуточной башкирской проблемы. С учреждением Башкирской Комиссии экспедиция Кириллова отошла от решения своих первоначальных целей и задач и сосредоточилась на более насущной проблеме — башкирской. Несмотря на то, что Кириллов стоял во главе одного из командований силами русских в регионе, он внес наиболее значительный вклад в выработку колониальной политики правительства в Башкирии. Будучи человеком прямолинейным и решительным, в деле скорейшего подчинения башкир он делал ставку на военную силу, так как его первостепенной заботой была разработка минеральных ресурсов этого края и возможности в дальнейшем развивать торговые отношения со Средней Азией. Для экономического развития этого региона было важно установить здесь мир и порядок. Энергично выступая за строительство крепостей внутри Башкирии, а также оборонительной линии вдоль рек Самара и Урал, он заложил основы для окончательной интеграции Башкирии в состав Российской империи.

¹ Соловьев С.М. Т.4.С.1542.

² ПСЗ. Т.9.С. 738-739, 888, 894-895, 907-908.

Глава VIII

Татищев принимает командование, 1737-1739

После смерти Кириллова в январе 1737 года Кабинет временно передает управление Оренбургским краем в руки Петра Бахметьева, тестя Кириллова, недавно произведенного в чин подполковника по временной командации Кириллова. Полковник Тевкелев в это время все еще находился в Зауралье, в Сибирской дороге, и не мог прибыть в штаб. Получив известие о смерти Кириллова, Тевкелев сразу возвратился в Самару для встречи с Бахметьевым, затем они вдвоем направились в Красносамарск — временный штаб Оренбургской экспедиции. В мае месяце в Мензелинск прибыл генерал-майор Леонтий Яковлевич Соймонов, в недавнем прошлом астраханский вице-губернатор, чтобы взять на себя командование Башкирской комиссией. Его предшественник, Михаил Семенович Хрущов, еще в феврале отбыл на Украину, так как получил приказ явиться в регулярную армию. До приказа Соймонова делами Башкирской комиссии ведал полковник Бардукевич, ныне получивший звание генерал-майора.

В мае месяце Ее Величество возвысило советника Василия Никитича Татищева в чин тайного советника и поставило его во главе Оренбургской комиссии — так теперь стал называться проект. В указе о назначении его начальником Комиссии ему предписывалось ознакомиться с инструкциями, ранее данными Кириллову. Здесь же говорилось, что ему следует незамедлительно приступить к осуществлению

следующих задач проекта: окончательное решение башкирской проблемы, возведение новых крепостей в Башкирии, поиск полезных ископаемых, развитие торговли с Хивой, покорение казахов¹.

26 мая 1737 года Татищев выехал из Екатеринбурга, своего бывшего места работы в качестве начальника Казанских и Сибирских горных заводов, путешествуя на носилках из-за болезни. В Чусовой Слободе он пересел в лодку и проследовал вниз по рекам Чусовой и Каме до города Мензелинска, куда он прибыл 14 июля. Там он встретил Тевкелева, которому было предписано созвать совещание для обсуждения башкирских дел². Полагая, что время решительных действий по отношению к башкирам миновало, участники совещания перешли к выработке более долгосрочных мер по управлению краем.

Новая политика

Когда Татищев впервые прибыл в Мензелинск принять командование силами русских, он обнаружил, что обстановка сильно отличается от той, которая была при Кириллове. До учреждения Оренбургской экспедиции Башкирия являлась большой пограничной территорией, лишь незначительно связанной с Россией. Вблизи северных и западных границ Башкирии на значительном расстоянии друг от друга были разбросаны крепости Закамской линии на севере, сибирские города на северо-востоке и поволжские города на западе, тогда как центральная часть края, за исключением Уфы, а также юго-восточные его пределы фактически оставались в ведении самих башкир. Башкиры могли совершить набеги на русские поселения, скрываться во внутренних глубинных районах и вынуждать русских воевать вдали от их опорных пунктов. В течение 1735—1736 гг. Кириллов построил много новых крепостей и городов, в

¹ Рычков П.И. История. С.29—30

² ПСЗ.Т.10.С.168—170

том числе Оренбург и другие крепости по рекам Уралу и Самаре, а также ряд опорных пунктов внутри края. Когда в 1737 году башкиры вновь подняли восстание, они оказались в другом положении, что нашло ясное отражение в решениях созданного Татищевым июльского совещания.

Тогда как прежние меры правительства относительно башкир были преимущественно военными, новые предложения имели двоякую направленность. Наряду с военными мероприятиями, продолжавшими прежнюю линию, предметом обсуждения явились преимущественно вопросы административной реорганизации, края которая стала сейчас возможной в результате создания сети крепостей. Татищев и его помощники намеревались наладить более тесное административное управление колонией, поставив при этом перед собой долгосрочную цель полного включения Башкирии в состав империи.

В Осинской дороге была образована Гайнинская волость с административным центром в городе Оса. Эта область возглавлялась городским воеводой, назначавшимся Сенатом. Крепость Красноуфимск в Сибирской дороге стала таким же административным центром. Оба эти города находились в ведении уфимских властей. В Сибирской Башкирии была образована новая Исетская провинция с центром в крепости Чебаркульск. Она включала в себя Окуневский, Шадринский и Исетский уезды. Обе провинции — новая Исетская и более старая Уфимская, образованная в 1708 году, находились под юрисдикцией Оренбурга. И, наконец, административный центр Пермской провинции (в дальнейшем Кунгурская провинция) был перенесен из Соликамска в Кунгур, откуда было удобнее управлять башкирами.

К основным административным проблемам относилось упорядочение взимания ясака. Башкир ранее учитывали и заносили в списки по родовой их принадлежности. На протяжении предшествующих полутора столетий старые родовые группировки под-

верглись смешению. В результате этой ситуации стало невозможным справедливое распределение повинностей. Жалобы башкир и понятное стремление чиновников к порядку вынудили Кириллова и Хрущева в декабре 1736 года внести предложение о том, что следует

«описать все деревни на землях той волости: во первых, башкирския, потом тептерей и бобылей и напоследок служилых мещеряков имян — но — на которых они реках, озерах или урочищах, и в них дворов, и сколько людей мужеска и женска полу с летами, различая, кои в верности состояли и к ворами не приставали, и которые своровали и повинныя принесли и штраф платили»¹.

Одновременно с этим при переписи надлежало «накрепко смотреть, чтоб пришлых как русских, так и иноверцов, а особливо от службы и от корабельной работы беглых, никаких не было».

Эта работа не была доведена до конца из-за разразившегося в 1737 году восстания. Во время июльской встречи в Мензелинске Татищев и Соимонов дополнили план проведения переписи, указав, что она должна содержать тщательное изучение экономических ресурсов региона и взаимоотношений различных народов, проживающих в Башкирии. Татищев поручил осуществить экономическое исследование края командному составу русской армии в Башкирии. Переписные списки должны были храниться в местных административных центрах, одна копия отсылалась в Уфу для целей надзора. Выполнение этой задачи было в дальнейшем приостановлено из-за продолжавшейся войны с башкирами.

Эти предложения были переданы на рассмотрение в Санкт-Петербург и впоследствии утверждены указом от 13 августа 1737 года².

¹ По Кабинету. Кн.87 / 1164.Л.109 об., цитируется по: Устюгов Н.В. Восстание.С.125.
² ПСЗ. Т.10.С.242–245.

ПРИЧИНЫ НОВОГО ВОССТАНИЯ

Всеобщее мнение, что башкир удалось, наконец, покорить, оказалось преждевременным. То и дело вспыхивали волнения, хотя и не столь значительные. Уже в феврале 1737 года кунгурский воевода доводил до сведения находившегося в Екатеринбурге Татищева, что башкиры Осинской дороги устраивают со — брация и, кажется, вновь замышляют смуту. Татищев не воспринял это сообщение всерьез. Он писал в Сенат: «оные ведомости за правильные не признаваю, затем что подлинных обстоятельств к бунту в том из — вестии не показано»¹. Незадолго до своей кончины Кириллов узнал, что некие башкиры Осинской дороги отказались уплатить наложенные на них штрафы и даже изгнали чиновников, посланных для их взимания. Ни Кириллов, ни Татищев не предполагали, что эти небольшие волнения являлись прологом нового восстания. В одном из своих донесений Кириллов следующим образом объяснял отказ башкир платить штрафы: «может быть, что по нынешнему голоду взять негде»². Бардукевич, находившийся в регионе с войсками, писал в марте Кириллову, что реальные признаки общего восстания не наблюдаются.

В самом начале 1737 года башкиры Сибирской и Ногайской дорог также проявляли признаки беспокойства. Они обращались в Уфу с просьбами об отмене взимания штрафа лошадьми, а также освобождении некоторых вождей, находившихся в Уфе под арестом. К весне стало поступать все больше сведений о том, что башкиры Сибирской и Ногайской дорог проводят собрания и готовятся выступить против русских³.

Обстоятельства на Казанской дороге сложились

Устюгов Н.В. Восстание. С.65. Цитата из: Дела Сената по Оренбургской губернии. Кн.8/139. Л.236.

² По Кабинету. Кн.87/1164. Л.311. Цит-ся по: Устюгов Н.В. Восстание. С.65

³ Материалы БАССР. Ч.1. С.307 — 310,325; Устюгов Н.В. Восстание. С.65 — 66

по другому. Мензелинск был местом расположения Башкирской Комиссии, и прилегающая к нему область больше всего пострадала во время карательных действий русских в 1735 — 1736 гг. В докладе Кирилова от 16 января отмечалось, что башкиры Осинской и Казанской дорог были полностью усмирены, незначительные очаги сопротивления существовали лишь в Сибирской и Ногайской дорогах. Жестоко пострадав от карательных экспедиций, результатом чего явились физические потери, разорение жилищ, деревень, конфискация лошадей и запасов продовольствия, башкиры Казанской дороги не участвовали в последовавшей войне, не считая незначительных столкновений.

Несмотря на крутые меры, принятые русскими против башкир в 1735 — 1736 гг. и последовавшие за ними массовое разорение и голод, башкиры продолжали предпринимать попытки сбросить русское иго, поскольку не были ликвидированы основные причины их возмущения. Растущий поток беженцев в Башкирию со Средней Волги препятствовал свободному передвижению кочевников — башкир и уменьшал площади пастбищ, необходимых для их больших табунов скота, кроме того, переселенцы возмущали башкир своей лояльностью к русским.

Ясачный сбор так же являлся источником недовольства среди башкир. Размер сбора был не очень высоким, так как взимаемая сумма была меньше подушного налога с русских крестьян; однако увеличивающийся дефицит средств заставил правительство предпринять попытку приблизить размер ясака к уровню подушного налога. В связи с этим неизбежно возникли осложнения. Прежде всего, башкиры выступили против увеличения размера ясака, администрация же имела все основания опасаться, что, как и ранее, в случае неудовлетворения их протестов башкиры поднимутся на борьбу. Во — вторых, предоставив ведение местных дел главным образом башкирским старшинам, русское правительство располагало лишь

приблизительной статистикой лиц, подлежащих обложению ясаком, поскольку не было предпринято ни одной сколько-нибудь тщательной переписи ясачного населения. В третьих, существовала и проблема правительственных сборщиков налогов. Хотя старшины башкир обычно ведали сбором ясака и его доставкой в русские административные центры, правительство стало отправлять в различные регионы своих собственных чиновников для изыскания дополнительных источников дохода. На деле же эти сборщики действовали бесконтрольно, часто превышая свои полномочия незаконными и чрезмерными поборами. Ни протесты башкир, ни попытки правительства навести порядок не возымели действия.

Еще хуже обстояло с взиманием других видов налогов. Особенно неоправданным был торговый налог в Башкирии. Правительство, вместо того, чтобы взимать налог на торговлю во время осуществления сделки, в конце года отправляло своих представителей для сбора причитающихся сумм. Помимо понятного стремления башкир занизить число продаж, они также могли забывать точный перечень проданных ими в году товаров. Это давало возможность обманывать казну как сборщику, так и плательщику налога. Права взимать этот налог добивались честолюбивые и часто недобросовестные люди, стремившиеся быстро разбогатеть. Дальнейшая возможность для взяточничества и коррупции проистекала из того факта, что право на сбор налога на торговлю покупалось у воевод. Башкиры неоднократно обращались с просьбами включить данный вид налога в ясачный сбор¹. Вымогательство местных властей не ограничивалось сборщиками ясака и торгового налога: были отданы под суд и осуждены за взяточничество несколько высокопоставленных чиновников.

Увеличивающийся фискальный гнет правительства, злоупотребления местных чиновников и продолжавшиеся захваты земель были причиной непре-

рывных волнений башкир. Активные выступления против правительства начались с момента обострения указанных общих причин недовольства. В начале 60-х годов XVII века чрезмерное стремление к увеличению сборов привело к полномасштабной войне. Накануне войны 1705–1711 гг. вымогательства правительственных чиновников вызвали еще один взрыв возмущения. Затем в 30-е годы XVIII века русское правительство начало новое энергичное наступление вглубь башкирского края, когда оно организовало и приняло Оренбургскую экспедицию. Башкиры осознали, что постройка целого ряда крепостей вдоль их южной границы будет знаменовать конец их вольной жизни.

С 1734 по 1737 гг. Кириллов проводил энергичную политику строительства новых крепостей и основания горнорудных и металлургических заводов на территории Башкирии¹. Он отказался от обычая легко прощать тех, кто сражался против русских, что имело место ранее после подавления восстаний. Он настоял на том, чтобы каждый участник волнений лично предстал перед русскими властями для принесения присяги верности правительству и уплаты штрафа в размере одной лошади. Уже испытывавшие лишения в течение двух лет войны, башкиры решительно выступили против штрафа лошадьми². Возмущение же стокостью русских по отношению к восставшим явилось одной из причин новой вспышки. Один из башкирских вождей писал уфимскому воеводе в мае 1737 года о событиях последних 2 лет:

«Казанской дороги людей всех Румянцов вырубил, и добрых и худых людей не розделяя, а Нагайскую дорогу вырубил Иван Кириллович, добрых с худыми не розделяя, а Сибирскую дорогу вырубил мурза, добрых и худых людей не рассмотря»³.

¹ Материалы БАССР.Ч.1.С.335 напр.

² Там же. С.309,325.

³ Дела Сената по Оренбургской губернии. Кн.8/139. Л.596 об., цит. — ся по: Устюгов Н.В. Восстание.С.37.

¹ Устюгов Н.В. Восстание.С.31 и сл.

Он писал также далее, что тех старшин, которые приезжали в Уфу после принесения повинной, «не роспрося и не розыскав, которых обвесили (т.е. повесили — Н.У.), а иных сослали в ссылку ... малых людей, которые платили ясак, вырубили»¹. Татишев в своем письме императрице от 22 января 1738 года осуждал Кирилова и Хрущова. В 1736 году он великодушно обошелся с башкирами, пришедшими с повинной и освободил их. Однако когда же он, «послушав других [И.К.Кириллова и М.С.Хрущова], забрав главных под караул, двух казнил, то немедленно новой бунт начался»².

Еще одним катализатором сопротивления явился массовый голод в Башкирии — следствие двух предыдущих лет борьбы. Деятельность карательных отрядов имела своим результатом не только истребление множества людей, но и конфискацию продовольствия и подрыв экономической жизни края, что вело к обнищанию оставшихся в живых башкир. Представители башкир Сибирской дороги, прибывшие в 1737 году в Екатеринбург за разрешением на покупку зерна, сообщали, что они «не только скот, но и обувь с ног поели и помирают многие»³.

Отчаявшиеся башкиры нападали на деревни «верных» башкир, русских и мещеряков⁴. Не имея возможности закупить достаточные запасы продовольствия у русских, они не имели другого выбора, по крайней мере в своем понимании.

Тем не менее, несмотря на слухи о волнениях, вплоть до весны Башкирия производила впечатление покоренного края. Зима всегда была тяжелым испытанием для башкир, так как нехватка корма вела к падежу или ослаблению их лошадей, а два предыдущих военных года в значительной степени ухудшили положение. А.И.Тевкелев, который очень хорошо

изучил башкир, писал, что русским нечего бояться зимой, «понеже башкиры пешие хуже всякого народа»¹.

Лето и осень 1737 года

В начале весны 1737 года «верные» башкиры и мещеряки стали доносить о собраниях бунтовщиков, которые хотели отказаться от русского подданства и изгнать всех иностранцев². В конце апреля пригрозительным чиновникам стало известно о нападениях башкир на группы сторонников русских. Вследствие того, что первые нападения были совершены на нерусские поселения, Татишев не поверил в начало новой колониальной войны. Он полагал, что беспорядки были вызваны противоречиями между различными группами. Он выслал порох и свинец «дружественным» башкирам и собрал им в помощь отряд в 300 человек.

Кусяп — батыр во главе 500 человек восставших разрушил чувашские и татарские поселения вверх по реке Белой и в окрестностях Табынска. К июню, согласно донесению из крепости Еддятск, Тюлкучура собрал отряд в 1300 человек, и теперь шел походом на оставшихся «верными» башкир и татар на севере края. Другие партизанские отряды стали совершать нападения на «верные» башкирские, чувашские и мещеряцкие деревни в окрестностях Красноуфимска, Кунгура и Бирска. В сообщениях «верных» башкир, которые не могут считаться достоверными, утверждалось об участии в волнениях отрядов бунтовщиков в 4200, 2500, 1330 и 1000 человек.

В июне отряд восставших в 2500 человек под руководством Бепени, Юлдаш — муллы, Тюлкучуры и Мандара подверг осаде крепость Богданов. Для того, чтобы подобраться к стенам крепости, нападавшие

¹ Там же.

² По Кабинету. Кн.90/1167.Л.177,об., цит-ся по: Устюгов Н.В. Восстание.С.37.

³ По Кабинету. Кн.106/1183.Л.9. Цит-ся по указ. раб., С.38.

⁴ Материалы БАССР.Ч.1.С.309,310-311,312.

¹ Дела Сената по Оренб. губ — нии. Кн.8/139.Л.157,об., цитируется по: Устюгов Н.В. Восстание.С.66.

² Материалы БАССР.Ч.1.С.325.

соорудили переносные щиты. Мещеряки и «верные» башкиры отогнали их, однако не смогли долго преследовать повстанцев, когда те, рассыпавшись, скрылись в лесах.

Несмотря на то, что первыми выступили жители Сибирской- дороги, к ним вскоре присоединились повстанцы Ногайской дороги, которые стали нападать на «верных» башкир, искавших помощи в Сакмарской крепости. В июне бунтовщики разрушили поселения возле Уфы и Табынска. В одном из сообщений указывалось, что 10000 человек восставших, действуя группами от нескольких сот до нескольких тысяч человек, бродят по Башкирии, разоряя и разрушая деревни. В конце июля в борьбу вступили башкиры Осинской дороги, до этого не принимавшие участия в восстании, и атаковали поселения близ Осы. А.Ф. Хрущов, прежний помощник Татищева, сменивший его на посту начальника Казанских и Сибирских горных заводов, докладывал в августе, что по его подсчетам в восстании участвует около 32000 человек из предполагавшегося 100000 башкирско-го населения края¹.

Несмотря на то, что против основных сил повстанцев были мобилизованы мещеряки, «верные» башкиры, татары и тептяри, стало очевидно, что восставшие башкиры имели далеко идущие замыслы. В одном сообщении указывалось, что башкиры советовали: «лучше власти российской отложитца и русских людей раззорять, для того с киргис-кайсаками союзитца»². В августе Л.Я. Соймонов, начальник Башкирской комиссии, направился со своими силами из Мензелинска в степи Ногайской дороги, ища встречи с неприятелем численностью, согласно донесениям из Уфы, в 10000 человек. Согласно слухам, повстанцы намеревались разорить все поселения вдоль Казанского тракта. Численность восставших, как оказалось, была сильно преувеличена — лагерь Соймонова был

атакован лишь 1000 человек. Атака была отбита, однако объединенные силы русских и местных жителей не смогли уничтожить противника, который рассеялся и исчез.

В конце августа, сентябре и октябре восставшие разорили множество деревень тех народов, которые были союзниками русских. Силы русских не успевали отражать удары противника. За исключением нападений на крепости, решительных сражений не было, имели место лишь отдельные стихийные набеги. Русским отрядам ничего не оставалось делать как объезжать территорию в надежде поймать врасплох отдельные группы бунтовщиков¹. При приближении зимы башкиры по своей привычке отступили во внутренние области дожидаться наступления весны. В конце ноября Соймонов докладывал, что за исключением отдаленных сибирских местностей, в Башкирии все обстоит спокойно.

Ввиду того, что зауральские башкиры все еще продолжали борьбу, было решено схватить и наказать непокорных главарей восставших, в первую очередь, Бёпеню Трупбердина. Голод, зимние холода и набеги казахов ослабили тех башкир, которые продолжали еще оказывать сопротивление, поэтому первоначально русские намеревались провести зимний рейд для учинения расправы над сибирскими повстанцами. Однако ввиду трудностей проведения кампании в зимних условиях, и в первую очередь из-за недостатка корма для лошадей, они от этой идеи отказались.

Татищев хорошо понимал, что нельзя всецело полагаться на одни лишь силовые методы, чтобы покончить с восстанием. Он разослал обращение к башкирам, в котором приказывал им до конца января принести повинную и каждому принести личную присягу верности императрице. В случае невыполнения этого распоряжения им грозила суровая расправа; те же, кто подчиниться, могут спокойно вернуться

¹ Материалы БАССР.Ч.1.С.325.

² Там же. С.325.

Там же.С.312 и сл.

в свои дома после уплаты штрафа — одной лошади со двора. Каждый человек, а также до десятка его ближайших родственников, подлежали освобождению от уплаты штрафа в случае, если они поймут и приведут в любую русскую крепость одного из своих вождей. В качестве уступки башкирам, Татищев повелел являться в административные центры только их предводителям. Остальные мргли явиться с повинной и уплатить штраф в ближайшей крепости или городе. Он предложил также провести расследование деятельности уфимского воеводы С.В. Шемякина, который вызвал яростное негодование башкир.

Тем временем половина Алексеевского полка была переведена в Ставрополь — город, построенный для калмыков — христиан на реке Кунья Воложка. Основная часть полка должна была быть укомплектована за счет сил Закамской линии, вместо которой теперь была образована новая Оренбургская линия; на новую же линию должны были быть передислоцированы все ландмилицкие полки, инженеры и артиллерийские части¹.

Новое местоположение Оренбурга

Вскоре после принятия командования делами Башкирской комиссии Татищев отправился в Оренбург для осмотра города. Приехав и осмотрев город, он остался неудовлетворен его местоположением. С учетом того, что были лишь заложены основания будущей крепости, он принял решение о переносе административных учреждений, а также торгового центра Оренбурга временно в Самару. Татищев уведомил Кабинет министров о своем решении, объясняя его тем, что расположение города у места слияния рек Орь и Урал не совсем удачно ввиду трудностей осуществления связи и перевозок на столь большие расстояния. Местность также была затапливаемой. Он

отправил майора Ретиславского на поиски более подходящего места для возведения города, а подполковнику Бахметьеву поручил укрепить уже построенные фортификации Оренбурга. Во время этого же похода он также заложил основание крепости на реке Кунья Воложка, которую он назвал Ставрополем. Новая крепость должна была стать административным центром для группы новокрещенных калмыков. Этот город впоследствии стал местом расположения другой комиссии, получившей название Калмыцкой, которая ведала делами калмыков точно так же, как Башкирская комиссия была ответственна за башкирские дела. Во главе обеих этих комиссий стоял Татищев. Во время своих постоянных поездок он был занят поисками удобных для новых крепостей мест и осмотром уже существующих: Тевкелева Брода, Переволочка, Татищевской Пристани, Чернореченска и Бердска.

Во время очередной инспекционной поездки в Оренбург в следующем году он добрался до Красной Горы — местности, обнаруженной Бахметьевым и предложенной им для расположения нового города. После осмотра он приказал английскому морскому капитану Джону Элтону начать строительство нового центра, который должен был впредь именоваться Оренбургом. Военный инженер майор Ретиславский был оставлен тут же для составления плана города, тогда как остальные члены отряда отправились в Озерную. Разместив там дополнительно еще 100 человек драгун и 100 казаков, Татищев направился далее в Оренбург.

Хотя Татищев и намеревался в первый свой приезд найти более удобное место для города, он все же посвятил некоторое время улучшению условий в уже построенном городе. Он назначил Ивана Рычкова, отца будущего историка Оренбурга, управляющим торговыми делами города, а также поручил ему составить торговый устав и книгу тарифных инструкций; однако Рычков умер до завершения начатого дела. Затем

¹ Там же. С. 362. См. ПСЗ. Т. 10. С. 411 — 416.

Татищев осмотрел укрепления, о которых писал:

«По прибытии моем здешнюю крепость нашел я в ужасном состоянии: оплетена была хворостом и ров [лишь] полтора аршина шириною [примерно 3,5 фута]; а сажень на 50 [приблизительно 350 футов] и рва не было, так что зимою волки в городе лошадей поедали»¹.

Декабрьское совещание 1737 года

Ввиду того, что переговоры с башкирами в течение зимы 1737—1738 гг. оказались малоэффективными, Татищев решил прибегнуть к тактике, применявшейся им в прежних случаях и находившей понимание среди башкир, а именно: освобождение предводителей, содержащихся под арестом с тем, чтобы они попытались уговорить своих сторонников принести повинную. Эта тактика оказалась безрезультатной². В то же время башкирские предводители обратились к русским со своими условиями перемирия. Обсудив этот вопрос с подчиненными, Татищев решил провести еще одно совещание «к разсуждению и общему определению о прекращении бунта башкирского и предосторожности впредь от смятения и на верных Е.И.В.—ва подданных нападения»³.

Совещание было созвано в декабре. Заручившись поддержкой чиновников в Санкт-Петербурге, он приступил к осуществлению предлагавшихся им мер и мероприятий. Прежде всего он составил перечень наиболее существенных жалоб башкир на русскую администрацию и сделал некоторые уступки⁴. Он пообещал покончить со злоупотреблениями и взять точничеством правительственных чиновников, осо-

бенно Уфимского воеводы Шемякина и тех сборщиков налогов, которые по слухам, вымогали деньги и товары у башкир. В будущем, обещал Татищев, эти чиновники будут подлежать более тщательному надзору со стороны Казначейского Приказа. Что касается ясачного сбора, им был сделан ряд уступок и контрпредложений. Из-за трудностей и лишений военного времени было решено в тот год ясак не собирать. Впоследствии же сбор ясака и его доставку в административные центры предполагалось возложить исключительно на башкирских старшин, в случае же задержки с доставкой ясака, сбор последнего будет поручен русским чиновникам. В этом случае не уплачивавшие сбор волости должны заплатить дополнительную сумму из расчета 2 рубля на версту перевозки и 3 рубля на день для каждого солдата, занятого сбором.

Вследствие жалоб башкир на трудности доставки ясака на большие расстояния в отдаленные административные центры, русские предложили построить почтовые дороги со станциями через каждые 18—25 верст. За пользование этими сооружениями с башкир должна была взиматься незначительная сумма.

Татищев оставался непреклонным относительно вопроса об уплате штрафа лошадьми. Он настаивал, чтобы каждый, кто воевал против русских, отдал одну лошадь со двора. В случае крайней нужды была возможна отсрочка уплаты штрафа, если старшины ругались за последующую ее уплату.

Как только будет восстановлено спокойствие в крае, башкирам будет разрешено ездить на Урал для добычи соли, при условии получения ими прежде разрешения в Оренбурге или другом городе на этой реке. Для защиты своей монополии на промысел соли правительство запретило им продавать соль в русских деревнях под угрозой наложения штрафа.

Башкиры просили учредить в Уфе судебный орган, в который они могли бы обратиться. В ответ башкирам Татищев сказал, что Уфа слишком удалена

¹ Рычков П.И. История ... С.40—41 и сл. Соловьев С.М. Т.4.С.1550.

² Материалы БАССР.Ч.1.С.360—361,365.

³ Дела Сената по Оренб. губ.—нии. Кн.3/134.Л.823. Цит.—ся по Устюгов Н.В. Восстание.С.87. См. также: ПСЗ.Т.10.С.411—416.

⁴ Материалы БАССР.Ч.1.С.362—365.

от многих окраин и что сосредоточение рассмотрения всех дел в одном городе станет непосильной ношей для единственного суда. Он обещал основать суды по всей Башкирии. Центральный суд в Уфе должен был стать апелляционным.

Татищев согласился снять с башкир ответственность за уплату штрафов и других обязательств жителями края небашкирской национальности при условии, что башкиры не будут больше принимать новых переселенцев. Эта давнишняя проблема особенно остро стояла в XVII веке и первой четверти XVIII века, когда мигранты татарского и финно-угорского происхождения со Средней Волги выступали на стороне башкир в антирусских восстаниях. Однако те русские крестьяне и солдаты, которые бежали в Башкирию, уклоняясь от уплаты повинностей, подлежали учету и обложению штрафом. Хотя в 30-е годы XVIII века в волнения было вовлечено главным образом башкирское население края и переселенцы мало помогали восставшим, Татищев не хотел, чтобы Башкирия оставалась прибежищем для беглого люда.

В ряде пунктов Татищева речь шла о тех небашкирских народах, которые оказали поддержку правительству в его борьбе против башкир: мещеряках, тептярях и бобылях. Те переселенцы, которые обрбатывали землю башкир, по договору или без такового, подлежали освобождению от повинности по уплате ясака своему землевладельцу — башкиру до тех пор, пока они не оправятся от разорения, причиненного войной, и впредь все они должны были заключать договоры, в которых особо оговаривались их обязательства. Татищев, осуществляя политику, начатую ранее Кирилловым, настоял на том, чтобы мещерякам было пожаловано право владения землей, которую они занимали, в награду за их верное служение режиму. Он также выступал за то, чтобы их навсегда освободить от уплаты оброка, однако они не должны были захватывать новые земли. С целью

предотвращения в будущем споров башкиры и мещеряки должны были заключать письменные соглашения относительно границ отчужденных земель.

Вопрос о землях башкир, занятых русскими под строительство крепостей, должен был быть отложен до восстановления спокойствия в крае. Сумму ясака с этих земель следовало взимать со всего окрестного населения пропорционально его составу. В будущем, в случае признания ненужности той или иной крепости, земельная собственность подлежала возврату прежним владельцам. Этот пункт был включен в ответ на протесты башкир о том, что вдвойне достойно осуждения сначала захватывать у них земли, а за тем с них же требовать выплаты ясака с этого участка.

Татищев также отмечал, что русская администрация края была наводнена жалобами башкир на их же сородичей, т.е. башкир же, по вопросам определения земельных границ. Для того, чтобы исключить в будущем такую путаницу, он повелел оформлять все новые дела документально, в присутствии свидетелей и должным образом регистрировать чиновниками русской администрации.

Документ Татищева завершался угрозой применить силу оружия в случае, если башкиры не примут к рассмотрению эти «разумные условия».

Однако противостояние обеих сторон уже успело зайти слишком далеко. Ни что другое, кроме ухода русских из Башкирии, уже не смогло бы удовлетворить восставших. Русские же не собирались отказываться от владения потенциально богатой колонией. То, что русским казалось разумными условиями заключения перемирия, башкирам предоставлялось либо мелкими уступками, либо же отсутствием последних вообще. Колониальные войны очень трудно поддаются урегулированию, они обречены на неразрешимость. Сибирские башкиры ответили на меры правительства весной 1738 года началом решительного наступления на русских и их союзников в Баш-

кирии. Татищев и его помощники продолжали — без особых успехов, кроме как при помощи военно — силовых методов — искать другие способы разрешения сложной башкирской проблемы.

Выехав из Самары в конце декабря, Татищев прибыл в Уфу для того, чтобы быть ближе к центру местности, охваченной восстанием. Как и обещал башкирам, он расследовал деятельность Уфимской администрации, найдя положение дел настолько не — удовлетворительным, что он вынужден был снять во — еводу Шемякина с поста и арестовать его. Вместо него был назначен воеводой полковник армии Мар — таков. Татищев находился в Уфе в течение января — февраля для руководства кампанией. Его действия возымели лишь частичный успех, так как к нему ста — ли обращаться с жалобами некоторые башкиры; но он не дождался их предводителей. Последние прислали ему письмо с требованием освободить Кильмяка, Юсупа и Акая. На большом собрании башкир, со — званном для обсуждения декабрьских условий, боль — шинство было склонно принести повинную, однако Бепене Трупбердину с Сибирской дороги и Султану Арасланбекову с Ногайской дороги удалось убедить их продолжить войну. Для того, чтобы обезопасить безопасность тех вождей, которые уже содержались под арестом, Татищев отослал их в Казань, позднее же их переправили в Санкт — Петербург¹.

Казахское вторжение в Башкирию

Война вступила в новую фазу с момен — та вовлечения в башкирско — русский конфликт ка — захов под предводительством Абулхаира. Длительное противодействие башкир являлось частично резуль — татом решения Татищева, принятого им поздней осенью 1737 года, использовать казахов для подавле — ния башкирского восстания. Трудно судить, почему Татищев поступил таким образом, тогда как русские

обычно старались не вовлекать казахов в башкирские дела. Несмотря на принятую присягу верности, каза — хи не являлись русскими подданными. Решение Та — тищева скорее свидетельствовало о его отчаянии и стремлении как можно быстрее подавить бунт. К осени основная масса башкир была уже готова пре — кратить бесполезную борьбу, однако Бепеня и еще несколько стойких предводителей уговорили башкир продолжить борьбу¹. Переговоры с их вождями не дали никаких результатов. Они избегали столкнове — ний с силами русских. Татищев надеялся на то, что казахам удастся склонить главарей башкир к прине — сению повинной. По иронии судьбы, усилия казахов возымели действие, однако не то, какого ожидали русские — среди предводителей башкир усилилась воля к оказанию сопротивления русским.

С военной точки зрения казахи не могли оказать русским сколько — нибудь значительного содействия. По призыву Татищева партия численностью около 1000 казахов под предводительством князя Шемамета (Шах Мехмет) вступила в Сибирскую Башкирию. Шемамет недальновидно разделил свои силы и был наголову разбит башкирами². Призвав на помощь Абулхаира, Татищев скорее усложнил башкирскую проблему, чем разрешил ее. Весной, когда башкиры стремились заручиться поддержкой Абулхаира, вме — шательство казахов в башкирские дела было воз — можным, но все же маловероятным. Однако, когда Татищев обратился к Абулхаиру с просьбой об уча — стии в подавлении башкир, он тем самым открыл ящик Пандоры. Во время предварительных перего — воров Абулхаир проявил заинтересованность в этом деле, однако потребовал отдельно оплатить поимку каждого главара башкир. В сентябре 1737 года Тати — щев направил к нему для переговоров майора Г.Л.Останкова, наделив его полномочиями обещать от

¹ Материалы БАССР. Ч.1. С.308 — 310,342,345 — 346,355 — 356.

² Устюгов Н.В. Восстание. С.80/ цит-ся след. док — т: По Кабинету. Кн.87/1164.Л.984. прил. — 985.См. также: Материалы БАССР. Ч.1. С.340 и сл.

¹ Там же. С.355-356. Рычков П.И. История. С.32 — 33; ПСЗ. Т.10. С. 168 — 170.
178

его имени заплатить за каждого пойманного крупного предводителя башкир от 60 до 100 рублей. Он сообщил в Санкт-Петербург, что «убыток меньше, нежели воевать, да и пресечь войну скоряе надежно»¹.

В начале ноября Абулхаир вторгся в пределы Сибирской Башкирии с небольшой свитой (количество его сообщников оценивается по разному: от 20 до 60 человек) и пребывал там на протяжении зимы 1737—1738 гг.². Сначала он был верен слову, данному им русским. Согласно донесению, он послал воевать с башкирами отряд из 1000 казахов. Вплоть до конца февраля поступали сообщения о том, что Абулхаир «обращает ныне бунтующих башкирцов на истинной путь попрежнему в подданство Е.И.В — ва»³. К несчастью для русских, находясь в Башкирии, хан встретил Бепеню Трупбердина, который постепенно склонил казахского предводителя на сторону башкир.

Изменение отношения Абулхаира к русским стало очевидно в феврале, когда во время встречи с Арсланом Бехметевым, переводчиком Башкирской Комиссии, Абулхаир передал Татищеву просьбу «чтоб со оных бунтующих башкирцов под караулом — Кильмяка абыза с товарысчи — освободить»⁴. Эта просьба хана была ничем иным, как давнишним требованием восставших башкир. Бепеня и некоторые вожди башкир, присутствовавшие на встрече Абулхаира с Бикметевым, отрицали право русской администрации взимать штрафных лошадей, и этот штраф считали главным препятствием к принесению повинной. Бепеня говорил, что

«ежели де будет требоватца с них штрафные лошади, бутто за вины их, то де они в подданство Е.И.В — ва с повинною не придут, понеже де оне на себя никакой вины не признавают, а в указах и в других письмах пишут их ворами, а

¹ Материалы БАССР. Ч.1. С.360,344.

² Рычков П.И. История. С.32; Устюгов Н.В. Восстание. С.94. Материалы БАССР. Ч.1. С.340—341,360,365.

³ Материалы БАССР. Ч.1. С.360.

⁴ Там же.

зачем, того они не знают»¹.

Вновь башкиры настаивали на своем праве отказаться от русского сюзеренитета и даже рассматривали возможность перехода башкир под покровительство казахских ханов. Ввиду того, что политические взгляды башкир и казахов были схожими, а также того, что Абулхаир принес клятву верности русским фактически на тех же условиях, что и башкиры, он встал на сторону башкир.

В марте сакмарский казак Кубек Байназаров, посетивший Абулхаира по приказу Татищева, доносил, что хан совершенно попал под влияние башкирских старшин. Последними было оказано определенное давление на казахского вождя и это при том, что и сам хан не питал особо теплых чувств к русским, о чем свидетельствовало его прибытие в Башкирию лишь с небольшим отрядом, а не огромной армией. Вследствие немногочисленности своей свиты Абулхаир зависел от башкир в материальном отношении, так как не имел запасов провианта и другого снаряжения. Для того, чтобы крепче привязать хана к себе, башкиры уговорили Абулхаира жениться на башкирке. Наконец, вследствие того, что Абулхаир был неграмотен, вся переписка между ним и русскими проходила через руки башкир, которые истолковывали ее по своему желанию. Получив недобрую весть об измене хана, Татищев направил ему письмо с просьбой приехать в Оренбург. В своем донесении императрице от 4 марта 1738 года он писал, что в поведении Абулхаира видит «не столько коварства, сколько глупости»². Теперь — то Татищев осознал, что ему не следовало вовлекать Абулхаира в противостояние между башкирами и русскими; ему лишь оставалось сожалеть о своем опрометчивом решении обратиться к казахам.

Башкиры все чаще и чаще стали обращаться к казахам за помощью. Многие из них бежали на юг,

¹ Там же. С.360—361.

² По Кабинету. Кн.90/1167.Л.225 об. Цит — ся по: Устюгов Н.В. Восстание. С.97.

чтобы соединиться там с казахами. Предводители башкир Ногайской и Сибирской дорог отправили послов в Малую и Среднюю Орду с просьбой о военной помощи и предложениями о принятии казахского подданства. По причине двусмысленного положения Абулхаира, Малая Орда не оказала существенной поддержки башкирам, однако Средняя Орда изъявила желание им помочь. Хан этой орды Барак даже направил в Башкирию двенадцатилетнего сына Шигаея в качестве претендента на ханство в Башкирии. Абулхаир встретил мальчика во время своего зимнего пребывания среди башкир, однако уговорил его уехать по причинам, которые будут изложены ниже.

В феврале, несмотря на продолжение переговоров об условиях принесения повинной башкирами, Татищев стал получать из отдаленных крепостей и от шпионов сообщения, из которых явствовало, что башкиры не прекратили свою борьбу. В большинстве донесений сообщалось о нападениях на деревни «верных» башкир и мещеряков, однако к апрелю стало ясно, что русским не избежать нападений. Поскольку первые удары повстанцев в начале весны не были направлены на русских, Татищев все еще надеялся, что удастся прийти к соглашению с ними. Соймонов был менее оптимистичен. Он полагал, что единственным выходом из создавшейся ситуации было искоренение мятежников, и 5 апреля он доносил в Сенат:

«как скоро трава покажется, со всею своею командою на них пойду от Уфы и от Табынска, а с сибирской стороны предложу к полковнику Арсеньеву, чтоб он чинил над ними поиск, а с Яицкой стороны имеет с командою итти тайной советник Татисчев»¹.

В апреле и мае башкиры вновь установили контроль над большей частью Ногайской и Сибирской дорог². Вспышка активности повстанцев чуть было не

¹ По Кабинету. Кн.90 /1167.Л.502, цит.-ся по работе: Устюгов Н.В. Восстание.С.104.

² Материалы БАССР.Ч.1.С.370–372.

поколебала взглядов Татищева, и он стал склоняться к мысли об отмене штрафа лошаадьми. В письме к императрице от 9 мая он упоминал о возможности этой уступки, однако далее отмечал, что применение силы будет, по всей вероятности, более целесообразным средством.

В этот момент действия Абулхаира еще более осложнили обстановку. Приняв сторону восставших башкир, он начал нападать на тех их сородичей, что воевали на стороне русских. Одновременно, стараясь сохранить видимость того, что он якобы поддерживает русских, Абулхаир выступил на юг к Оренбургу вместе с несколькими предводителями башкир¹. Комендант Оренбурга Останков, опасаясь этого угрожающего маневра, встретил хана и укорил его за то, что он поддерживает врагов русских. Абулхаир же, по свидетельству Останкова, вынул свой меч и сказал: «Город де мой и для меня построен. А кто не послушает, тому голову отрублю»².

Несмотря на свое сочувственное отношение к башкирам, Абулхаир все еще колебался, опасаясь полностью перейти на их сторону. Он также не привел с собой казахское войско, что означало бы объявление войны русским. О его колебаниях и нерешительности свидетельствует письмо Бепени Абулхаиру, которое было перехвачено и оказалось в руках Татищева. Бепеня просил у хана дальнейшего содействия, однако, очевидно, не был твердо уверен в своем успехе, ибо он, обратившись к нему «Наш царь», добавлял: «а буде ты к нам не будешь, то мы на вас не надежны будем»³. Как бы то ни было, Абулхаир все же обдумывал возможность открытого выступления на стороне восставших башкир, которые видели в нем единственную надежду на избавление от русского господства. Он обещал отправить посольство в Ка-

¹ Там же.Ч.1.С.368–369; Устюгов Н.В. Восстание.С.106 (цит.-ся По Кабинету.Кн.90) 1167.Л.533.

² По Кабинету, кн. 90/1167.Л.523, цит.-ся по Устюгов Н.В., Восстание. С105.

³ Там же.Л.555 (Цит.-ся по тому же источнику.С.106).

захстан за своим сыном Хаджи Ахметом, которого намеревался поставить ханом над башкирами. В ап-реле Кусяп Салтангулов, главный предводитель башкир Ногайской дороги, встретился с Абулхаиром под Оренбургом. Он должен был встать во главе башкирского посольства к казахам и доставить Хаджи Ахмета. Об этих планах стало известно коменданту Оренбурга Останкову, и он решил отправить Абулхаиру приглашение посетить город и принять участие в предстоящем русском празднике. С помощью муллы, состоявшего переводчиком при сыне Абулхаира султана Ерали, который тогда содержался в Оренбурге заложником, Останкову удалось заманить в город хана и находившегося при нем 20 человек свиты, среди которых был и Кусяп Салтангулов. Как только отряд Абулхаира вошел в город, Кусяп был схвачен и заключен под стражу. В ходе допроса выяснилось, что ранее Абулхаир посоветовал башкирам отослать Шигая, сына хана Средней Орды Барака, обратно домой к отцу и пообещал прислать им в ханы своего собственного сына Хаджи Ахмета. Вероятно, среди различных групп башкир существовали определенные разногласия по вопросу избрания хана. В марте майору князю Путятину стало известно от других пленных башкир, что некоторые их сородичи, отчаявшись получить поддержку от нерешительного Абулхаира, обратились к хану Бараку с просьбой вновь прислать им своего сына Шигая¹.

Русским войскам, сосредоточенным в этом регионе, и испытывавшим большие трудности, было крайне необходимо изолировать башкир в их борьбе. Если бы восставшим удалось найти сильного союзника, то для русских это могло иметь катастрофические последствия. Татищев, опасаясь серьезного осложнения ситуации в случае, если Абулхаир решится открыто встать на сторону повстанцев, очень осторожно обращался с ханом. Он отказался от своего прежнего требования личной явки повстанческих

вождей из окружения хана в русские административные центры для принесения присяги верности режиму, разрешив им оставаться с Абулхаиром. Тем не менее, он решил ввести в Оренбург отряд казаков.

Когда Абулхаир узнал о приближении казаков, он предложил казахским старшинам выступить на стороне башкир против русских. Однако он получил резкий отпор со стороны батыра Джанибека из Средней Орды и других влиятельных казахов, грозивших восстать против него. Впоследствии когда Татищев встретился летом с Абулхаиром и беседовал с ним, ему стало известно о разногласиях среди казахских предводителей. В этой связи он писал, что казахи не особенно прислушиваются к мнению своих ханов, и что «более всех силы имеют Средней Орды Джанибек — батыр ..., а в Меньшей Орде — Букенбай — батыр и несколько других...» Татищев добавлял: «на оных [последних] более, нежели на ханов и салтанов надеяться можно»¹.

Нежелание этих казахских вождей обострять отношения с Россией становится понятным, если принять в расчет первоначальную причину сближения казахов с русскими — давление со стороны джунгар. В 1738 году Галдан — Церен вновь стал теснить казахов с востока. В Оренбурге Останкову донесли, что у казахов побывали посланцы джунгарского владетеля

«с требованием, чтоб все их возвратили [т.е. возвратили имущество, захваченное во время взаимных набегов — Н.У.]. А оной де Галдан — Чирин около Ташкента Большую Киргиз — Кайсацкую Орду раззорил и от Ташкента отогнал, которая де тажож к Оренбургу прикочевала»².

Казахи не могли себе позволить ввязаться в русско-башкирский конфликт перед лицом этой грозной опасности с востока. К июню Абулхаир перестал

¹ По Кабинету. Кн.90/1167.Лл.696 об., — 697 (цит — ся по работе: Устюгов Н.В. Восстание.С.109).

Там же.Л.562 прил. (цит — ся по тому же источнику.С.110).

¹ Материалы БАССР.Ч.1.С.370.

поддерживать башкир и спокойно ждал прибытия Татищева в Оренбург.

В середине марта Татищев вернулся в Самару и затем намеревался поехать с инспекцией в Оренбург для руководства такими делами, как укрепление Оренбургской линии и обеспечение выезда Абулхаира из Башкирии. Попутно он обнаружил, что казахи, помимо вмешательства в дела башкир, также ведут войну с калмыками¹. Оправившись после непродолжительной болезни, Татищев энергично приступает к осуществлению своих планов. Примерно 2 июня Татищев перебрался в свой лагерь за рекой Самарой, несмотря на нехватку средств в Оренбургской Комиссии и неразбериху в администрации своей команды. Не дожидаясь запасов из Нижнего Новгорода и Москвы, он отправился в Оренбург. По пути он принял верного башкирского тархана Таймаса Шаимова и уральского казака, ранее отправленного к казахам для приглашения Абулхаира и его свиты на совещание в Оренбург. Эти послы сообщили Татищеву, что Абулхаир очень встревожен слухами о том, что Татищев движется к Оренбургу с большой армией в составе 6000 калмыков. Таймас попытался убедить хана в том, что он может рассчитывать на милость Ее Величества, однако Абулхаир не надеялся получить прощение. Вместе с группой Таймаса он направил к Татищеву своего представителя для выяснения его намерений и уточнения истинного количества калмыков, которые были с русскими. Слухи оказались сильно преувеличенными: калмыков было всего лишь 200 человек. Татищев с большой пышностью вступил в Оренбург около середины августа под звуки приветствовавших его орудийных залпов. Таймас был тотчас же отправлен к Абулхаиру с просьбой попрощаться с приездом.

16 и 18 числа Татищев устроил прием в честь Ерали — султана, сына Абулхаира, все еще содержавшегося в Оренбурге в качестве заложника. Он одарил

его подарками и 19 числа вновь направил Таймаса к хану с заверениями в добрых намерениях русских. 31 июля Абулхаир со своею свитою подошел к городу и стал лагерем в окрестностях. Хан все еще не решался войти в город, сознавая, что он скомпрометировал себя своими недавними отношениями с башкирами. Наконец, после того, как к нему прибыл с подарками и приглашениями к беседе геодезист Норов, Абулхаир согласился устроить встречу двух небольших групп с той и другой стороны на некотором расстоянии от города. Тевкелев привел к месту встречи несколько человек. Все еще не веря русским, хан попросил устроить еще одну такую встречу с Татищевым. Тевкелев отказал ему в этом и после некоторого увещания сумел убедить хана в том, что ему ничего не грозит в Оренбурге.

По случаю прибытия в Оренбург хана и его свиты был выстроен почетный караул с оркестром, произведен артиллерийский залп и устроен праздничный смотр русских войск. Абулхаир был встречен Татищевым и подчиненными ему офицерскими чинами при полном параде. Во время церемонии встречи Абулхаир произнес речь на татарском языке, ответную же речь на русском языке держал Татищев. По завершении формальной процедуры, оба сели за стол, накрытый в честь высокого гостя, за едой хан вновь подтвердил свою присягу на верность русской государыне. Затем хана провели в другую комнату, где он встретился со своим сыном Ерали. За обедом Татищев и хан имели продолжительную беседу. Татищев не скупился на лесть и похвалы, отмечая, что хан оказался гораздо мудрее своих советников. Были провозглашены тосты во здравие императрицы, ее семьи, Абулхаира и его семьи и многих других деятелей. Сын Абулхаира Нурали, который из-за болезни не смог приехать ранее с отрядом хана, прибыл 4 августа. После еще одной пышной церемонии приема он также был приведен к присяге. Обе стороны решили обменять Ерали на третьего сына Абулхаира, султана

¹ ПСЗ.Т.10.С.614–618.

Хаджи Ахмета, который должен был остаться в Оренбурге в заложниках. Имело место еще несколько бесед как в присутствии третьих лиц, так и с глазу на глаз, в ходе которых обсуждались торговые отношения и содействие казахов в охране караванов, направляющихся в Среднюю Азию. 28 августа русские преподнесли знатым казахам подарки общей стоимостью 2000 рублей. На следующий день Татищев лично посетил лагерь Абулхаира, где и был принят с большой торжественностью.

Кампания лета и осени 1738 года

Пытаясь разрешить башкирскую проблему, Татищев все же продолжал вести против башкир военные действия. Он послал роту регулярных войск и 600 человек казаков под командованием подполковника Пальчикова в Ногайскую и Сибирскую дороги. Он приказал капитану Джону Элтону исследовать верховья реки Урал для выяснения возможностей развития здесь судоходства. В то же самое время Тевкелев в Сибирской дороге был занят строительством крепостей Уклькарагайск, Еткульск и усовершенствовал Верхнеуральскую пристань. К концу августа Татищев отправился обратно в Самару, остановившись попутно для осмотра Губерлинска. Затем он отправил в Кабинет отчет о своей деятельности¹.

На севере края летом энергичную кампанию против восставших развернул Соймонов. Выступив 10 мая из Мензелинска, 19 июня он уже прибыл в Табынск. Сеит-бай и Рысай-бай, предводители башкир Ногайской дороги, опасаясь разгрома повстанцев, решили идти с повинной. Прежде всего, они послали своих сыновей и родственников в Табынск с просьбой о помиловании и для выяснения того, будут ли они арестованы в случае явки. Соймонов отослал этих представителей обратно и потребовал, чтобы вожди явились лично. Все еще сомневаясь, стоит ли идти в

Табынск, Сеит-бай и Рысай-бай направили к Татищеву посла с предложением, чтобы Соймонов прислал представителей для встречи с ними на расстоянии 10 верст от Табынска. В этой просьбе им было отказано. Понимая, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, оба предводителя, наконец, предстали в Табынске перед Соймоновым. Здесь им было сказано, что они не заслуживают никакой пощады, однако императрица с материнской добротой печется о своих подданных и поэтому прощает их. Они были освобождены и им было разрешено вернуться в свои дома после уплаты штрафа. Мотивы этого гуманного поступка вполне очевидны, это были первые из крупных предводителей башкир, решившиеся на добровольную явку. Русские полагали, что доброе обращение с ними произведет большое впечатление на тех, кто все еще продолжал борьбу, они, возможно, будут более расположены принести повинную. Это было весьма желательно, так как все еще продолжалась русско-турецкая война, и быстрое окончание башкирской войны сделало бы возможным переброску войск из Башкирии на южные рубежи. Великодушие русских возымело долгожданный эффект. Многие башкиры стали приходиться с повинной. Хотя движение, казалось, пошло на убыль, Соймонов полагал, что все еще есть необходимость в решительных действиях, и он стал посылать карательные отряды для преследования оставшихся мятежников. Один отряд из 3000 человек под командованием майора Лютина вторгся в долину реки Ай, являвшуюся центром сопротивления башкир, для искоренения тех, кто не явился с повинной. В начале июня полковник Арсеньев, ныне командующий русскими войсками в Зауралье, послал партию в 2500 человек против повстанцев, насчитывающих 2000 человек. Однако ни той, ни другой стороне не удалось добиться успеха: башкиры отступили в труднодоступную горную местность. Теперь на башкир наступали с юго-востока войска Соймонова и с востока силы Арсеньева.

¹ ПСЗ.Т.10.С.614–618; Рычков П.И. История.С.41

28 июня Татищев, направлявшийся тогда в Оренбург, докладывал из Сакмарска, что ситуация благоприятствует русским. Многие предводители башкир Сибирской дороги возобновили переговоры о принятии повинной. 17 августа Соимонов писал Татищеву, что Сеит-бай, Рысай-бай, Юдаш-мулла, Мандар и Тюлкучура явились сами с повинной. Кусяп все еще отказывался принести клятву верности императрице, однако содержался в Оренбурге под стражей.

Из видных башкирских деятелей лишь Бепеня продолжал борьбу. Когда вожди Сибирской дороги явились с повинной, он еще раз попытался обратиться за помощью к казахам. С этой целью он отправил своего сына Баязита с посольством к хану Бараку со Средней Орды. По дороге туда он попал в лагерь батыра Джанибека, одного из убежденных сторонников русской ориентации в Средней Орде. Выяснив цель, с которой Баязит направлялся к Бараку, Джанибек сказал: «по всему видно, что вы воры: уведав, что мы уже присягу Е.И.В-ву учинили, хотите и нас такими же ворами сделать, как сами».

Он схватил Баязита и сообщил об этом Татищеву, а также стал ждать от него указаний. Татищев распорядился прислать Баязита к нему. Позднее Баязиту удалось бежать из казахского плена, и когда он вернулся к Бепеню с плохим известием, о постигшей его неудаче, последнему ничего не оставалось, кроме явки с повинной. Сделал ли это он добровольно или нет, неизвестно. Некоторые сведения указывают, что другие башкирские предводители, очевидно, устав от войны, возможно, выдали Бепеню русским в октябре месяце. К осени большинство вождей антирусского сопротивления уже принесли повинную или же были схвачены, однако несколько непримиримых деятелей из их числа все еще продолжали борьбу.

Хотя Татищев и признавал, что суровость мер, принятых в отношении башкир в 1735–1736 гг. вынудила их продолжить борьбу в 1737 году, он все еще

считал необходимым казнить предводителей повстанцев. Поэтому, например, когда в его руки попал Бепеня Трупбердин, он приказал подвергнуть его самой мучительной и жестокой казни — колесованию. Предводители башкир, оскорбительно именовавшиеся русскими закоренелыми бунтовщиками и преступниками, время от времени предстают из своего призванного существования в документах прошлого как решительные люди, сражавшиеся не на жизнь, а на смерть за то, чтобы сохранить свои вотчинные земли и традиционный жизненный уклад.

Возвратившись в Самару, Татищев занялся приготовлениями к еще одной кампании, которая должна была начаться следующим летом. В феврале 1739 он писал в своем докладе императрице:

«две опаснейшия — Казанская и Нагайская дороги так разорены, что едва половина осталась, а протчия — Уфимская (Осинская — Н.У.) и Сибирская дороги — хотя не столько людей пропало, однако ж у всех лошади и скот пропали, деревни позжены, и, не имея пропитания, многие з голоду померли»¹.

Он неустанно ратовал за строительство все новых и новых крепостей. В 30 верстах от Оренбурга Татищев основал крепость Губерлинск и поселил регулярный полк уральских казаков.

Вернувшись в Сакмарск, он провел еще одно совещание со своими офицерами для обсуждения вопроса перевода Оренбурга на новое место. Тем временем прибыл Норов, топограф и посол к казахам, с сообщением от султанов Аблая и Абдул-мамета со Средней Орды о том, что они не смогут встретиться с Татищевым этим летом, поскольку они находятся слишком далеко от Оренбурга на реке Иртыш. Однако султаны подтверждали свою верность императрице и обещали прибыть на совещание в следующем году.

Татищев выехал из Сакмарска 9 сентября 1738

¹ По Кабинету. Кн. 106/1183.Л.84.об.(цит-ся по работе: Устюгов Н.В. С.124).

года и отправился далее в Самару, осматривая по дороге новые крепости. На реке Елшан он приказал построить еще один укрепленный пункт под названием Елшанск. 19 сентября он прибыл в Алексеевск, в 25 верстах от Самары, и, не заезжая в нее, направился на место возведения Ставрополя. Там он осмотрел укрепления и назначил подполковника Змеева начальником Комиссии Калмыцких дел. Завершив свое путешествие по Волге на легких лодках, Татищев прибыл в Самару в конце сентября, где и остался на зиму для подготовки новых проектов.

Отставка Татищева

В начале января 1739 года Татищев получил приказ императрицы прибыть ко двору с докладом о своей деятельности. Он отправился с оказией, передав руководство делами полковнику Петру Дмитриевичу Аксакову, лейтенанту князю Белосельскому и майору Останкову. При дворе он доложил о результатах своей деятельности на вверенной ему территории. К своим достижениям Татищев относил следующее: перенос Оренбурга на новое место; доведение оборонительной линии вверх по реке Урал до Верхнеуральска и отсюда по реке Уй до Царева, а также в другом направлении от Оренбурга вдоль реки Самара; размещение вдоль реки гарнизонов и вновь организованных ланд-милицких полков; развитие торговли с казахами и со Средней Азией; действительное подчинение казахов Русскому государству и окончательное умиротворение башкир.¹

В дополнение к докладу Татищев представил двору предложение, уже давно занимавшее его ум: способ военной организации башкир наподобие казачьего войска с целью направления военной энергии башкир по руслу, способному принести большую пользу для русской администрации. Его предложени-

ем предусматривалось создание семи полков: два полка должны были комплектоваться из выходцев Зауралья или Исетской провинции, четыре — из населения Уфимской провинции и один из Оренбургской губернии. Шесть полков должны были состоять из башкир и один полк из мещеряков. Вместе с этим Татищев предлагал пересмотреть практику пожалования тарханских званий. Кириллов произвел в тарханы многих башкир, принимавших участие в работе Оренбургской экспедиции в начальный ее период. «По причине бывшего бунту» Татищев рекомендовал «отрешить» прежних тарханов, а ряду же более достойных лиц пожаловать этот титул и привилегии¹.

К своему несчастью, Татищев успел нажить себе много врагов и на него поступил ряд жалоб. Его удерживали в Петербурге в ожидании расследования. Присущая его характеру неуживчивость приводила к разладу с коллегами. Когда он был начальником Сибирских и Казанских казенных заводов, он восставил против себя местных чиновников и купцов. Никита Демидов, знаменитый уральский предприниматель, жаловался Петру Великому, что Татищев берет взятки. Будучи начальником Оренбургской комиссии, он слишком сурово обращался со своими подчиненными; так, он отдал Шемякина под суд за взяточничество и выступал против вице-губернатора Уфы П.Д. Аксакова. Тевкелев также отвернулся от него и написал рапорт Бирону² о нарушениях, имевших место в администрации Татищева. Требуя безупречного поведения от других, сам Татищев, как и многие чиновники в XVIII веке, принимал подношения.

Бирон передал расследование обвинений, выдвинутых против Татищева, графу Михаилу Головкину, который писал ему в марте 1739 года:

¹ Устюгов Н.В. Восстание. С.128 (Цит-ся работа: По Кабинету. Кн.106) 1183 Л.92—93.

² Эрнст Иоганн Бирон, по происхождению прибалтийский немец, из Курляндии, который пользовался большим влиянием при дворе императрицы Анны, являясь ее фаворитом. Он не являлся русским подданным и официально не занимал никакого поста.

¹ Рычков П.И. История. С.42—44.

«Пред недавним временем изволил ваша светлость со мною говорить о Василье Татищеве, о его непорядках и притом изволил мне призывать, что к тому пристойно, о том бы надлежащим порядком я представил... Я из этого дела усмотрел два вида: 1) о непорядках, нападках и взятках Василья Татищева; 2) что он, Василий Татищев, еще не поставил на мере, где Оренбургу быть пристойно»¹.

Бирон не стал особенно вникать во второй пункт обвинений против Татищева. На основании первого Татищев был отстранен от командования Оренбургской комиссией. Соловьев утверждает, что Бирон не доверял Татищеву по причине того, что тот принадлежал к патриотически настроенным деятелям Русского государства, выступавшим против господствовавшего тогда при дворе немецкого влияния². Пункт о переводе Оренбурга на новое место, перечисляемый среди обвинений против Татищева, достаточно любопытен, если учесть тот факт, что Кабинет одобрил это его предложение. Это свидетельство отсутствия единого мнения в высших кругах, возможно, означает в случае отстранения Татищева превалирование каких-то других соображений, нежели его злоупотребления.

Недолгое пребывание Татищева на посту начальника Оренбургской комиссии оказалось слишком кратким для полного выявления всей степени одаренности этого человека. Даже будучи так сильно занятым башкирскими делами, отвечая за горнозаводскую промышленность в крае, стоя во главе Калмыцкой Комиссии, Татищев сумел внести вклад в развитие науки и образования. Он продолжал заботиться о школах, открытых им ранее в Екатеринбурге, а также основал еще одну школу в Самаре для

калмыков и татар. Он наладил перевод книг с азиатских языков на русский, а также способствовал составлению Русско—Татарско—Калмыцкого Словаря. Татищев как колониальный администратор является одним из великих деятелей российской истории XVIII века. Управляя Юго—восточным регионом империи на протяжении целого ряда лет, он занимал не один, а несколько весьма ответственных постов. Даже после судебного разбирательства он был отослан обратно на юго—восток в качестве астраханского воеводы. Он обладал на редкость богатым для того времени опытом ведения колониальных дел. Его интеллектуальные занятия и политическая деятельность не являются предметом настоящего исследования, однако их так же следует учесть при оценке его деятельности, какой бы она ни была.

В течение всего лишь двух лет своего правления в Башкирии в качестве начальника Башкирской и Оренбургской комиссии, Татищев продолжал политический курс Кириллова, однако он также значительно усовершенствовал целый ряд принятых ранее мер. Подобно Кириллову, он выступал за расширение сети крепостей в крае. К 1739 году стало ясно, что стремительно быстро наступает конец вольной жизни башкир. Только лишь один участок их границ оставался открытым: верхнее течение реки Урал от Верхнеуральска до крепости Орск у устья реки Орь. В скором времени предполагалось закрыть и этот стратегический путь.

Упрочившееся положение русских в Башкирии после Кирилова отразилось и в изменении методов управления при Татищеве. Первоначально Кириллов считал, что сумеет расширить масштабы деятельности Оренбургского проекта, в частности, допускал возможность продвижения сил русских в Среднюю Азию. Начало войны в Башкирии разрушило его замыслы, и он поставил своей целью беспощадное и как можно более быстрое подавление сопротивления

¹ «Записка Головкина». Цит—ся по Соловьеву С.М. Т.4.С.1604—1605.

² Соловьев С.М. Т.4. С.1606—1607; Витевский В.Н. С.161—163; Рычков П.И. История. С.42.

башкир. Перед Татищевым, возглавившим Оренбургскую комиссию, стояла уже другая первостепенная задача. Прежде всего он должен был умиротворить башкир. Имея перед собою пример Кириллова, который в течение двух лет пытался сделать это при помощи исключительно жестоких мер, Татищев, безусловно, осознавал, что необходимо искать другие, более эффективные средства. Будучи уверенным в более безопасном, чем ранее, положении русских в крае в результате возведения Кирилловым ряда крепостей, Татищев попытался смягчить суровые меры русского правительства в отношении башкир. В самый разгар военной кампании против башкир-повстанцев он заложил начало долговременной политики России по преодолению беспорядков в крае. Его курс был воспринят преемниками и продолжен.

Глава IX

Усмирение Башкирии

Угроза нового восстания

17 июня 1739 года новым начальником Оренбургской комиссии был назначен генерал-лейтенант князь Василий Урусов. При вступлении в должность он получил несколько тысяч рублей на оплату личных расходов и приобретение подарков казахским руководителям. Пока он получал инструкции по управлению краем и готовился к переезду в Самару, башкирские дела находились в ведении Соймонова, начальника Башкирской комиссии.

В то время Соймонов был занят подготовкой к проведению переписи — мероприятия, намеченного ранее Татищевым. В самом разгаре этой кампании, которая определенно должна была вызвать противодействие со стороны башкир, Санкт-Петербург приказал ему перевести некоторую часть его войск в регулярную армию из-за очевидной нехватки сил русских в Турецкой войне. Опасаясь того, что сокращение численности войск в Башкирии ослабит позиции русских в крае, Соймонов писал в январе в Кабинет:

«хотя башкирцы, видя В.И.В — ва оружие, на — ходятся спокойны, и ныне за помощью всемо — гусчаго творца обстоит благополучно, однакож я, как верный В.И.В — ва раб, чтоб впредь от них ничего противного не чаял, В.И.В — ву донести не могу, понеже всей Башкирии перепись... есче не сочинена. А егда они услышат о выводе

полков, то опасно, чтоб как лехкомысленной народ при переписии не пришли в сумнение и паки в замешание и бунт не вступили»¹.

Его опасения вскоре оправдались. Башкиры под предводительством Сеит-бая Алкалина, Тюлкучуры Алдагулова, Алландзиангула Кутлугузина и Юлдаш-муллы, т.е. тех вождей, которые сыграли выдающуюся роль в борьбе 1737—1738 гг. и которым было позволено мирно возвратиться в свои семьи после принесения повинной и уплаты штрафа, вновь стали спланиваться для оказания сопротивления русским. Некая группа башкир в Сибирской дороге протестовала против переписи на том основании, что последняя у них уже была произведена, «когда платили штрафных лошадей», и что новый учет населения, возможно, предпринимается с целью обложения башкир подушным налогом, «как в Казанском уезде чуваша подушные деньги платят». Они соглашались платить только старый ясак, «как платили деды и отцы их»². Решив оказать противодействие администрации по вопросу переписи, они предъявили и более ранние требования относительно отмены штрафных лошадей, а также расследования злоупотреблений местных правительственных чиновников. К марту их намерения были уже очевидны. Администрация решила отложить перепись до стабилизации обстановки в крае.

Следуя своим прежним обычаям, башкиры, возглавляемые Юлдаш-муллой, решили отказаться от русского подданства и искать себе новых правителей. Ввиду того, что на казахов рассчитывать теперь уже не приходилось, они решили обратиться за поддержкой к контайше Галдан-Церену, стоявшему во главе Джунгарской конфедерации, поскольку его народ в отличие от казахов не являлся даже номинально русскими подданными. Другие башкиры хотели покинуть Башкирию и жить в казахских степях. Однако ни тем,

ни другим их чаяниям не суждено было сбыться. К джунгарам можно было попасть только через земли казахов и с разрешения последних, но это было практически невозможно. В целом взаимоотношения башкир и казахов никогда не являлись дружественными, несмотря на имевшие место случаи мирного общения между некоторыми группами. Башкиры и казахи продолжали совершать набеги друг на друга, как и прежде, что видно из июньских донесений 1739 года¹. Беглые башкиры вряд ли могли рассчитывать на сочувствие со стороны казахов.

Летом и в начале осени 1739 года башкиры смогли оказать лишь слабое сопротивление русским. В августе была предпринята незначительная попытка открытого выступления, однако предводитель составших Тюлкучура был вскоре пойман. В сентябре он и Бепеня, в отношении которого смертный приговор откладывался со времени его поимки в 1738 году, были казнены, и новое восстание было задушено в самом зародыше². Теперь, когда сопротивление башкир было сломлено, Соймонов энергично принялся за осуществление переписи.

Генерал Урусов покинул Санкт-Петербург в июле 1739 года и в августе прибыл в Самару. В инструкциях перед ним было поставлено несколько задач: перенос Оренбурга на новое место, сооружение крепостей вдоль рек Урал и Самара, прекращение строительства Закамской линии, переброска ландмилицких полков на Оренбургскую линию, содействие развитию торговли в Оренбурге, предотвращение незаконной миграции внутрь края и улучшение отношений с казахами³.

Был решен вопрос о местоположении нового Оренбурга: город должен был строиться на Красной горе — местности в 250 верстах к западу от старого города, который должен был впредь именоваться

¹ По Кабинету. Кн. 106/1183. Л.145—145 об.,(Цит-ся по: Устюгов Н.В. Восстание.С.130.)

² Устюгов Н.В. Восстание.С.131,135. Цит-ся работа: По Кабинету. Кн. 106/1183 Л.237 — 238,369 об.,370.

Материалы БАССР.Ч.1.С.375.

² Там же. С.376.

³ ПСЗ. Т.10.С.867—871.

Орском. По плану Татищева новая оборонительная линия, состоящая из крепостей, редутов и сторожевых застав, должна была протянуться через южную границу Башкирии от Волги вдоль реки Самара к Уралу, вдоль Урала к Орску, вверх по Уралу к Верхнеуральску, затем вдоль реки Уй до г. Царева на реке Тобол, где и должна была соединиться с Сибирской линией, идущей через Южную Сибирь на восток.

Указ, предписывавший Урусову перевести ландмилицкие полки с Закамских крепостей на новую оборонительную линию, свидетельствует о значительном расширении границ России в результате осуществления Оренбургского проекта. За несколько лет граница была отодвинута на 500 верст к югу по сравнению с робкими шагами русских в предыдущем столетии, когда старая Закамская линия местами была продвинута лишь на несколько десятков верст.

Для поощрения торговли в Оренбурге Урусову было предписано обратить особое внимание на купцов из Азии и установить для них специальные низкие таможенные пошлины. В течение десяти лет уровень таможенных пошлин должен был устанавливаться в размере 3 коп. с 1 рубля, впоследствии же 5 коп. Этот тариф действовал лишь в случае, если иностранные купцы вели торговлю в Оренбурге. Если же купцы желали торговать в Самаре или других городах внутреннего рынка, то они должны были платить пошлину в обычном размере.

Во времена кирилловской администрации беглые крестьяне могли поступить на службу в казачье войско. Теперь, когда оборона края была организована лучше, беглецов обязаны были брать под стражу и возвращать их владельцам.

Отношения с казаками, как обычно, были нестабильными. Два русских каравана по пути в Ташкент подверглись нападению со стороны казахов. В то же время представители обеих орд — как Малой, так и Большой — обратились к русским с просьбой о принятии их в подданство России¹.

¹ Там же. С.876–871, 881–884.

В Самаре, после ознакомления с общим положением дел в крае, Урусов отправил донесение в Кабинет министров, в котором просил утвердить его распоряжения и прислать ему дополнительно денег. В начале сентября он отправился в Оренбург с отрядом сопровождения для осмотра хода строительства оборонительной линии, а также площадки, выбранной Татищевым в качестве нового места для города. Ранние морозы и плохая погода заставили его отложить эту поездку, он был вынужден возвратиться в Самару сразу после осмотра крепостей вдоль реки Самара¹.

В это время в Исетской губернии разразилась эпидемия какой-то неизвестной болезни. Доктор, направленный губернскими властями, неправильно принял эту болезнь за реакцию на укусы насекомых. К несчастью, болезнь распространялась очень быстро, заражая большое число людей и являясь причиной смерти многих из них. В Сибири лечение сводилось к следующему: кожу на местах характерных высыпаний или пятен прокалывали иглой, прикладывали нашатырь и затем табачную припарку. Это средство почти не помогало и эпидемия продолжала распространяться. Изнуренное опустошительными войнами местное население подверглось еще и такому стихийному бедствию.

Карасакал. «хан Башкирии».

В декабре 1739 г., когда к удовлетворению русских и недовольству башкир возобновилась перепись населения, было получено известие о том, что башкиры опять готовятся к бунту. Несмотря на то, что башкиры были обескровлены и видели бесчисленные доказательства обреченности дальнейшего сопротивления, среди них находились бунтари — одиночки, которые продолжали борьбу. На этот раз основная масса башкир осталась пассивной.

¹ Там же. Т.П. С.105–106; Рычков П.И. История. С.44.

История восстания 1740 года связана главным образом с именем его предводителя Карасакала, или Черной Бороды, загадочной личностью, сведений о происхождении которого почти не сохранилось. Русские впервые услышали о нем от пленного башкира Сибирской дороги в ноябре 1739 года. Узник сообщил, «что прошлой де зимы в Айлинской волости у башкирца Алазиянгула от турков был шпион турченин всю зиму и лето и до поимки Тюлкучюры за неделю пошел попрежнему к туркам»¹. Позднее в том же году поступили и другие донесения о возвращении турецкого шпиона или, возможно, нескольких шпионов. Поскольку все еще продолжалась война с Турцией, русские обеспокоились. В феврале 1740 года Соймонов отправил переводчика Романа Уразлина с отрядом в 50 казаков и 250 верных башкир для проверки этих донесений. В случае их подтверждения Уразлин должен был схватить шпиона или шпионов. Он быстро собрал сведения из различных источников, которые, дополненные свидетельствами дружественных башкир и русских командиров в Башкирии, указывали, что так называемый турецкий шпион был человеком, известным по прозвищу Карасакал. По утверждениям башкир, этот человек был родом с Кубани. Согласно некоторым сообщениям, Карасакал называл себя башкиром с Ногайской дороги по имени Миндигул Юлаев. Другие утверждали, что настоящее имя было Байбулат, и что он был последним отпрыском рода Кучумидов². Некий башкир, лично с ним встречавшийся, описывал Карасакала как смуглолицего человека с не очень темной бородой, одетого в белый холщовый кафтан и башкирскую шапку из меха рысей лисицы. Другие источники повествуют, что нос его был частично отрезан, а левое ухо и мизинец правой руки отсутствовали. Он неожиданно появился с отрядом в 60 человек и убедил нескольких вли-

ятельных башкир примкнуть к нему и объявить войну русским. Он также говорил, что его 82-тысячное войско располагается у Аральского моря на расстоянии месячного перехода. На основании этого заявления он был избран ханом небольшой группой башкир с ярко выраженными антирусскими устремлениями.

Большинство примкнувших к нему башкир были в основном с Сибирской дороги, самыми видными из них были Алландзиангул Кутлугузин, Мандар Карабаев, и в течение некоторого времени Юлдаш-мулла. Сначала восставшие наивно верили в существование вымышленной армии Карасакала и принимали на веру его слова о постоянных задержках с ее прибытием в Башкирию. Не дожидаясь «основных сил», группа, примерно в 200—300 человек, к которой время от времени примыкали другие недовольные башкиры, начала нападать на деревни тех башкир и мещеряков, которые прежде поддерживали русских.

Отряд Уразлина тем временем настиг таинственного «башкирского хана», однако в кратком столкновении не сумел его поймать. Дружественные башкиры быстро собрали несколько отрядов для борьбы с Карасакалом. Одновременно из Уфы на подмогу Уразлину были отправлены 50 казаков на лыжах. Осознав опасность сложившейся ситуации, Соймонов тотчас же выехал в Уфу и стал набирать войска из нескольких тысяч башкир, мещеряков, казаков и регулярных войск. Несметное воинство Карасакала могло оказаться призрачным, однако Соймонов надеялся, что ему удастся приостановить движение повстанцев до того, как вспыхнет еще один очаг всеобщего возмущения. События последних лет способствовали значительному усилению позиций русских в регионе. Новые крепости, войска, мобилизованные на борьбу с прежним восстанием и еще не демобилизованные, а также приобретенный опыт сделали возможным быстрые действия со стороны администрации. За время зимы и весны гарнизоны были подготовлены к кампании. Соймонов начал

¹ Материалы БАССР. Ч.1.С. 378.

² Устюгов Н.В. ИзС.С. 102; Togan Z.V. Bashdjirt /Encyclopedia of Islam. New ed 2 vols to date.Leiden 1960 V.I.P.1076

расселять вблизи крепостей дополнительные силы казакбв. Необходимые запасы провизии поступали от государственных и частных сельскохозяйственных предприятий, и для их распределения была учреждена должность интенданта. Башкиры были предупреждены о недопустимости каких-либо новых волнений.

Наконец донесения разведки показали, что силы Карасакала достигли численности примерно 600 человек. Очевидно, к нему примкнула небольшая часть башкир. Гораздо большее число башкир, вовлеченных в эти события, воевало на стороне русских. За период времени с 18 февраля, когда Уразлин был отправлен для ареста «турецкого шпиона», по третью неделю марта отряд Карасакала потерпел несколько поражений, главным образом от рук башкир, воевавших на стороне русских. Главный сподвижник Карасакала, Алландзиангул, был схвачен, однако самому Карасакалу удалось скрыться. Некоторые из его последователей стали сомневаться в существовании призрачной армии Карасакала. По состоянию на 1 апреля русские потеряли одного убитым, шестнадцать человек ранеными, башкиры — убитыми двадцать одного, ранеными одиннадцать, пленными — восемь человек¹.

Карасакал быстро оправился от этих неудач и к середине апреля снова стал беспокоить русских. Число его сторонников понемногу увеличивалось, несмотря на тающую надежду на помощь со стороны его армии, до тех пор, пока не набралось несколько сот человек. Администрация послала против него несколько больших отрядов. Под натиском превосходящих сил русских Карасакал отступил в горы Зауралья. Позже прошел слух, будто он намеревается атаковать Оренбург, однако эта операция так и не состоялась.

В конце мая, когда установилась хорошая погода, русские попытались окружить Карасакала в его горном убежище. Спасаясь от преследования, он дви-

нулся из горной местности на восток и перешел реку Урал в верховьях. Объединенные силы под предводительством Путятина из Уфы и Павлуцкого из Табынска в составе 1500 конных воинов перешли реку Урал, преисполненные решимости схватить неуловимого хана башкир. В ходе продолжительного боя несколько приверженцев Карасакала были убиты, ранены или захвачены в плен, однако сам он вновь скрылся в казахских степях. Русские командиры, преследовавшие его до реки Тобол, не стали идти далее вглубь бескрайних степных просторов. Они вернулись на Урал, где оставшиеся группы повстанцев продолжали нападать на поселения. Для усиления сил русских Урусов отправил из Оренбурга значительное подкрепление¹.

13 мая Урусов покинул Самару с отрядом из 4378 человек и прибыл в лагерь, расположенный в 15 верстах от города. Затем он послал 1500 солдат под командованием капитана Тарбеева, уральского казака, чтобы помочь отряду Арсеньева в преследовании врага. С оставшейся частью своей команды он выступил в Оренбург. Ввиду сильного ветра и весеннего паводка, переполнившего реки, переход замедлился, и отряд задержался у реки Самара до 24 числа. Тем временем генерал-майор Соймонов получил приказ последовать за Урусовым в Башкирию и установить с ним контакты. В крепости Бузулук курьер Ес Величества приказал Урусову замедлить следование в Оренбург и согласовать продвижение своих войск с действиями Соймонова.

По сравнению с прошлыми восстаниями, русские обладали большим численным перевесом. Кроме гарнизонов крепостей и застав Оренбургской линии, войска Урусова насчитывали свыше 4-х тысяч солдат. Согласно июньскому докладу Соймонова относительно расположения войск, находящихся под его командованием, у него было свыше 8000 солдат и ополченцев в крепостях и на заставах внутри Баш-

¹ Материалы БАССР.Ч.1.С.394

¹ Там же С. 435- 477

кирии и , кроме того, 3000 находилось в походе¹. Немногочисленные войска, оставшиеся на Закамской линии, в это число не входили. Силы Соймонова состояли из русских, башкир, татар, мещеряков, тептярей, бобылей и других категорий населения. Более чем наполовину это было местное население; последнее ясно показывает значительную роль местных колониальных народов в процессе русского завоевания.

Обладая таким военным контингентом, Урусов, Соймонов и их подчиненные собрались 15 июня на общий военный совет в Самаре с тем, чтобы выработать мероприятия по успокоению башкир. Против восставших были брошены 3 полка солдат и около 500 башкир. Многие из этих ныне дружественных башкир прежде воевали на стороне повстанцев и ряд их крупных предводителей содержались в Сакмарске в качестве заложников для обеспечения верной службы. На совете было решено уведомить башкир о приближении больших сил русских. Им пригрозили полным истреблением вместе с женами и детьми.

После совещания Урусов отбыл к своим войскам на юг, 22 июня он попутно остановился на Красной горе, где должен был возводиться новый Оренбург. Он одобрил и место, и проект строительства. Намекаясь сразу вернуться во внутреннюю Башкирию, он направился в Озерную. 26 июня, дав отдохнуть своим войскам, он покинул Озерную и двинулся вверх по реке Менжень. Отсюда он отправил против повстанцев 4 драгунских полка и 400 казаков².

В донесении Соймонова в Сенат от 11 июля 1740 года приводятся результаты борьбы правительственных войск против сторонников Карасакала с 25 мая по 3 июля. Потери русских составили: убитыми — 1 солдат и 13 ополченцев, ранеными — 8 солдат и 44 ополченца. При таких незначительных потерях правительственные части сожгли 122 деревни и 50 дворов, убили 1531 башкира, взяли в плен 536 че-

ловек, включая женщин и детей. Из числа пленных башкир 124 были казнены, 36 отправлены в Прибалтику служить солдатами, 6 на каторжные работы в Рогервик и 370 человек крепостными в Россию. Потери другого рода со стороны русских составили: 4 лошади убитыми и 6 ранеными. Численность же скота, захваченного у башкир, составила: 1608 лошадей, 2287 голов крупного рогатого скота и 476 голов овец¹.

В следующем рапорте Соймонова, датированном 26 сентября, указывалось, что после июля имели место лишь незначительные выступления. В этом месяце вследствие решительного наступления правительственных сил башкиры оказались в таком тяжелом положении, что многие из них стали приносить повинную в административных центрах.

Урусов подошел к озеру Талкас, севернее старого Оренбурга и южнее реки Сакмары, и стоял здесь лагерем с 8 по 17 июля. Здесь многие пленные башкиры были казнены, а их жены и дети, а также домашний скот захвачены. Потом он отослал в Оренбург 5326 пленных, в том числе женщин и детей. 17 числа, по получении известия о прибытии на совещание нескольких казахских представителей, Урусов сам отбыл в Оренбург. Он добрался до города 24 числа и на следующий день торжественно вступил в свой лагерь.

Отряд, оставленный у озера Талкас под командованием майора Останкова, следуя рекомендациям Татищева вел поиски мест вдоль реки Сакмары, пригодных к возведению крепостей. По возвращении в Оренбург он докладывал, что обнаружил 9 стратегически пригодных мест и хорошие земельные угодья, воды и леса².

Тем временем в Башкирии, в городе Верхнеуральске Пальчиков созвал совещание. Для участия в нем 10 августа прибыл Урусов. Была собрана большая

¹ Там же С. 431–432).

Рычков П.И. История. С. 46).

¹ Материалы БАССР.Ч.1.С.447–448

² ПСЗ.Т.10.С.867-871; Рычков П.И. Топография. Ч.2.С.130 исл; История.С.47

группа башкир, которых заставили упасть ниц перед ним. Затем им был зачитан пространный документ. В нем башкиры именовались бандитами и бунтовщиками, однако им были обещаны прощение и милость Ее Величества в случае, если они впредь будут верны Русскому государству. Затем последовала краткая история отношений башкир с русскими, начиная со времен Ивана IV, вместе с историей всех их восстаний. Урусов заявил, что русское иго было нетяжелым, о чем свидетельствует низкий размер ясака. В документе приводились причины строительства Уфы и создания Уфимской провинции, говорилось о щедрости русских в пожаловании многим башкирам тарханских званий и наделении их большими землями, описывалась терпимость правительства, позволившего им собирать ясак с тептярей и бобылей, указывалось на их большее благоденствие и защищенность от врагов при русском подданстве. Однако, несмотря на все эти милости, и преимущества, башкиры взбунтовались узнав о намерении правительства построить Оренбург и другие крепости в этом крае. Далее был сделан обзор нападений башкир на русские войска во время управления краем Татищева и Кириллова. В конце документа говорилось, что чрезвычайная бедность и страдания башкир являются прямым следствием их упорного сопротивления своему правительству. В конце чтения башкиры опять пали ниц перед Урусовым.

После этой церемонии русские взяли в заложники ряд видных башкир и пригрозили им в дальнейшем суровой расправой в случае новой попытки восстания. На конференции была принята решение о назначении наказания в отношении наиболее непокорных бунтовщиков. Действуя по приговору совещания, Пальчиков отправился в Сакмарск для завершения башкирских дел. В 6 верстах от Оренбурга 96 повстанцев были повешены, 21 участник движения был обезглавлен, головы последних поместили на столбы для всеобщего обозрения. Среди обезглав-

ленных был и пленник, который в знак протеста уморил себя голодом. Его бездыханное тело было обезглавлено, а голова выставлена вместе с другими. Позднее, 17 сентября для надзора за совершением дальнейших казней в Сакмарск прибыл Урусов. Здесь было обезглавлено 120, повешено 50 человек и 301 человеку были отрезаны носы и уши¹.

В Оренбурге Урусов подсчитал общие потери башкир от действий карательных отрядов русских в Сибири и от его собственных войск, руководимых из Оренбурга за один лишь сентябрь месяц: 1702 человека убито или же бежали через реку Урал, 432 человека казнены, 1862 отправлены в Россию для рачи помещикам в качестве крепостных людей, а 301 человек был бит кнутом с последующим вырыванием ноздрей. Остальные башкиры были отправлены в Прибалтику и на флот. Было сожжено 107 деревень и захвачено 39 верблюдов, 1987 лошадей, 2903 голов крупного рогатого скота и 2120 голов овец².

Урусов спрашивал Соймонова, какие ему следует предпринять действия по отношению к башкирам после подавления восстания. Соймонов отвечал:

«что во исполнение высочайших ея и.в. указов надлежит всех главных воров и зачинщиков бунта башкирцов казнить смертию без всякой пощады; прочих же, кои по следствию не суть в важных винах явились, а в службу годны, тех определить в службу в отзейские полки, а которые свыше 30 лет, тех в Рогервик в работу. Жен же их и возрастных детей их девок отдавать в замужество за казанских и за протчих татар и иноверцов... протчих же детей их малолетних раздавать охочим людям для поселения в отдаленных российских городах... А которые по следствиям явятся невиновны, тех отдавать верным башкирским старшинам на поруки с обязательством, дабы им отнюдь не

¹ Рычков П.И. История. С.50.

² Материалы БАССР.Ч.1.С. 459-460.

токмо воровать, но и к ворам не приставать и с ними согласия не иметь... дабы бывших в малом воровстве башкирцов, которые свыше 20 лет, тех бы обрезав у них носы и пересекши кнутъем раздавать с их женами и детьми верным башкирским старшинам на поруки... что помянутые воры быв в Башкирии и паки могут чинить бунты и воровство, ибо оному чаено от них быть по их лехкомыслию, и всегда того бради лучшее всех таковых воров искоренить, чтоб от них впредь никакова возмущения не было»¹.

В этих рекомендациях Соймонов был таким же сторонником жестких мер, как и Кириллов. Так, по поводу незначительного волнения, возглавлявшегося сторонним вождем искателем приключений, русские, уже давно испытывавшие ярость и раздражение по поводу своей неспособности сломить сопротивление башкир, проявили невероятную жестокость при подчинении своей воле жителей колонии. Имперски настроенные завоеватели часто поступали таким же образом.

Тем временем Карасакал, бежав в казахскую степь с отрядом своих последователей, принял другое имя — Шуна Батур Хан, сын контайши и брат Галдан — Церена. Он собрал вокруг себя значительное число приверженцев в Большой Орде и после кончины хана стал одним из кандидатов на ханство. Подвергаясь угрозам со стороны джунгар и казахов Малой Орды, он думал предпринять поездку в Оренбург с целью принятия русского подданства. Это его намерение не было осуществлено².

История восстания Карасакала и связанные с ним события ярко показывали те изменения, которые произошли после основания Оренбургской экспедиции. Быстрые ответные меры русских при возникновении угрозы нового восстания продемонстрировали

их усилившиеся позиции в Башкирии. Созданная ими сеть крепостей и сосредоточенный здесь значительный военный контингент служили гарантом обеспечения господства русских в этом регионе. Неудача отряда Карасакала в его попытке привлечь к себе более широкие массы башкир, возможно, объясняется изнуренностью населения более чем четырехлетней кровопролитной войной.

Отношения с казахами

19 августа 1740 года, во время подавления башкирского восстания, группа казахов, в составе которой были сыновья Абулхаира султаны Нурали и Ерали, а также батыр Джанибек, стала лагерем в 7 верстах от Оренбурга. 22 числа они посетили Урусова. После торжественного приема, который был оказан капитаном, несколькими младшими офицерами и отрядом в 60 человек, был устроен парадный смотр всех русских войск; а при приближении султанов в сопровождении офицеров был произведен орудийный залп. Возле кавалерийских частей их встретил майор, а подполковник проводил их в приемную Урусова. Абулхаир не приехал на совещание, сославшись на предпринятую им дальнюю поездку и нездоровье. Он выразил сожаление по поводу недавнего нападения казахов на русский караван и сообщил о своей ссоре с Абдул — маметом из Средней Орды. На деле же Абулхаиру стало известно, что новый хан Средней Орды будет также присутствовать на совещании в Оренбурге; стремясь закрепить за собой лидерство в поддержании отношений с русскими, он предпочел не присутствовать на встрече, где ему могли оказать такой же прием, как и его сопернику. Для представления Малой Орды он послал своих сыновей¹.

Султаны, возложив вину за разграбление каравана, о котором шла речь, на неподвластных Абулхаиру

¹ Там же С.463. 362-363

² Там же. С. 476-494

казахов Большой Орды, пообещали в будущем сопровождать русские караваны через степь и попытаться отбить тех русских, что были захвачены в плен казахами. Взамен этой услуги они просили Урусова дать Абулхаиру несколько пушек. В это время, воспользовавшись раздорами между среднеазиатскими ханствами, Абулхаир пытался завоевать Хиву. Для достижения этой цели посланцы Абулхаира просили Урусова убедить русских оказать содействие в строительстве города — крепости на реке Сыр — Дарья. В ответ Урусов послал с отрядом топографа Ивана Муравина для составления карты местности, прилегающей к нижнему течению реки Сыр — Дарья, где можно было построить город. Русские отказались поставить Абулхаиру пушки, так как у них было слишком мало орудий для оснащения собственных крепостей.

В честь гостей устроили званый обед, на котором было провозглашено много тостов и произведены орудийные залпы. Во время трапезы пришла весть о подписании мира с Османской империей, что означало завершение войны, продолжавшейся с 1735 по 1739 год. По этому случаю был произнесен тост, а после обеда русские преподнесли казахам подарки. Урусов завершил встречу речью, в которой обещал предоставить казахам большие преимущества в обмен на верное служение императрице¹.

24 августа, прежде чем успели уехать казахи с Малой Орды, прибыли хан Абул — мамет и султан Аблай со Средней Орды с многочисленной свитой и видными сподвижниками. Их приветствовали той же церемонией, что и предшественников, включая званый обед. Новый хан и его сподвижники преклонили колена на тканом золотом ковре, сняли головные уборы, поцеловали Коран, затем положили священную книгу на голову и скрепили клятву своими знаками (тамгами), подтверждая верность русской им —

¹ Рычков П.И. История С.51 и сл.

ператрице¹. Во время встречи обе стороны обсуждали ограбление русского каравана, случаи разбоя, вопрос о судьбе русских пленников, удерживаемых казахами, набеги на поволжских калмыков. Казахи ответили, что они не могут ничего предпринять для прекращения набегов на калмыков, сославшись на обычаи их народов, однако добавили, что калмыки больше всего страдают от казахов Малой Орды, проживающих ближе к ним. Они утверждали, что недавно Абулхаир отправил против калмыков трехтысячное войско. Нападение на караван было приписано казахам Большой Орды, однако они обещали помочь в возвращении разграбленных товаров².

Сыновья Абулхаира и сопровождавший их отряд быстро покинули лагерь и отбыли, как только русские обратились к ним с приглашением на совместную встречу с вновь прибывшими Абул — Маметом и Абулаем со Средней Орды.

Во время последовавшей серии встреч с казахами Средней Орды те же проблемы получили более детальное обсуждение. 31 августа русские провели военные маневры, состязания в стрельбе и другие мероприятия для того, чтобы продемонстрировать казахам военную мощь русских. Урусов также сделал попытку ослабить соперничество между ханами Малой и Средней Орд. 1 сентября он прибыл с визитом вежливости в Абул — мамету, вернувшись вечером в Оренбург. На следующее утро казахи отбыли из лагеря Урусова.

Последние проблемы и новое давление на казахов

5 сентября, завершив дела с казахами, Урусов направился в Самару. Прибыл курьер с одобрительным отзывом от императрицы, утвердившей его план

¹ Возможно, хотя это и маловероятно, что упоминаемые здесь знаки являлись подписями, выполненными арабским шрифтом. Русским были известны народы, длительное время использовавшие арабский шрифт, письма же казахских ханов всегда писались именно таким способом.

² Рычков П.И. История. С.52 — 53

мероприятий по разрешению башкирской проблемы, и с уведомлением о том, что Соймонову отдан приказ встретиться с ним для обсуждения подробностей. Прибыв 10 сентября в Озерную, Урусов отправился на новое место строительства Оренбурга. Здесь он занялся башкирскими делами: возле Сакмарска руководил казнью пленных башкир (50 были повешены, 120 обезглавлены) и раздачей женщин и детей казненных. 18 сентября Урусов продолжил свой путь в Самару на лодке. По пути он имел встречу с офицерами отряда, преследовавшего башкир. В Самаре Урусов занялся доработкой деталей построения нового Оренбурга и организацией административного аппарата Оренбургской комиссии.

В 1741 году были назначены два инженера — строителя для возведения нового Оренбурга, однако в последний момент возник спор относительно места строительства. Главный инженер хотел возвести город на вершине горы для лучшей проветриваемости и открывавшегося оттуда более красивого вида. Другие же два желали расположить город на ровном месте, в 2-х верстах от горы, на которой построить только крепость. Они полагали, что будет возможно построить достаточно большой город на площадке, предлагаемой главным инженером, из-за малых размеров холма и песчаных почв. Они утверждали, что нет смысла поднимать строительные материалы на вершину холма, к тому же возникнут трудности с водоснабжением. На равнинной местности, напротив, можно возвести ровные улицы, разбить парки, и к тому же будет легко завезти строительные материалы и обеспечить водоснабжение. Урусов рассмотрел предложения обеих сторон и принял решение возводить город на ровном месте¹.

Тем временем отряд Муравина, посланный в прошлом году в Среднюю Азию для изыскания местностей, пригодных для строительства крепости на реке Сыр — Дарья и составления карты этого региона,

¹ ПСЗ.Т.11.С. 674-675; Рычков П.И. История. С. 57

возвратился с картой и описанием путей, ведущих из Оренбурга в Хиву, морской картой Аральского моря и планом Хивы¹.

Намерения русских более глубоко продвинуться в среднеазиатские степные просторы были расстроены по вине их старого противника. Карасакал, сумевший сплотить вокруг себя последователей из числа казахов, провозгласив себя сыном контайши и братом Галдан — Церена, совершил набег на джунгар. Галдан — Церен мгновенно отреагировал на это нападение и с 15-тысячной армией выступил против казахов, бежавших на восток к Оренбургу. При приближении к городу джунгарской армии комендант Оренбурга направил к ним послов для ведения переговоров. Русские встретились с группой командиров (зайсангов). Последние заявили, что по причине вероломного нападения казахов на джунгар в тот момент, когда последние оборонялись от китайцев, джунгары решили теперь отплатить казахам тем же. Русские указали, что казахи являются подданными Ее Величества императрицы и что любые жалобы на русских подданных следует направлять в Санкт — Петербург. Джунгары в то время не горели желанием вступать в конфликт с Российской империей. Воспользовавшись удобным случаем, русские послы попытались склонить джунгар к принятию русского подданства. И хотя это предложение не было принято, джунгары убралась восвояси².

Примерно в это же время на горизонте появилась еще одна грозная фигура — персидский шах Надир. Этот могущественный завоеватель, по происхождению сын плотника, поднялся к вершинам власти таким же образом, как и Тамерлан. Он разгромил афганцев и захватил власть в Персии. Его завоевание Индии явилось таким ударом, от которого Моголы так и не оправались. К концу 30-х гг. XVIII века он создал крупное государство на терри —

¹ Рычков П.И. История. С. 58; Левшин А.Т. 2. С. 147

² Рычков П.И. История, С. 56; Левшин А.Т. 2.С. 144 — 146

тории Персии и Средней Азии. Под тем предлогом, что хивинцы напали на его подданных, он вторгся в Среднюю Азию. Абулхаир, который в 1741 г. захватил Хиву, был все еще там, когда персидская армия вступила на землю Хивы. Воспользовавшись услугами русского топографа Муравина, находившегося тогда в Хиве для поисков места строительства новой крепости, хан отправил представительство к Надир-шаху с просьбой назначить его ханом Хивы. Муравину был оказан радушный прием, однако было заявлено, что для ведения переговоров хану придется прибыть самолично. Надир-шах пообещал, что к казахскому предводителю будет должное проявлено уважение как к подданному русской императрицы. Для того, чтобы не угодить в эту ловушку, Абулхаир спешно бежал на север в степь, оставив хивинцев одних без правителя перед лицом врага. К исходу трехдневного сражения Надир-шах овладел городом и назначил нового правителя. Вскоре после ухода персов хивинцы восстали, убили ставленника Надир-шаха и избрали правителем сына Абулхаира Нурали. По примеру своего отца Нурали сбежал, получив известие об отправке шахом армии в Хиву для наказания хивинцев за ставленника¹.

Вторжение Надир-шаха обеспокоило казахов в большей степени, чем этого можно было ожидать. Откочевывая на юг, как было принято у них веками, и ища убежища от суровой зимы на севере своей территории, казахи подходили к границам хивинских земель. Следуя древним обычаям, они стремились к завоеванию земель и оседлых сообществ. Когда это ханство вошло в состав империи Надир-шаха, маршруты миграций казахов оказались нарушенными. Итак, в дополнение к джунгарскому фактору, еще одна враждебная сила вынуждала казахов к союзу с Россией.

Урусов, заболевший цингой, умер 22 июля 1741 года. Кабинет поручил Соймонову, начальнику Баш-

кирской комиссии, взять на себя управление Оренбургской комиссией.

Администрация Урусова ознаменовала собой завершение первой фазы реализации Оренбургского проекта. Грандиозный план Кириллова не был претворен в жизнь из-за колониальной войны; однако возведя Оренбургскую оборонительную линию, русские обеспечили установление в Башкирии своего господства, а также заложили основание для позднейшего проникновения русских в Среднюю Азию. Прежде, чем аннексировать Казахстан, правительству необходимо было навести порядок на обширной пограничной с ним территории Башкирии. Хотя начальники Оренбургской комиссии и вели переговоры с казахами и иногда все же предпринимали некоторые попытки осуществить намерения Петра относительно Средней Азии, получилось так, что они занимались главным образом подавлением сопротивления башкир, по крайней мере до 1741 года. Фактическое покорение казахов и образование Оренбургской губернии явились следующими задачами, вставшими перед колониальными администраторами России, однако это уже другая область исторических изысканий.

Великий пограничный правитель Оренбургского края, управлявший этим регионом в период с 1742 по 1758 годы, И.И. Неплюев следующим образом оценил предшественников на этом посту:

«Таким образом трудами Кириллова, Татищева и Урусов, при живом содействии со стороны Правительства, Оренбургский край был введен в общую систему прочих областей Российской империи; его разнообразные административные части получили общую организацию и были подчинены надзору местной власти»¹.

В донесении 1740 года, посвященном войне с башкирами, содержалась статистика потерь, понесенных последними².

¹ Витевский В.Н. С. 176

² Рычков П.И. История. С. 55-56

Оренбургская комиссия	Башкирская комиссия
----------------------------------	--------------------------------

Убито	7455	9438
Сослано во флот и в Рогервик	135	3101
Роздано женщин и детей	2082	6300
Всего	9672	18839
Общее количество		28511
Лошади, взысканные в качестве штрафа	1001	11282
Крупный рогатый скот и овцы	204	5872
Денежные штрафы в рублях		9828р. 28к.
Сожжено деревень	300	396

Это статистика была собрана на основании донесений лишь регулярных частей русских. Фактические потери были значительно больше вследствие деятельности нерегулярных войск русских, т.е. ополченцев, голода, болезней и холода. Если допустить, что общее количество башкирского населения, проживавшего в тогдашней Башкирии, составляло 100000 человек, то общая численность потерь свыше 30000 башкир наглядно показывает итоги колониальной политики Российской империи в этом крае, итоги, выраженные в особом измерении — человеческой жизни.

Глава X

Колониальная администрация на юго-восточной границе

Административное устройство

После завоевания и присоединения Казанского ханства в XVI столетии обширная пограничная территория, расположенная по обе стороны южной оконечности Уральских гор, на которой проживали башкиры, формально управлялась казанским наместником. С основанием в 1586 году Уфы окрестная территория стала управляться местными властями в лице воеводы, который однако был подчинен наместнику. В течение второй половины XVI века и на протяжении XVII столетия на башкирских землях был построен ряд новых крепостей и застав, главным образом на северных границах вдоль прежнего пути в Сибирь и на западе вдоль Волги. В середине XVII века вдоль Закамской линии были возведены еще несколько городков, и таким образом небольшая часть западной Башкирии вошла в Российскую империю.

До того, как была предпринята Оренбургская экспедиция, русское присутствие в регионе ощущалось слабо, за исключением пограничных крепостей и города Уфы в центре страны. О слабости административной власти русских свидетельствуют самые первые уфимские ясашные книги. В 1629 году было зарегистрировано лишь 888 дворов. К 1639 году число последних достигло 2217¹. Эти ясашные кни —

¹ Новиков В.А. Сборник материалов для уфимского дворянства. Уфа .1903. С. 203 — 204.

ги не отражали число всех зарегистрированных баш — кир по той причине, что пограничные города также учитывали количество ясачного населения, однако ясно, что лишь небольшая часть населения платила ясак. Судя по сведениям того времени, а также данным первой довольно полной переписи в середине XVIII века, населения края в начале того века состав — ляло примерно 100000 человек¹.

Хотя административная власть русских в Башкирии была слабой, за исключением местностей вблизи русских городов и Закамской территории, целый ряд челобитных, поданных башкирами до и во время восстаний, указывает на то, что они, по крайней мере, признавали над собой верховную власть русских и вытекающие отсюда обязательства по выплате ясака. Они выступали против захватов их земель, против злоупотреблений правительственных чиновников, занимавшихся сбором налогов, против повышения размера ясачного сбора, однако они признавали право русского правительства взимать ясак. О том, что не — которые башкиры, проживавшие в более отдаленных областях, также платили ясак, свидетельствуют их жалобы на трудности перевозки их натуральных вы — плат на большие расстояния к административным центрам.

До реорганизации административного управления империей Петром Великим в 1708 году вся юго — восточная территория являлась наместничеством, управляющимся казанским наместником, ответственным перед Казанским приказом. Наместники имели канцелярии, куда входили их помощники и канцелярские работники. Управление делами, однако, не находилось полностью в ведении этого органа. Как и повсеместно в России того времени, отдельные функции, находившиеся в юрисдикции других приказов, такие, как военные и финансовые вопросы, отправлялись местными ведомствами этих приказов. Ана — логичная этому система управления, правда, в мень —

ших масштабах, существовала и в региональных центрах, какими являлись города Уфа и Мензелинск. Город и территории, прилегающие к нему, назывались воеводством и управлялись воеводой. Воевода и чиновники его канцелярии исполняли свои обязанности вместе с местными представителями центральных правительственных приказов¹.

В 1708 году Петр Великий реорганизовал систему административного устройства империи. Вместо прежних территориальных единиц Россия стала подразделяться на восемь губерний, каждая из которых в свою очередь делилась на провинции, а провинции были разбиты на уезды. Одновременно старые При — казьи были заменены Коллегиями. В связи с этими изменениями прежнее Уфимское Воеводство официально стало провинцией, подчиненной, как и раньше, Казани, которая стала центром губернии. Уфимская провинция в свой состав включала столицу г.Уфу, и города Самара, Бирск, Мензелинск, Заинек, Солонварная, Оса, Билярск, Табынск и деревню Каракули — на. Провинциальная канцелярия сменила воеводскую и приказную администрацию. Название должности главного представителя власти «воевода» было сохранено, он обладал полнотой гражданской и военной власти в своем крае и подчинялся стоявшему над ним губернатору, возглавлявшему губернию. Губернатор был прямо подотчетен Сенату и Коллегиям².

Эта система управления не претерпела каких — либо значительных изменений вплоть до 1728 года, когда при администрации Петра II Уфимская провинция была выведена из — под юрисдикции Казани, за исключением города Мензелинска, и стала подчиняться напрямую Сенату. Этот шаг был продиктован особой остротой башкирского вопроса. Уфимская провинция по — прежнему находилась на попечении воеводы. Указ от 27 июля 1728 года, изданный от

¹ Lantzeff, *Siberia in the Seventeenth Century* (University of California Press: Berkeley and Los Angeles. 1943)

² ПСЗ.Т.5.С.624 и сл.; Т.4.С.436 и сл.

имени Верховного Тайного Совета, гласил:

«Его Императорское Величество указало [следующее] по челобитью присланных из Уфимской провинции выборных челобитчиков башкирцов, Яркея Янчурина с товарищи: в Уфимской провинции быть Воеводою Брегадиру Петру Бутурлину, и быть той провинции в особливом ведомстве Сената, и о всяких делах писать ему и требовать указа от Сената, а Казанскому Губернатору той провинции не видать; токмо подушныя деньги, которыя положены на уездных русских людей, те отсылать к Казанскому Губернатору, а таможенные и кабакские зборы, куда оные по указам надлежит»¹.

После 1728 года особое положение Уфимской провинции сохранилось, хотя иногда во время волнений башкир, как например в 1735 году, уфимские чиновники были временно подчинены казанскому губернатору. В последующие годы к первым восьми губерниям Петра прибавились новые. Однако до образования Оренбургской губернии в 1744 году единственно сколько-нибудь значительное изменение в административном аппарате имело место лишь в 1737 году². Сибирская Зауральская Башкирия вплоть до этого момента входила в Сибирскую губернию. Указ, изданный в то время, отражает сущность административной политики России в Башкирии. Его издание относилось ко времени великих войн 1735–1740 гг. и имело своей целью установление более эффективного надзора за башкирами. Указ преследовал двуединую цель: военное подчинение края и административная реорганизация территории, расположенных вблизи пограничных городов Башкирии.

Были организованы два уезда, подчиненные Уфе и

¹ Указы Императрицы Екатерины I и Государя Императора Петра II состоявшиеся с 1725 года, января с 28 числа по 1730 год, напечатанные по указу Императрицы Елизаветы Петровны, при Императорской Академии наук. Санкт-Петербург. 1743. С. 363.

² ПСЗ.Т.10.С.242–245.

управлявшиеся воеводами — один из них на севере вокруг города Осы в Осинской дороге, а другой там же на севере в окрестностях Красноуфимска. Одно — временно воевода Пермской провинции на севере был переведен из Соликамска южнее в Кунгур, ввиду того, что последний город был ближе расположен к Башкирии и более удобен для оказания содействия в управлении башкирами.

Более крупные изменения были осуществлены в Сибири. Здесь была создана новая провинция, названная Исетской, в которую вошли большая часть Зауральской Башкирии, в особенности район, прилегающий к верхнему течению реки Урал, и область реки Ай. Основной административный центр Исетской провинции, прежде располагавшийся в г.Шадринске, позднее был переведен в Чебаркульск, а впоследствии в Течинск. Окончательным местом размещения центра провинции стал город Челябинск, это произошло в 1743 году¹. Исетская и Уфимская провинции управлялись из Оренбурга. Эти провинции еще не получили статуса губернии, а были напрямую подчинены Сенату.

В основе территориальных единиц русской административной системы в Башкирии лежало старое деление этого региона на Казанскую, Осинскую, Ногайскую и Сибирскую дороги. Эти исторические названия, относящиеся к дорусскому периоду, когда Башкирия была поделена между Казанским ханством, Ногайской Ордой и Сибирским ханством, продолжали употребляться; однако уже не существовало административного аппарата, в ведении которого бы находились эти пределы.

После петровских реформ во главе общей правительственно-административной системы стали Сенат и Коллегии, управляющие юго-восточных территорий. На деле же кабинет часто осуществлял управление регионом непосредственно через начальника Оренбургской комиссии. Менее значительные

¹ Витевский В.Н.С.439.

вопросы управления губернией и провинцией разре — шались по обычным каналам.

Крупные сановники в Санкт — Петербурге прида — вали первостепенное значение состоянию дел на юго — восточной окраине. Это хорошо видно по роли различных центральных органов в выработке поли — тической линии. Обзор переписки между погранич — ными чиновниками и центральной бюрократией так — же многое дает для понимания принципов управления в период царствования Анны Петровны.

Вскоре после того, как она стала императрицей, Анна отменила Верховный Тайный Совет — могуще — ственный орган, правивший Россией со времени смерти Петра Великого. Вместо него в конце 1731 года она учредила двумя указами орган, получивший на — звание Кабинет Ее Императорского Величества. Первоначально в этот орган входили три члена, име — новавшиеся Кабинет министрами: канцлер граф А.И. Головкин; вице — канцлер граф А.И. Остерман и тре — тий член, князь А.М. Черкасский. После смерти Го — ловкина в 1734 году Остерман стал канцлером. В действительности Эрнст Иоганн Бирон, прибалтий — ский немец, ставший фаворитом Анны, обладал всей полнотой власти в Кабинете, несмотря на то, что он не являлся русским подданным, и кроме того, не зани — мал никакой официальной должности.

Сенат, потерявший свое положение после смерти Петра I, обрел власть в начале царствования Анны, однако после 1731 года он был вытеснен Кабинетом. Некоторые члены Сената, тем не менее, пользовались большим влиянием. Фельдмаршал Б.Х. фон Миних и Остерман одновременно являлись членами Сената и возглавляли Коллегии: фон Миних — Военную Кол — легию, Остерман — Коллегию иностранных дел. Ос — терман на деле занимал ведущие должности в трех высших государственных органах.

В верхах в действительности существовала сис — тема частично дублировавших друг друга директоров — тов, чем объясняется отсутствие регулярных каналов

переписки. В Сенате имелся наиболее полный архив, так как он являлся официальным органом власти и обычно туда поступали копии писем, направляемых в Коллегии и Кабинет. Нередки были случаи непос — редственного обращения в Кабинет, особенно ког — да дело касалось политических вопросов. Иног — да письма адресовались конкретным лицам — членам Кабинета, например, Бирону. Решения по политиче — ским вопросам принимались Кабинетом, а по менее важным повседневным вопросам — другими органа — ми.

К 1740 году в Башкирии существовало довольно сложное административное деление. Та часть края, которая лежала за пределами и в окрестностях старой Закамской линии и входила в состав Казанской до — роги, была официально присоединена к империи. Эта часть Башкирии вошла в состав Казанской губернии. Северная часть Башкирии входила в пределы Перм — ской губернии. Подобно Казанской, Пермская гу — берния также приобрела официальный статус. В 1737 году Сибирская Башкирия была преобразована в Исетскую провинцию. Оставшаяся часть региона, Осинская и Ногайская дороги, перешла под юрис — дикцию Уфимской провинции. Исетская и Уфимская провинции, как свидетельствует особое их положе — ние, еще не были полностью присоединены к импе — рии, хотя этому и было суждено свершиться в 1744 году.

В 1737 году Уфимская провинция включала в се — бя Осинский и Уфимский уезды. Неадминистратив — ную природу подразделения на дороги показыва — ет тот факт, что, например границы Уфимского уезда, расположенного большей частью на территории Но — гайской дороги, вклинивались в Осинскую дорогу. В Исетскую провинцию входили три уезда: Исетский, Окуневский и Шадринский, из чего видно, что в Си — бирской дороге было больше крепостей и городов, чем в Уфимской провинции. В последней же боль — шинство городов, за исключением Уфы и очень не —

большого количества других, было сосредоточено на севере и западе возле ранее учрежденных губерний.

Каждый уезд делился на волости, которые обычно подразделялись на аймаки. Волость в Башкирии первоначально соответствовала родовому делению башкир. Она состояла из одной или более деревень. Аймак был структурным подразделением рода. В Кирилловской описи башкирских волостей и аймаков от 1735 года упомянуты 5 волостей и 27 аймаков Ногайской дороги, 18 волостей и 30 аймаков Сибирской дороги, 11 волостей и 7 аймаков Казанской дороги и 4 волости в Осинской дороге¹. Число аймаков не всегда превышало количества волостей, так как не все волости подразделены далее на аймаки. Список волостей от 1743 года приводит следующие данные²:

Название дороги	Волости	Деревни	Дворы
Казанская	16	858	9239
Осинская	4	216	3141
Сибирская	21	219	792
Ногайская	32	349	3546
Всего:	73	1642	16718

Административные должности и органы в губернии и уезде были аналогичными, и эта часть системы не описывать. Необходимо лишь заметить, что войны 1735–1740 гг. в Башкирии серьезно нарушили деятельность местных администраций.

Хотя Оренбург вследствие восстаний башкир и необходимости перевода на новое место пребывал в переходном состоянии, устав, изданный в 1734 году для урегулирования вопросов городского управления, заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее, поскольку рисует общую картину управления пограничным городом в этом регионе³.

¹ Материалы БАССР.Т.3.С.495-497.

² Там же.Ч.3.С.543.

³ ПСЗ.Т.10.С.344–349.Т.6.С.291–305.

Вначале в указе говорится о тех, кому будет позволено поселиться в новом городе. Здесь конкретно перечислены русские, другие европейцы, башкиры, казахи, каракалпаки, греки, армяне, индийцы, персы, бухарцы, хивинцы, ташкентцы, калмыки, и кроме того говорится, обобщенно о любых независимо от их вероисповедания, которым следовало разрешить проживание в городе. Русским купцам должны были предоставляться особые льготы при поселении, однако следовало отказывать в этом беглым крестьянам или солдатам.

Городская администрация или Магистрат, выполнявший исполнительную и судебную функцию, делился на несколько департаментов. В главный орган и суд магистрата входили один из трех мэров (бургомистров), один из шести советников (рацгеров) и судебный докладчик (протоколист)¹. Нижестоящий городской суд состоял из одного мэра, одного советника и двух городских старейшин — русских, если в суде рассматривались дела русских, или же двух или трех образованных людей того же вероисповедания, что и обратившийся в суд (в случае, если он не православный христианин). Казначейство должно было состоять из одного мэра, одного советника, двух достойных горожан и бухгалтера. В ведении «Сиротского суда», который состоял из одного советника, двух именитых горожан и нотариуса или бухгалтера, находился надзор и содержание церквей, школ, больниц и богаделен. Еще одно ведомство в составе одного советника и двух цеховых старост отвечало за содержание мест общественного пользования, цеховых организаций, ведение учета горожан и выделение средств на ремонт общественной собственности. Этот отдел должен был надзирать за деятельностью купцов, торговых посредников, землемеров и подобных людей. Полицейский департамент возглавлялся одним советником и двумя цеховыми старостами. Они имели

¹ Источник заимствования названий должностей очевиден, несмотря на искаженные формы слов.

право инспектировать исправительные дома, тракты — ры, а также регулировать продажу вина и пива. 3 мэ — ра и 6 советников должны были разделить между собой бремя этих обязанностей.

Мэры и советники после распределения упомянутых выше обязанностей должны были назначить архитектора или строительного мастера, врача, хирурга, аптекаря для трех больниц, адвоката и представителей от различных нерусских национальностей, которые должны были информировать администрацию об обычаях нерусских жителей.

Чиновники магистрата должны были избираться в результате всеобщих выборов, в которых могли принимать участие все жители города, как русские, так и нерусские. Результаты выборов утверждались на собрании наиболее видных горожан, на котором председательствовал городской комендант, стоявший во главе военного гарнизона. В случае появления вакансии, комендант при помощи остальных чиновников магистрата подбирал несколько кандидатур и вопрос решался еще одними выборами. Вопросы назначения на все второстепенные должности находились в исключительном ведении магистрата. Мелкие чиновники имели право сидеть в Черной палате или на общем собрании магистрата. Никто не мог быть отстранен от участия в управлении городом, однако, с другой стороны, никто не мог быть принужден к службе вопреки его воле.

Денежные средства на содержание школ, больниц и других общественных учреждений в течение первых трех лет должны были поступать от взимания 2% налога на торговые операции, от взимания ряда косвенных налогов — на караван — сараи, общественные рынки, учреждения торговли, товарные склады, а также от взимания земельной ренты. 2% налог был временно введенный мерой, поскольку в течение первых трех лет не должны были взиматься таможенные пошлины. По истечении этого периода налог с продаж подлежал отмене, и эта статья го —

родского дохода должна была поступать от взимания таможенных пошлин. В январе должен был представляться годовой отчет о расходе общественных денег.

Права открыть свое дело и заниматься предпринимательской деятельностью лишались только военные, правительственные чиновники и священнослужители. Магистрат, власть которого распространялась на территории в радиусе 100 верст, имел право бесплатно предоставлять землю для целей предпринимательства, сохраняя за собой лишь право надзора.

Даже в этой отдаленной области была введена система внутренних паспортов обязательных для всех, кроме башкир.

Сенат являлся апелляционным судом для всех дел, которые не могли быть решены удовлетворительно в магистрате.

Из этого описания видно, что магистрат являлся органом, который прежде всего решал экономические вопросы жизни города, осуществлял надзор за проведением политического курса и содержанием городского хозяйства, он также выступал в качестве местного судебного органа. Комендант назначался отдельно Военной Коллегией для руководства обороной города и военным гарнизоном. Как указано выше, он также принимал участие в решении других вопросов управления городом. Структура Оренбургской администрации, особенно в период 1745 — 1740гг., отражала специфическую обстановку, сложившуюся в результате войн с башкирами. Хотя большинство гражданских институтов к концу 30 — х годов XVIII века было уже основано, торговля и промышленность еще только начинали развиваться. Строительство нового Оренбурга еще не было завершено, и административным центром Оренбургской комиссии на протяжении почти всего этого периода являлась Самара.

При управлении другими городами в Башкирии, такими как, например, Уфа, наблюдалась большая

преимущество системы управления внутренними провинциями. Более крупные города являлись центрами провинции или уездов во главе с воеводами и их канцеляриями. Тем не менее, необходимость ведения войны с башкирами обусловила преимущественно военную направленность административного аппарата Уфимской и Исетской провинций в период с 1735 по 1740гг.

На низшем уровне, в башкирской деревне, административный аппарат отсутствовал. Местная власть главным образом, находилась в руках башкирских старшин. Целью политики русских в регионе было привлечение местных предводителей к сотрудничеству с властями. Одним из способов достижения этой цели было учреждение института тарханства. Поскольку сплошная перепись населения не проводилась, правительство было вынуждено сотрудничать со старшинами в вопросах сбора ясака. Татищев, в особенности, неоднократно предлагал возложить на старшин большую часть обязанностей. Для обеспечения доставки различных налогов в русские административные центры отсюда посылались специальные сборщики налогов, однако эта практика приводила к тому, что часто поступали жалобы на злоупотребления этих чиновников.

Постепенное введение в Башкирии регулярного административного устройства являлось составной частью плана по завоеванию этого региона. Кроме системы регулярного административного устройства весьма значительную роль играли специальные комиссии и команды. Они создавались для решения конкретных задач, главным образом военного характера, хотя некоторым из них были присущи и более широкие функции.

Самой первой по времени создания была Команда Закамской оборонительной линии, образованная в XVII веке. К 1730 году правительство решило построить новую Закамскую линию далее на юго-востоке,

и в 1732 году было начато ее строительство¹. Войска оборонительной линии помимо их обязанностей по охране границ иногда использовались в военных действиях для поддержки других команд как, например, в 1740 году некоторыми частями были усилены войска, сражавшиеся против башкир. В отличие от устройства Закамской линии, Оренбургская линия в течение 1735—1740гг. оставалась в непосредственном подчинении Оренбургской комиссии, как уже было отмечено в предыдущих главах.

В деятельности русских в приграничье очень важную роль сыграли уральские казаки — сакмарские, самарские и другие группы казаков. Будучи организованы в отряды, управляющиеся атаманом и казачьим кругом, они прямо подчинялись военной коллегии². Казаки обычно жили за пределами рубежей империи; подвергаясь опасностям они умело вели диалог с кочевниками и выполняли свою традиционную роль в расширении границ России. Непокорные по своему нраву, они иногда доставляли много хлопот русским чиновникам своими разбойными действиями и нежеланием повиноваться приказам.

С юго-восточной территорией России в той или иной степени была связана деятельность трех специальных комиссий: Башкирской, Калмыцкой и Оренбургской. Калмыцкая комиссия организовывалась в 30-е годы XVIII века для управления волжскими калмыками. Эта комиссия в башкирских событиях играла незначительную роль. Будучи начальником Оренбургской комиссии, Татищев одновременно руководил строительством Ставрополя, где должна была размещаться Калмыцкая комиссия. Вскоре после этого он передал калмыцкие дела специально назначенному чиновнику. В 1735—1740гг. некоторые новокрещенные калмыки приняли участие в деятельности команд Оренбургской и Башкирской комиссий. Башкирская комиссия была вызвана к жизни войной, на—

¹ ПСЗ.Т.8.С.517—518,659.

² Там же.Т.6.С.367; Витевский В.Н. Гл.9—12;21; Дэн В.Э. С. 238 и сл.

чавшейся в 1735 году. Военные действия против оставших башкир проводились, главным образом, силами этой комиссии. Штаб командования располагался в Мензелинске, одном из городов Закамской линии. Деятельность Оренбургской экспедиции, получившей название Оренбургской комиссии со времени вступления в должность ее начальника Татищева, была уже подробно рассмотрена выше. При администрации Кириллова Оренбургская экспедиция, хотя и слабо, но подчинялась главе Башкирской комиссии. В 1737 году после, после назначения на этот пост Татищева, а также при Урусове, Оренбургская комиссия, обретя самостоятельность, стала играть главенствующую роль. Во всех случаях старший офицер, независимо от возглавлявшихся им комиссий, официально руководил совместными операциями войск.

Дань и другие повинности

В повседневной жизни русский административный аппарат в Башкирии был, главным образом, занят взиманием налогов и других повинностей с населения края. Оправдывая свои действия и право взимать эти сборы, русские утверждали, что государство защищает своих подданных от нападений внешних врагов и поддерживает спокойствие внутри страны. На самом же деле заявляемые ими права основывались на гораздо более древних прецедентах — праве завоевателей. Основной сбор составляла дань (ясак) и механизм его взимания ясно показывает сущность отношений между Москвой и подчиненными ей колониями.

До появления русских башкиры платили ногайским, казанским и сибирско-татарским сюзеренам, о чем свидетельствует деление Башкирии на Казанскую, Ногайскую и Сибирскую дороги. Еще ранее башкиры платили ясак золотоордынским ханам, на что указывает само слово «дорога». (Как уже отмеча-

лось, она восходит к татарскому слову *daruga*, что обозначало сборщика налогов или район, обложенный данью в составе Золотой Орды. Непосредственно перед завоеванием русскими Казани ясак, выплачиваемый башкирами, составлял одну лисью шкуру или пол-шкуры куницы на один лук. Русские сохранили этот сбор, хотя и освободили от его уплаты тарханов, служилых татар, мешчеряков и мусульманских священнослужителей¹.

В XVI и XVII столетиях налоги с башкир взимались преимущественно натурой. Соответственно, сам ясак варьировался в зависимости от региона и рода занятий его жителей: охотников на пушного, зверя обычных охотников, рыболовов, скотоводов или пчеловодов — размеры дани для каждого рода деятельности были различны. К концу XVII века и особенно в XVIII веке стали обычными денежные выплаты. Плательщики ясака не регистрировались поименно в ясачных книгах, «потому иных волостей башкиры ясак великому государю в казну платят староста с товарищами, а не все поимянно»².

Размер ясачного сбора, очевидно, не был неизменным, и, кроме того, обложению им подлежали не все башкиры. Большая часть Башкирии оставалась вне сферы влияния русских. Как обычно поступали колониальные правители, взимавшие дань, русские непрерывно увеличивали размер ясака и других повинностей и распространяли эти сборы на новые области. Несмотря на то, что средний размер ясака был незначителен по сравнению с размером подушного налога, выплачиваемого русскими крестьянами, он все же являлся тяжелым бременем для башкир, о чем свидетельствует их постоянные яростные протесты против него. Согласно документам первой половины XVIII века, средний двор платил примерно 25 копеек в год³, хотя зажиточные башкиры, очевидно, платили

¹ Демидова Н.Ф. С. 214.

² ЦГАДА. Уфимская Приказная Палата. Д. 1168. Л. 3. Цит. — ся по работе: Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVII в. // Исторические записки. 1961. N 68 & С. 216.

³ Материалы БАССР. Т. 3. С. 378-379.

значительно больше. Распределение ясачного сбора между дворами внутри рода вызывало много споров. Когда башкиры не могли договориться между собой, они часто обращались к русским чиновникам с прошениями о справедливом распределении между ними этого бремени¹.

Относительно переселенцев, проживавших на территории Башкирии, — татар, чувашей, мари и других — существовали отдельные предписания. В то время как башкиры подлежали обложению ясачным сбором согласно размеру земли, которой они владели, тептяри же и бобыли не имели собственных земельных участков. Русские обычно приписывали их к той земле, которую они арендовали или занимали. Средний размер дани был значительно выше размера ясачного сбора с башкир и колебался от 40 до 80 копеек. Тем не менее, эта сумма была значительно меньше размера подушного налога, который платило оседлое население Поволжья.

Ежегодно процесс сбора ясака начинался 1 сентября и занимал от 5 до 6 месяцев. Растянутость этого процесса во времени объяснялась тем, что некоторые волости находились на расстоянии 1000 верст от Уфы. Предводители башкирских родов, как правило, несли ответственность за доставку собранного в их волости ясака, однако из Казани и Уфы посылались специальные сборщики ясака из числа русских². Эти специально посылаемые сборщики имели много возможностей для казнокрадства. То, что они были подвержены этому соблазну, выявляется из многочисленных жалоб со стороны башкир и других русских чиновников. Последние писали жалобы, очевидно, по соображениям чести или из зависти. Татищев, как уже отмечалось, выступал за то, чтобы поручить обязанности по взиманию ясака с одновременным увеличением их властных функций, старшинам башкир. Хотя это предложение было

встречено с одобрением, оно так и не было последовательно осуществлено. Специальные сборщики ясака продолжали взимать этот сбор в большем, чем это требовалось, законом объеме. Как свидетельствует статистика казначейства, (сюда, следует подчеркнуть, не вошли незаконные изъятия), общая сумма ясачного сбора в Башкирии возросла с 6439 рублей и 70 с четвертью копеек в 1725 году до 8487 рублей и 13 с тремя четвертями копеек в 1734 году¹. О распределении этих выплат среди различных слоев местного населения можно судить по состоянию на 1720 год. В то время башкиры платили примерно одну треть всей суммы ясачного сбора, остальную часть выплачивали тептяри и бобыли. Скудость исследований в этой области и ненадежность имеющихся данных позволяют сделать лишь приблизительные подсчеты, однако из приведенных выше цифр следует, что ясаком облагались менее 10000 дворов башкир и примерно такое же количество дворов тептярей и бобылей.

В 1739 году началась давно откладывавшаяся перепись ясачного населения. К концу года было переписано 130 волостей, в том числе 1699 деревень, насчитывавших 15431 двор, 42537 мужчин и 42118 женщин, всего 84655 человек. В эти данные не вошло все население, так как один из офицеров, занятых подсчетами, докладывал, что 101 деревня в окрестностях Мензелинска не была охвачена переписью. Кроме того, не было данных по горным местностям Урала и дальним районам Зауралья, где перепись не проводилась. Восстание 1740 года помешало завершению начатой переписи². Прошло более десяти лет, прежде чем была предпринята более или менее полная перепись населения.

Кроме ясака, русскими чиновниками взимались таможенные пошлины и ряд косвенных налогов, основная часть которых касалась лишь местного русского населения. Самые большие сборы поступали от

Демидова Н.Ф.С. 218).

² Материалы БАССР.Т.3.С.486; ПСЗ.Т.8.С.232; Демидова Н.Ф. С.220

¹ Демидова Н.Ф.С.215).

² Устюгов Н.В. Восстание.С.138 – 139.

таможенных пошлин в русских городах, так, в 1734 году эта сумма составила свыше 2000 рублей в одной лишь Уфимской провинции¹. Эти виды сборов не были распространены в Башкирии повсеместно, так как этот край являлся приграничным и башкирское население не желало платить их. Предпринятые попытки распространить новые налоги на башкир окончились неудачей. Рядом указов, изданных в конце XVII века, башкиры были освобождены от уплаты таможенных пошлин на русских рынках. Что касается внутренней торговли между самими башкирами, или «домашних продаж», то она облагалась торговой пошлиной².

Для взимания внутренних таможенных пошлин администрация учредила таможни и назначила ответственными за сборы «приведенных к присяге людей» (целовальников)³. Эти чиновники пользовались плохой репутацией. Вот что утверждалось в характерной жалобе нескольких башкир от 1728 года:

«... конские и табашные целовальники к нам башкирцам по всем дорогам ездят не малое число, а каждой целовальник имеет при себе человек по 5—ти, берут у нас подвода, тако же и пищу, гусей, уток и рыба, пива и меду берут насильно; а ежели хто не даст или не имеет, то оные целовальники за то нас разоряют и напрасными поклепами убытчат. А ежели мы продадим товару лисиц, куниц, волков, лошадей и протчей скотины, то оные целовальники хотя и знают, хто какова товару продал, в той своей поески оные целовальники пошлины не спрашивают, а как приедут вторично, того человека штрафуют, якобы он утаил [правду]»⁴.

Монополия на соль, которая действовала повсеместно по всей империи, касалась лишь тептярей и

бобылей. Башкиры имели право добывать соль, хотя последняя предназначалась для их собственных нужд, а не для продажи¹. Перечень налогов завершился двумя небольшими сборами, которые приносили не столько доход в казну, сколько являлись источником недовольства населения. Табачная пошлина введенная и впоследствии вызвавшая поток жалоб на подделку табака и другие злоупотребления, в 1729 году была отменена². Браки нехристиан так же облагались налогом, однако доход от этого сбора был весьма незначителен, составляя в 1734 году менее 100 рублей.

Кроме налогов, башкиры и другие нерусские жители юго-восточного приграничного региона облагались еще и дополнительными повинностями. Башкирские тарханы, служилые татары и мещеряки привлекались к различного рода военным кампаниям, за что они освобождались от уплаты ясака. Они размещались в пограничных крепостях и несли сторожевую службу³. Во время башкирских войн XVII и XVIII вв. эти отряды действовали вместе с русскими войсками. Многие были отправлены на службу в Прибалтику против шведов и на Украину против турок и крымских татар. Они служили переводчиками, посредниками, послами и выполняли многие другие поручения. Их содействие было жизненно необходимо русским для укрепления своей позиции в приграничье.

Самые тяжелые повинности выполнялись тептярями и бобылями. Они вместе с русскими крестьянами рубили лес, копали канавы и выполняли тяжелые работы во время строительства и ремонта оборонительных линий. Они также должны были обеспечивать перевозку людей и учреждений, занятых правительственными делами. Дорог в Башкирии того времени было мало, и поток грузоперевозок и

¹ Демидова Н.Ф. С.222.

² Материалы БАССР.Ч.1.С. 74-75, 124

³ Там же.Т.3.С.577.

⁴ Там же.Ч.1.С.124.

¹ Добросмыслов А.И. Материалы.Ч.1.С.193.

² Демидова Н.Ф.С.224.

³ Материалы БАССР.Т.3.С.485. Добросмыслов А.И. Материалы.Ч.1.С.210.

пассажирского движения был небольшой. Ввиду этого транспортное обслуживание не было повсеместно организовано. Однако, в окрестностях Казани обес — печение гужевым транспортом и почтовая служба были тяжелым бременем. В экстренных ситуациях эти группы привлекались и для военных целей, однако попытки упорядочить набор и сделать правилом по — добное их использование вызвали такое сильное со — противление, что от этой практики пришлось отка — заться¹.

Русский колониальный суд. **Религиозная политика. Злоупотребления** **чиновников и другие вопросы.**

Русское правительство учредило в Башкирии си — стему судопроизводства, призванную отправлять правосудие над русскими, тептярями и бобылями. Башкиры и другие мусульмане разрешали большин — ство своих проблем по законам шариата — сво — да исламского законодательства, на местном уровне, в присутствии старшины рода и муллы. В XVIII столе — тии все чаще русские суды под председательством воевод стали рассматривать земельные споры и дела мусульман с иноверцами. Работа по отправлению правосудия была очень доходной для правительст — венных чиновников. Взятничество, высокая судеб — ная плата и другие злоупотребления создавали судам плохую репутацию, хотя постоянные жалобы неко — торых честных чиновников показывают, что были среди них и порядочные люди².

Для обеспечения добросовестной службы и под — держания внутреннего порядка русские продолжали использовать древний метод взятия заложников. Обычно заложники подбирались среди «лучших лю — дей» и содержались в Уфе, Казани, Бирске, Тоболь —

ске и других центрах. Число их было непостоянным. Во время восстаний и после них количество залож — ников увеличивалось. В сравнительно мирные годы XVIII века в Уфе и Бирске содержалось около 50 че — ловек¹. Взятие в заложники было постоянным источ — ником жалоб со стороны башкир, поэтому Кириллов, как и другие считал этот прием не эффективным.

Ввиду того, что большинство народов юго — вос — точного приграничного региона исповедало ислам, перед русскими встала религиозная проблема. Муллы часто использовали свое положение и мечети для поддержки вступлений башкир. Ислам также служил связующим звеном между кочевыми народами и турками — османами. Имевшие место случаи обраще — ния к крымским татарам как к своим единоверцам, побудили русских недоверчиво относиться к мусуль — манскому духовенству. Для решения этой проблемы и обращения местных жителей в христианство в 1721 году было основано Уфимское епархиальное управ — ление. Вскоре оно было закрыто вследствие ненуж — ности². Местные народы остались верны своей рели — гии, особенно татары, которые были преданы исламу. В целом, попытки обращения мусульман в русскую православную оказались безуспешными.

Выше неоднократно упоминалось о случаях взя — точничества и других злоупотреблениях среди чи — новников. Честные и компетентные правительствен — ные чиновники встречались сравнительно редко. Коррупция проникала всюду и становилась весьма обыденным явлением до тех пор, пока тот или иной чиновник не заходил в этом деле слишком далеко. Известны были случаи судебных разбирательств по этому поводу. Многие должностные лица высочай — шего ранга, в том числе Татищев, вице — губернатор Уфы Аксаков и другие, были освобождены от своих обязанностей и привлечены к суду. Один русский историк назвал дело Аксакова новым «башкирским

¹ Демидова Н.Ф.С.231.

² Добросмыслов А.И. Материалы.Ч.1.С.193; Материалы БАССР.Ч.1.С.123; Т.3.С.491; Демидова Н.Ф.С.231 — 232.

ПСЗ.Т.8.С.112.

² Витевский В.Н. С.395. Материалы БАССР.Ч.1.С.119.

бунтом», где «вместо пуль и стрел, полетели просьбы, доносы и жалобы»¹.

В предыдущих главах неоднократно затрагивалась вечная проблема русской администрации — бегство крепостных в приграничье. Закамская линия, построенная на границе Казанского уезда и Башкирии, подобно более известной ее предшественнице — Великой Китайской стене, выполняла двойную функцию: она должна была сдерживать натиск кочевников извне и удерживать крепостное население в границах империи. В результате патрулирования границы совершить побег было почти невозможно. Паспортная система, существовавшая внутри России, облегчала поиск беглецов. Те, у кого не оказывалось при себе соответствующих документов, задерживались и отправлялись обратно домой. Часто издававшиеся указы о возврате беглых людей свидетельствуют о серьезной озабоченности правительства². Для изучения этой проблемы создавались специальные комиссии, самая значительная из которых работала в 1721 году под руководством М.Г. Головкина. В результате деятельности этой комиссии были обнаружены тысячи дворов крепостных, которые были возвращены прежним владельцам³. Время от времени организовывались и другие широкие кампании подобного рода, однако они обычно были безуспешными.

Подобную же проблему для русской администрации создавали и башкиры. Тяжелое бремя налогов и другие многочисленные повинности иногда принуждали башкир откочевывать на более дальние территории. Нами уже упоминались случаи бегства в казахские аулы. И снова русские употребили свои оборонительные линии в двойных целях. Оренбургская линия отрезала башкирам спасительный путь в казахские степи, и башкиры хорошо это осознавали.

¹ Игнатъев Р.Г. Суд над бригадиром Аксаковым. (Уфа, 1875). С.5. См. также Материалы БАССР.Т.3.С.489—492, где приводится сообщение Кирилова о коррупции и др. злоупотреблениях.

² ПСЗ.Т.7.С.179—180, 503-504.

³ Материалы БАССР.Т.3.С.560—561.

Экономическая политика

Как уже было отмечено, одной из главных движущих сил экспансии русских на юго-восточную границу были экономические интересы. Помимо взимания ясака и других повинностей с местного населения, администрация стремилась эксплуатировать природные ресурсы колониального района и развивать торговлю с Востоком. Позднее она стала способствовать развитию сельского хозяйства для того, чтобы обеспечить продуктами население городов и крепостей оборонительных линий¹.

Рано прослышав о минеральных ресурсах Урала, уже XVII веке русские стали плавить там железные и медные руды. Во время царствования Петра особое внимание уделялось быстрому развитию промышленности, что должно было стать основой военного могущества государства. Этим объясняется упорное стремление к разработке минеральных ресурсов пограничной области. В 1720 году, став начальником Казанских, Сибирских и Уральских заводов, Татищев старался усовершенствовать технологию и увеличить выработку металла до такой степени, чтобы удовлетворить внутренние потребности государства и, кроме того, ежегодно экспортировать 300 тыс. пудов железа².

В те же годы Кириллов, еще один «птенец гнезда Петрова», прилагал большие усилия для развития промышленности в пограничных районах. Даже направляясь к югу от Уфы для основания Оренбурга, он вел поиски рудных залежей. 16 августа он сообщал в Сенат, что обнаружил значительные месторождения меди, серебра и других минералов где-то в 500 вер-

¹ По вопросу экономического развития см.: Roger Portal. L'Oural au XVIII siècle: 'etude d'histoire économique et sociale. Paris. 1950; Павленко Н.И. К истории южноуральской металлургии в XVIII веке //400—летие присоединения Башкирии к русскому государству. Уфа. 1958; Аполова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX века. М., 1960/

² Алефиренко П.К. Экономические взгляды В.Н. Татищева //Вопросы истории. 1948. N12. С.89—90.

стах от Уфы¹. Несмотря на продолжающуюся войну с башкирами, он делал разведку руд при каждой удобной возможности. В июле 1736 года во время строительства Табынска Кириллов определил место для возведения медеплавильного завода с десятью печами, от которого намеревался получать 10–15 тысяч пудов меди ежегодно². Медеплавильный завод был построен в 1737 году, однако вскоре был разрушен башкирами. Позднее в 1743 году он был вновь отстроен. В 1736 году Кириллов планировал построить еще три предприятия: на реке Орь для плавки меди и серебра, на реке Урал ниже устья Сакмары для производства примерно 10000 пудов меди ежегодно и, наконец, более крупный объект в Казанском уезде на реке Шешма, который должен был давать ежегодно от 100000 до 150000 пудов меди³.

Татищев и Урусов продолжили дело, начатое Кирилловым, однако волнения XVII и первой половины XVIII веков несколько замедлили экономическое развитие региона. Тем не менее, после 1726 года горнорудная и металлургическая или горнозаводская отрасль промышленности значительно выросла. В дополнение к старым 13 заводам к 1762 году были введены в строй новых 44 железоплавильных и 47 медеплавильных предприятий. В середине XVIII века уральский промышленный комплекс производил примерно 70% железа и меди во всей империи⁴.

Перспективы торговли со Средней Азией, Индией и Китаем еще задолго до XVIII столетия манили русских на юго-восток. Главной помехой для торговли являлись опасности, связанные с переходом через казахские степи. Петр и его последователи осознавали, что казахи занимали стратегическое или господствующее положение на пути торговых караванов.

¹ Материалы БАССР.Т.3.С.497.

² Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи... С. 105; Добросмыслов А.И. Труды. С.88.

³ Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи ... С. 108.

⁴ Там же С. 216; Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР.М.,1954.Ч.1. С.358.

План Кириллова был очень смелый и далекоидущий. Предполагалась основать крепость и пристань у устья реки Сыр – Дарья на Аральском море, а также построить военно – морской флот с целью контроля путей, ведущих в Среднюю Азию. Плохо представляя географическое положение этого региона, Кириллов полагал, что речные пути, возможно, ведут прямо в Индию. Эта часть Оренбургского проекта не была реализована, однако в результате предусмотренных ею изысканий были получены важные географические сведения. Кириллов затем занялся вопросами организации караванной торговли.

С незапамятных времен купцы вели караваны в Азию и обратно. Петр Великий с характерной для него стремительностью вознамерился нанести удар в самое сердце Средней Азии. В результате этой попытки, экспедиции Бековича – Черкасского в 1717г., караванная торговля между Россией и городами Средней Азии временно прервалась. 19 сентября 1727 года Петр II издал указ о возобновлении этих торговых связей.

Стремление России содействовать развитию торговли со Средней Азией и Индией было усилено в результате обнаружения аналогичных интересов Великобритании. В 1732 году русский посол в Лондоне Антиох Кантемир докладывал, что англичане намеряются заняться поисками водного пути из Архангельска в Японию, Китай, Индию и даже Америку¹. В начале 1733 года представитель некоей английской компании представил королю проект установления транзитной торговли с Персией через Россию². Русское правительство, будучи сильно озабочено в 30-ые годы XVIII века польскими делами, турецкой войной и выступлениями башкир, в 1734 году заключило договор и предоставило англичанам необычайно широкие привилегии³. Некоторые британские агенты

¹ Александренко В.Н. Реляции кн. А.Д.Кантемира из Лондона (1732– 1733)М. 1892.Т.1.С.62–63.

² Сборник Императорского русского исторического общества. N 76.С.78.

³ Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя политика России. М. 1974. С. 101; Остроухов А. Англо – русский торговый договор 1734 г. СПб.1914. С. 42.

обратили свои взоры на юго-восток России в надежде открыть краткий путь в Среднюю Азию и Индию. Джон Кастрл как раз и являлся одним из этих англичан.

В своих дневниках Кастрл, художник Оренбургской экспедиции, сам поведал об этих событиях. Он описал запланированное им 14 дневное путешествие из Оренбурга в Индию через Аральское море и реки Аму- и Сыр-Дарью. Ввиду выгодного местоположения Аральского моря он считал его важнейшим пунктом для развития торговли и использования богатств прилегающего региона¹. Англичане не были одиноки в своих устремлениях. Эти мысли высказывались ранее Кирилловым, конечно же независимо от англичан². Он вызвал из Астрахани в Уфу индийского купца по имени Марави, чтобы тот ознакомил его с путями, ведущими в Индию, и с возможностями организации там торговли. Марави утверждал, что существует несколько путей в Индию, как через Персию, так и через Среднюю Азию, однако трудности путешествия через эти области, заметил он, мешают развитию торговли. Если бы можно было открыть безопасный и менее обременительный маршрут через Бухару в Индию, он полагал, что число индийских купцов было бы значительно больше. В феврале 1736 года Санкт-Петербург рекомендовал Кириллову от править Марави через Бухару в Индию с копией письма о торговых привилегиях, предоставляемых купцам в Оренбурге³.

Устав Оренбурга, который был издан сразу же после учреждения экспедиции, разрешал селиться в новом городе всем людям, за исключением беглых крестьян, солдат-дезертиров и крестьян, облагаемых подушным налогом. К тому же Кириллов не был слишком строг при проверке соответствующих документов. Особой благосклонностью административ-

ции должны были пользоваться купцы и ремесленники. Как отмечалось выше, право поселиться в городе предоставлялось людям следующих национальностей: русским, другим европейцам, грекам, армянам, индийцам, персам, бухарцам, хивинцам, казахам, ташкентцам, калмыкам, башкирам и каракалпакам. Всем им разрешалось заниматься торговлей и промышленностью, беспрепятственно путешествовать и свободно исповедовать свою религию. В течение трех лет не разрешалось взимать какие-либо пошлины. Налоги ограничивались арендной платой за пользование караван-сараями, общественными рынками, складами и несколькими небольшими акцизными сборами. Эти средства были необходимы для содержания местного административного аппарата. Как русским, так и иностранцам разрешалось строить и эксплуатировать заводы и фабрики; земля для этих предприятий должна была предоставляться бесплатно. Городской магистрат, однако, оставлял за собой право инспектировать эти предприятия. Частные владельцы могли хранить, складировать и распоряжаться товарами согласно своему усмотрению, при этом за таможенными чиновниками оставалось право досмотра за ними и взимания причитающихся налогов. Военным чинам, членам администрации и духовенству не разрешалось заниматься торговлей. Предусматривалось быстрое рассмотрение жалоб и торговых споров. Были разрешены даже частное производство и продажа пива, вина и водки, магистрат же при этом имел лишь право инспекции.

До отправки в Индию Марави Кириллов во время своего пребывания в Самаре встретился с Джоном Кастрлом, которого ему представил бухгалтер экспедиции Рычков П.И., и попросил его сопровождать Марави в качестве представителя России. Кастрл вежливо отказался, так как считал, что предложенные ему несколько сотен рублей являются явно недостаточной компенсацией за это путешествие.

В сентябре 1736 года Кастрл все-таки выполнил

¹ Journal, P.76ff.

² Добросмыслов А.И. Материалы. Ч.1.С.18.

³ Матвиевский П.Е. Дневник Джона Кастрля как источник по истории и этнографии казахов //История СССР.1958,N4.С.135.

другое поручение Кириллова, который всегда стремился к изучению обширной пограничной территории, находящейся под его контролем. Вместе с Чемодуровым и отрядом в 120 казаков он спустился вниз по реке Урал на плотках из Оренбурга в Уральск, откуда проделал путь к Самаре, и наконец, к Симбирску, куда он прибыл 13 сентября с отчетом к Кириллову. Его дневник содержит описание региона и его населенных пунктов; в нем также рассказывается о беглых крестьянах, обосновавшихся возле реки Сакмара, содержатся подробности об Уральске и его населении, упоминается о залежах соли, рыбных запасах, странных и полудрагоценных камнях, встретившихся в пути. По другому случаю Кирилов намеревался отправить английского морского капитана Джона Элтона с караваном в Ташкент под видом купца. Элтон должен был вести наблюдение и обследовать местности, пригодные для постройки пристани и флота на Аральском море¹. В Оренбурге уже оставались купцы на своем пути из средней Азии в Самару и Казань².

Ввиду того, что казахи, как и раньше, были непредсказуемы в своих действиях, отправлялись лишь небольшие караваны для снижения потерь в случае нападения на них. Как русские, так и среднеазиатскую купцы платили казахам за сопровождение караванов и иногда брали заложников для обеспечения надежности охраны их сопровождающими.

Татищев, который так же много способствовал развитию торговли с Востоком, продолжил дело Кириллова. Для торговли с казахами и среднеазиатскими купцами он сначала начал строить здания и другие сооружения рынка на степной стороне реки Урал в 2-ух верстах от реки. Считая расположение Оренбурга невыгодным по ряду причин, Татищев принял решение о переносе города на новое место. Старый Оренбург служил основным центром торговли на

русско — казахской границе в период с 1743 г., когда он был вытеснен третьим уже по счету городом с таким названием у устья реки Сакмары. Второй Оренбург (1741 — 1743 г.) так и не стал жизнеспособным центром торговли. Мероприятия Татищева по развитию торговли оказались малоэффективными. Во время его правления (1737 — 1739 г.) в Оренбург приехало мало купцов и торговцев.

В 1738 году Татищев отправил свой первый караван в Ташкент с целью торговли и получения привилегий для русских купцов. Во главе каравана стоял полковник Карл Миллер. Общая стоимость товаров достигала 20000 рублей, из которых на 3000 рублей было государственных товаров. Воспользовавшись этой возможностью, Татищев послал с караваном топографа для ведения географических исследований. Успешно пройдя территорию Малой и Средней Орды, караван потерпел неудачу в двух днях пути от Ташкента. Группа казахов с Большой Орды захватила всех людей, животных и товары, за исключением самого Миллера, некоторых его товарищей и нескольких верблюдов с товарами. Последним удалось спастись при помощи местного князя, затем добраться до Ташкента. Товаров, которые были при Миллере, было достаточно лишь для его проживания в Ташкенте, но не для выкупа его пленных товарищей. Последние сразу же были проданы в рабство. Батыр Джанибек, тархан со Средней Орды, предложил Миллеру свои услуги и направил послов хану Табарсу Большой Орды и главе группы налетчиков с просьбой вернуть товары и пленников. Миллер и немногие его спутники в конце концов вернулись в Россию, однако, товары и пленники так и не были возвращены. Приграничная война на севере и обострение отношений между казахами, калмыками и джунгарами в южных степях в значительной степени помешали успешному исходу этих событий.

Центральное правительство приказало Урусову перевести немногочисленных оренбургских купцов в

¹ Рычков П.И. История. С.28.

² Рычков П.И. Топография. Ч.2.С. 225-226.

новый город, как только он будет построен. Это решение еще больше расстроило торговые дела в начале 40-х годов XVIII века. Этим самым указом были утановлены трехпроцентные таможенные пошлины, которые должны были содействовать в течение 10 лет, по истечении срока они должны были составить 5%¹. В 1740 году Урусов договорился о подчинении России Средней Орды, тем самым значительно расширив сферу торговли, осуществлявшейся русскими среди казахов. Последние же были заинтересованы в рынке сбыта своего скота и других товаров, а также в поставках тканей, кожаных и металлических изделий. Ввиду того, что Оренбург находился на расстоянии свыше месячного пути на лошадях от некоторых местностей Средней Орды, жившие там казахи предпочитали продавать в более близких им сибирских городах Тара, Тюмень и Тобольск. Они также наведывались в пограничные города, расположенные от устья реки Урал до верхнего течения Иртыша². По причине своей близости к Малой Орде, поддерживавшей более тесные отношения с Россией, старый Оренбург (позднее получивший название Орска) являлся главным центром торговли казахов с Россией до завершения строительства нового города.

Со стороны русских торговлей в Оренбурге занимались несколько групп. Во главе них стояли профессиональные предприниматели, главным образом, казанские и татарские купцы из различных городов Среднего Поволжья. В 1728 году группа этих купцов обратилась с предложением учредить компанию с капиталом в 100000 рублей, однако взамен просила исключительные права на торговлю в Оренбурге. Они хотели, чтобы правительство запретило крестьянам заниматься торговлей. Но правительство отказалось удовлетворить их просьбу, хотя и ввело некоторые ограничения на участие крестьян в торговле³.

¹ ПСЗ.Т.10.С.868-871.

² Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи.С.120,232.

³ Там же С.244.

Другая группа коммерсантов состояла из уральских казаков. Татищев отмечал в 1737 году, что «Яицкие [уральские] казаки, усмотря спокойствие в киргизах [казахах], немало русских товаров возили и розменяли. Також и киргисцы к ним в Яицкий городок [Уральск] начали приезжать и товары разменяют»¹.

Администрация обеспокоилась, так как в Уральске не было таможенных чиновников, и она боялась, что не будут взysкиваться причитающиеся пошлины. Татищев обратился к правительству с просьбой о прекращении торговли в казачьих поселениях и в городах оборонительных линий. Указ от 15 февраля 1738 года разрешал уральским казакам торговать без уплаты таможенных пошлин только в своих собственных поселениях². Позднее и это право было отменено.

Некоторое представление об объеме торговли можно получить из неполных статистических данных по таможенным пошлинам³.

Пошлинные (таможенные) сборы в Оренбурге в 1738–1744 гг. (в рублях)

Год	Сумма
1738	546,98
1739	687,63
1740	3 083 23
1741	3 872 39
1742	3 384 50
1743	4 182 83
1744	4 806 19

Ввиду того, что здесь не приняты во внимание торговые сделки в западно-сибирских городах и незаконная и полужаконная торговля казаков и крестьян

¹ ЦГАДА. Дела Сената по Кабинету, 1738 г., Д.90/П.Л.59. (Цит-ся по тому же источнику, С. 247–248).

² Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург. 1898 С.5.; Рычков П.И. Топография. Ч.1.С.330-331).

³ Аполлова Н.Г. Экономические связи и политические связи ... С.292.

ян, невозможно оценить полный объем торговли в рублях за этот период. Тем не менее, эта статистика свидетельствует о том, что во время волнений в Башкирии и прилегающих степных районах торговля почти не увеличивалась. Когда выступления башкир были подавлены и в 1740 году установились дружеские отношения с казахами, произошло резкое увеличение торговли. Другое дело, возмещали ли доходы средства, вложенные при этом самой империей.

Оборонительные линии и их гарнизоны

Закамская оборонительная линия, построенная в XVII веке и заселенная большей частью служилым дворянством, представляла собой первое значительное продвижение вглубь юго-восточного пограничного региона. Спустя почти целое столетие центральное правительство все еще не решалось сделать следующий решительный шаг. Хотя Татищев еще в 1724 году высказывался за строительство крепостей на реке Урал, в 1730 году администрация решилась перенести Закамскую линию лишь на незначительное расстояние в юго-восточном направлении. После того, как были сделаны огромные затраты и тысячи рабочих трудились над ее возведением в течение нескольких лет, стройка была приостановлена в связи со строительством так называемой Оренбургской линии.

К началу работ на новой Закамской линии летом 1732 года к строительству были приписаны служилые люди со старой линии и 3000 рекрутов из казанского уезда¹. Для заселения и укомплектования гарнизонов новой линии администрация решила организовать 4 ланд-милицких полка, три конных и один пеший, из «служилых людей старой службы», включая сюда тех, кто являлся государственными крестьянами, а также жителей 8 городов, продолжавших сохранять свой особый старый статус. Государственные крестьяне до 1724 года являлись мелкопомест-

ными дворянами, драгунами, кавалеристами и уланами при наборе подлежали восстановлению в своих прежних чинах¹. Они по-прежнему облагались подушным налогом². Из числа этих 29 тысяч мужчин один из тридцати подлежал набору в новые полки. Другая группа, не облагавшаяся подушным налогом, насчитывала примерно 5000 мужчин, из числа которых набору подлежали все, годные к службе³. Для содержания 4-х полков правительство постановило создать фонд в 48 тысяч рублей, хотя действительные расходы составляли всего 46196 рублей⁴. Снабжение провизией предусматривалось лишь в случае выступления войск в дальние походы.

В 1733 году, несмотря на то, что новая линия была недостроена, все 4 полка получили приказ о переводе к новому месту службы. До завершения строительства они должны были работать на крепостях и заставах. Помимо ланд-милицких полков, для работы на линии были набраны 15000 крестьян из Казанской губернии, которые были организованы в 2 смены. Все, в том числе и солдаты ланд-милиции, за свою работу получали жалование⁵.

Служилые люди составляли ядро гарнизонов в таких городах, как Бирск, Мензелинск, Самара и Уфа⁶.

С учреждением Оренбургской экспедиции состав войск на юго-восточной территории еще более усложнился. Кириллов в то время предложил включить в свою команду один батальон Уфимского гарнизонного полка, башкирских тарханов, служилых татар и половину рот дворянства, казаков и юношей из Уфы и Мензелинска⁷. Во время своего пребывания в Уфе зимой 1734—1735 годов Кириллов задумал реорганизовать служилых людей Уфы и Мензелинска в 5 драгунских рот. Санкт-Петербург отклонил это пред-

¹ Там же С.360—364; Т.12.С.691; Витевский В.Н.С.279.

² Дэн В.Э. С. 182.

³ ПСЗ.Т.12.С.691—694; Т.8.С.659; Т.9.С.105.

⁴ Там же.Т.8.С.950—952; Т.12.С.947.

⁵ ПСЗ.Т.9.С.21—23.

⁶ Рычков П.И. Топография.Ч.1.С.115; Дэн В.Э. С.183.

⁷ ПСЗ.Т.9.С.317.

¹ ПСЗ.Т.8.С. 517-518.

ложение, дав разрешение на формирование новых рот лишь из числа неслужилого люда или из сыновей тех служилых, которые еще не были набраны на службу.

Кириллов продолжал настаивать на своем предложении, и в конце концов правительство согласилось с его планом, аналогичным созданию ланд-милиции. Он получил разрешение набрать пять рот из числа служилых людей Уфы, Бирска и Мензелинска¹. Разразившаяся через год башкирская война заставила правительство одобрить план создания как можно большего числа рот из сибирских юношей, которые были объединены в драгунский полк, получивший название Оренбургского драгунского полка². Одновременно служилые люди из Уфы, Бирска и Мензелинска подлежали набору в Уфимский драгунский полк³. Эти полки впоследствии были организованы и отосланы в гарнизоны. Поскольку эти солдаты проходили регулярную службу, они, согласно указу, освобождались от подушного налога⁴.

Так как решение о постройке Оренбургской линии приостановило строительство новой Закамской линии, которая так и осталась не достроенной, ланд-милицим полкам новой Закамской линии был отдан приказ о переводе в оренбургские крепости⁵. По причине того, что в течение нескольких лет им уже во второй раз пришлось перебазироваться, ланд-милицкие полки были почти лишены возможности заниматься земледелием. В вопросах снабжения им приходилось полностью полагаться на правительство⁶. Намерения Татищева по срочному переселению ланд-милицих полков не были осуществлены из-за восстания башкир⁷.

¹ Там же. С. 508-509. Т. 12. С. 691 и сл.

² Там же. Т. 9. С. 508-509. Т. 12. С. 692.

³ Там же. Рычков П. И. Топография. Ч. 2. С. 198-203. См. также: ПСЗ Т. 10. С. 870-883. Т. 11. С. 120 и сл.; Т. 12. С. 692.

⁴ Там же. Т. 12. С. 691 и сл.

⁵ Рычков П. И. История. С. 32. См. также: ПСЗ. Т. 10. С. 412.

⁶ ПСЗ. Т. 12. С. 947.

⁷ Там же. Т. 10. С. 411.

Во время правления Урусова (1739—1940 гг.) правительство приказало укомплектовать все крепости от Волги до Сибирской линии ланд-милицией, казаками и другими «служилыми людьми старой службы». В каждом гарнизоне должно было быть не менее 2-х рот, и полки должны были располагаться на расстоянии не более 100 верст друг от друга¹. Позднее три драгунских полка были расселены в 9 крепостях, построенных на реке Сакмара². В том же указе говорится о необходимости поселения вдоль Оренбургской линии 3000 дворов «служилых людей старой службы». К 1740 году строительство опорных пунктов на реке Сакмаре еще не было завершено. Поэтому перемещения войск происходили медленно и завершились лишь к 1744 году³.

Учитывая слабость оборонительных линий вдоль нижнего течения Урала, Татищев в 1739 году предложил построить в этом регионе линию дополнительных сооружений⁴. Так как для укомплектования гарнизонов войсками уральских казаков было недостаточно, он поручил перевести сюда войска из Казанского гарнизона, а также дворянские и казачьи отряды из Самары. Уральские казаки опасались, что новые поселения и жители могут воспрепятствовать их рыболовному промыслу, и сами предложили построить 2 крепости и обеспечить их гарнизонами. Окончательное решение этого вопроса затянулось до 1743 года, когда просьба казаков была удовлетворена⁵.

Кроме уральских казаков, на юго-восточной территории проживали и некоторые другие группы казаков. Согласно составленной Кирилловым в 1736 году схеме построенных и запланированных им к постройке крепостей по рекам Самаре и Уралу, в этом регионе было размещено 445 казаков. Еще 424 каза-

¹ Там же. Т. С. 868; Дэн В. Э. отд. 1. С. 188 утверждает, что цифра 100 верст должно быть являться опечаткой.

² ПСЗ. Т. 10. С. 868.

³ Там же. Т. 12. С. 52, 691 и сл.; Дэн В. Э. С. 152, 192.

⁴ ПСЗ. Т. 10. С. 707.

⁵ Там же. Т. 11. С. 787 и сл.

ка были расположены в Табынске и Красноуфимске; всего их было 869 человек¹. Численность казачества возрастала, пока в 1755 году не составила около 4000 человек², в числе которых были самарские, уфимские и исетские казаки. Как и другие пограничные города, Самара была первоначально заселена служилыми людьми и казаками³. Алексеевск, управлявшийся из Самары, при основании в 1700 году насчитывал в своем гарнизоне 100 казаков⁴. Все служилые люди были приписаны к команде Закамской линии, когда в 1732 году началось строительство новой линии. В это время в Самаре насчитывалось 18 дворян, 15 нерусских людей и 335 казаков⁵. Татищев в 1739 году предложил отправить их на новую Оренбургскую линию, так как закамские гарнизоны находились слишком далеко от границы⁶.

К прибытию Кириллова в 1734 году гарнизон Уфы состоял примерно из 300 казаков. Он забрал половину из них с собой в Оренбург. В течение 1735–1736 гг. вблизи Уфы были построены 4 новые крепости: Елдятск, Красноуфимск, Табынск и Нагайбацк. Сведений относительно численности казаков, размещенных в то время в этих крепостях, не сохранилось, однако к 1760 году в первых трех насчитывалось 500 казаков⁷.

Казаки Нагайбацкой крепости имели самое разное происхождение. Среди них были мусульмане, язычники и христиане, набранные из числа нерусских народов этого края. Было даже несколько персов, арабов, афганцев и других освобожденных из плена в Казахстане и принявших христианскую веру⁸. Поселенцы — христиане жили на землях башкир, за что платили оброк своим владельцам — башкирам. Они

также обязаны были платить ясак в государственную казну. В 1736 году в качестве награды за верность режиму им были переданы во владение занимаемые ими земли и их освободили от уплаты ясака. В то же время они были привлечены к воинской службе как казаки¹. Кириллов поселил 261 человек в Табынске и 19 человек в Бузулуке². В конце 40-х годов XVIII века их численность достигла 1359 человек. В обмен на государственную службу им предоставлялось право владения землей. Они получали жалованье и провиант лишь в случае участия в кампаниях на расстоянии более 100 верст от дома³.

В обстановке башкирских восстаний русские испытывали недостаток служилых людей, ландмилиции и казаков. Поэтому администрация изыскивала дополнительные источники войск, такие, как например, ссыльные люди. До этого времени ссыльных отправляли в Сибирь. В 1736 году их впервые прислали Кириллову, чтобы он использовал их в районе Оренбурга. Любые излишки ссыльных сверх его потребностей подлежали отправке в Сибирь⁴. Из таблицы, составленной в 1736 году, видно, что 125 таких ссыльных стали казаками⁵. Начиная с 1739 года сосланных в этот край стали сопровождать их жены и дети⁶. Поскольку многие из ссыльных были непригодны к регулярной службе по возрасту или другим причинам, указом от 1740 года предписывалось посылать лишь пригодных к службе⁷.

С точки зрения численности самым главным источником пополнения казачьих рядов являлись крепостяне — сходцы. Во время войны центральные власти пошли на уступки беглому люду Оренбуржья. В начале 1736 года Кириллову было разрешено записать

¹ См. Приложение 1.

² Витевский В.Н. С.861.

³ Рычков П.И. Топография. Ч.2. С.103–105.

⁴ Там же.

⁵ Дэн В.Э. С.209.

⁶ ПСЗ.Т.10.С.707. См. также ПСЗ.Т.10.С.412.

⁷ Рычков П.И. Топография. Ч.2. С.209–213; История. С.115,125.

⁸ Рычков П.И. Топография. Ч.1. С.190–192.

¹ Дэн В.Э. С.211; ПСЗ.Т.9.С.743.

² См. Приложение 1.

³ Дэн В.Э. С.211; ПСЗ.Т.12.С.758 и сл., напр.

⁴ ПСЗ.Т.9.С.748–749.

⁵ Рычков П.И. История. С.26–27. См. также: ПСЗ.Т.9.С.743.

⁶ ПСЗ.Т.10.С.883.

⁷ Там же. Т. II. С.105–106.

их в казаки¹. Многие из них также пополнили ряды регулярной армии. По данным отчетов о беглых, находящихся на службе в регулярных и казачьих отрядах Оренбургской линии, из общего количества включенных в список 5154 человек, 2779 прежде были дворцовыми, 591 — церковными, 308 — помещичьими крестьянами, 54 сбежало с торговых предприятий и 1442 — из различных других сословий. Вплоть до 40-х годов XVIII века не делались попытки по возвращению беглых людей их владельцам².

Одна из наиболее крупных групп первопоселенцев вдоль среднего течения реки Урал прибыла с Украины. Татищев разрешил 2000 украинцам, которые утверждали, что они свободные люди, не состоящие в списках плательщиков подушного налога, поселиться в Оренбургском крае. Многие из них оказались беглыми. По этой причине правительство издало несколько указов, запрещавших крепостным менять место жительства³. Принимать следовало только тех, кто имел паспорт, разрешавший им переселяться⁴. В 1740 году Урусов послал на Украину вербовщика для осуществления набора поселенцев на Оренбургскую линию⁵. Украинцы проявили такой большой энтузиазм, что пришлось издавать другой указ, ограничивающий число переселенцев одной четвертью любого селения⁶. На Украине чиновники были вынуждены ограничивать переселение, дополнительно к мерам, возлагавшимся на вербовщиков⁷. Право на переселение имела лишь одна четвертая часть казаков из каждой сотни.

Мещеряки составляли важную составную часть сил русских. В 1734 году они были занесены в особую книгу, где оговаривались условия их службы⁸. В пер-

воначальном составе Оренбургской экспедиции числилось 600 мещеряков. В ходе башкирского восстания некоторые из них поступили на казачью службу, а другие были расселены вокруг новых крепостей таких, как, например, Табынск. В 1736 году за верную службу государству им было пожаловано право владения теми башкирскими землями, что они занимали, и они были освобождены от уплаты оброка¹. Правительство не выполнило полностью этого решения, так как вышедший в 1738 году указ вновь ограничил их право занимать и покупать башкирскую землю². В другом указе от 1739 года мещерякам предоставлялось право либо платить по старому оброк, либо прожить на свободных землях в районах, подверженных выступлениям башкир³. Причиной изменения отношения правительства к указанной группе населения явились опасения вызвать недовольство тех башкир, которые поддерживали русских.

Невозможно точно установить численность мещеряков в Башкирии того времени, так как вплоть до конца 60-х годов XVIII века не было предпринято ни одной тщательной переписи. Рычков, основываясь на доступных ему материалах, в 1745 году насчитывал 1531 мещеряцкий двор⁴. Позднейший подсчет, сделанный около 1760 года, приводит цифру 8,8 человек на двор⁵. Если предположить, что этот средний показатель размера одного двора оставался примерно одинаковым, то к середине 40-х гг. XVIII века численность мещеряков предположительно составляла 13000 человек обоего пола.

Тептяри и бобыли на юго-востоке использовались в качестве рабочих. Кириллов предложил набрать среди них рабочую силу для возведения сооружений Оренбургской оборонительной линии⁶. Невозможно

¹ Там же. Т.9. С.748-749.

² Дэн В.Э. С.221 и сл. Определения «дворцовые», «церковные» и «помещичьи» в отношении к крестьянам указывают на хозяев, от которых они убежали.

³ ПСЗ.Т.10.С.414,870-871.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Т.11. С.14-15.

⁶ Там же. С.117-118.

⁷ Там же. С.459.

⁸ Там же. Т.9. С.335.

¹ Добросмыслов А.И. Труды. С.60-63.

² ПСЗ.Т.10.С.444 и сл.

³ Там же. С.870.

⁴ Рычков П.И. История. С.82.

⁵ Рычков П.И. Топография. Ч.1. С.92 и сл. Большие размеры дворов, вероятно, объясняются тем, что были учтены также и дворовые слуги.

⁶ ПСЗ.Т.9.С.317. См. также ПСЗ.Т.9.С.325.

определить точное число тептярей и бобылей, принимавших участие в этой работе с 1735 по 1740 гг., однако в 1745 году из 5655 дворов 707 были приписаны к трудовой повинности¹. В 1736 году им так же предоставили право владения землей в награду за верную службу, однако указами от 1738 и 1739 годов ввели те же ограничения на владение башкирской землей, что и для мещераков². Судя по неточной переписи, проведенной Кирилловым в 1734–1735 гг., тептярей и бобылей насчитывалось примерно 11294 человека мужского пола³. Подсчет, осуществленный десятью годами позже, свидетельствует о быстром росте их численности, что объясняется продолжающимся бегством со Среднего Поволжья. К этому времени уже насчитывалось 28637 человек мужского пола⁴.

Выше неоднократно упоминались башкирские тарханы. В 1734 году Кириллов включил в списки 700 тарханов, однако лишь 100 из них действительно участвовали в экспедиции. В 1734 году они, подобно мещеракам, были внесены в особую книгу⁵. Вследствие имевших место случаев перехода части тарханов на сторону восставших, Кириллов и Румянцев намеревались отменить тарханство, но они не решились на этот шаг⁶. Наряду с тарханами, значительная часть башкирского населения вступила в союз с русскими. К 1740 году примерно 40% воинского контингента русских, находящегося под командованием Башкирской комиссии, составляли так называемые «верные башкиры»⁷. Судя по данным неполных переписей, предпринятых в 1739, 1743–1745 гг. и в начале 50-х годов XVIII века, общая численность башкир составляла примерно 100000 человек: 86384 человека в Уфимской провинции и 19792 в Исетской. Из это —

¹ Рычков П.И. История. С. 82.

² ПСЗ. Т. 10. С. 444–445, 870.

³ Дэн В. Э. С. 300.

⁴ Рычков П.И. История. С. 85.

⁵ ПСЗ. Т. 9. С. 335.

⁶ Там же. Т. 10. С. 870.

⁷ Материалы БАССР. Ч. 1. С. 431–433.

го количества около 1500 дворов принадлежали тарханам. В эти подсчеты не вошли данные по двум волостям Казанской губернии и по двум волостям в Осинской дороге¹. Говоря об этих цифрах, следует отдавать ясный отчет в том, что за период с 1735 по 1740 гг. свыше 30 тысяч башкир было убито, казнено или сослано².

Из сказанного выше видно, что администрация формировала воинский контингент из многих источников. Яркое представление о роли различных групп населения края в этом процессе дает июньский рапорт начальника Башкирской комиссии о численности войск в Башкирии³. Он отмечал, что в его распоряжении имеются 4267 человек регулярных войск и 7045 человек иррегулярных, что вместе составляет 11312 человек. Далее следует перечень различных составных частей русских войск:

Войска Казанского гарнизонного драгунского полка	934
Войска Уфимского драгунского полка	923
Войска Оренбургского драгунского полка	200
Войска Сибирского гарнизона драгунского полка	100
Драгуны из разных полков [не уточнено]	600
Войска из Шешминского лант — милицейского драгунского полка	781
Войска из Казанского пехотного батальона, командированного в Уфу	434
Войска Казанского гарнизонного пехотного полка	38
Войска Уфимского гарнизонного пехотного полка	35
Сибирские пехотные гренадеры	182
Войска из различных пехотных полков (не уточнено)	40
Уфимские, красноуфимские и табынские казаки	313
Исетские крестьяне — казаки	200
Нагайбацкие казаки — новокрещены	130
из иноверцев казаки	70

¹ Дэн В. Э. С. 277–280; Рычков П.И. История. С. 82; Топография. Ч. 1. С. 92–93

² Рычков П.И. История. С. 55–56.

³ Материалы БАССР. Ч. 1. С. 431–433. Расхождение показателей общего количества войск лишний раз доказывает зыбкость этой арифметики).

Кунгурские татары, черемисы и другие	903
Мещеряки и служилые татары	799
Окуневского дистрикта крестьяне	100
Верные башкиры	4455
Всего:	11237

В этот воинский контингент входили лишь, нашедшие под командованием Башкирской комиссии. Шешминские ланд-милицкие войска с Закамской линии, Оренбургские войска, войска из Казани и сибирские солдаты были приписаны к Башкирской комиссии временно на период войны. Этот же рапорт содержит описание расположения военных сил в Башкирии. Примерно 10000 человек принимали непосредственное участие в военных действиях и около 1300 человек занимали позиции на заставах внутри территории. В другом отчете Соймонова, отправленном месяцем позже, говорилось о направлении в зону военных действий дополнительных подразделений с Оренбургской линии. В частности, упоминается отряд в 100 драгун, 200 уральских казаков и 500 верных башкир; отряд в 100 драгун, 200 уральских казаков и 70 верных башкир, а также отряд в 300 башкир во главе со старшиной и отряд уральских казаков неуказанной численности¹. Из этих документов явствует, что гарнизоны городов и застав Закамской линии, Оренбургской линии, Сибирской линии и поволжских городов остались не включенными в отчет. Поэтому действительная численность войск, расположенных или действующих в регионе, значительно превышала приведенные в рапорте цифры.

В британской Северной Америке белые колонисты почти не пытались приобщить местное население к европейскому образу жизни или интегрировать местные культуры в англо-американское общество. Британское правительство, а позднее федеральное правительство Соединенных Штатов в своей пограничной политике руководствовались скорее принципами

исключения, чем включения — тем принципом, исходя из которого русские управляли местными народами Башкирии, Сибири и других пограничных регионов.

Это различие в исходных принципах управления отразилось и на военной стратегии. Британские и американские вооруженные силы использовали союзных им индейцев в качестве разведчиков, и в критических ситуациях их помощь иногда приветствовалась англо-американскими полевыми командирами. Однако власти Великобритании или США почти никогда не рассматривали всерьез возможность набора больших групп союзных им индейцев для службы в армии против их же враждебных соплеменников, а также государственной поддержки такой армии и оснащения ее вооружением. Пограничная военная стратегия России была прямо противоположной этому. В значительной степени будет справедливым отметить, что колониальные области были завоеваны для России самим местным населением этих регионов. Без всякого колебания правительство прибегло к помощи таких стоявших вне закона групп, как казаки, которые были укрощены и подчинены правительственному контролю различными способами — силой и подкупом — и не раз успешно использовались в колониальных регионах. Необходимость оправдывала применение на границе любых и всяких доступных воинских и людских резервов, так как центральная администрация не могла перебросить значительное количество регулярных войск с гораздо более важных западного и турецкого фронтов. Несмотря на разнородный характер вооруженных сил русских в Башкирии, они были организованы своими русскими командирами в грозный могучий кулак. Не проводило русское правительство такой политики, постепенное завоевание Башкирии явилось бы весьма длительным процессом.

Главным военным достижением русских в этом крае явилось возведение мощной оборонительной линии — Оренбургской линии, которая обеспечи-

¹ Там же. С. 441 — 450.

ла русским надежный контроль за регионом юго-восточной границы и подготовила почву для последующего продвижения к давно желаемой ими цели — Средней Азии.

Схема укреплений, составленная Кирилловым в 1736 году, свидетельствует об их концентрации в среднем течении рек Урал и Самара. (См. Приложение 1). Из 21 приведенного названия (за исключением Самары и Алексеевска, построенных ранее), 13 крепостей располагались именно по этой линии: Оренбург, Губерлинск, Озерная, Средний, Бердск, Крылов, Караульный, Верхний, Сорочинск, Тоцк, Бузулук, Борек и Красносамарск. Первые шесть располагались по реке Урал, а последующие семь — по реке Самара. Остальные восемь находились внутри Башкирии: Табынск, Красноуфимск, Едьятск, Кубовск, Калмыцкий Брод, Миасск, Кызылташск и Чебаркульск. 8 пунктов из 21 — го либо не были фактически основаны, либо вскоре покинуты. Они не фигурируют в более поздних списках: Средний, Крылов, Караульный, Верхний, Кубовск, Калмыцкий Брод, Миасск и Кызылташск. Любопытно, но в списке не значатся 3 укрепления, которые были действительно основаны и продолжали существовать: Верхнеуральск — первая крепость, основанная Кирилловым в 1734 году; Карагайск, построенный в 1735 году¹, и Нагайбацк, построенный в 1736 году².

Татищев построил 5 новых крепостей 4 по Самаре и среднему течению Урала: Елшанск, Тевкелев Брод, Переволоцк и Чернореченск. Другое укрепление, Еткульск, было построено внутри Башкирии³. Урусов за время своего правления возвел всего лишь 2 крепости, одну на реке Кутулук, в 25 верстах от Борска, в Самарской линии⁴ Ч.2.С.124), и одну на реке Чебакла недалеко от крепости

¹ Рычков П.И. Топография. Ч.2.С.148.

² Там же.С.205.

³ Там же.С.128 — 129; Витевский В.Н. С.161; Дэн В.Э.С.171. Сс.3.

⁴ Рычков П.И. Топография. Ч.2.С.124.

Губерлинск¹. И Урусов, и Татищев занимались поиском и осмотром площадок для возведения дополнительных крепостей вдоль верхнего течения реки Урал и восточнее для соединения с Сибирской линией.

По замыслу Татищева, новая оборонительная линия крепостей, редутов и застав должна была протянуться через южную границу Башкирии от Волги по реке Самара, далее по Уралу до Орска, вверх по Уралу до Верхнеуральска, оттуда по реке Уй до Царева на реке Тобол, соединяя таким образом эти крепости с Сибирской линией, которая простиралась на восток через южную Сибирь. Эта величественная оборонительная линия была призвана оградить территорию Российской колоний от степных кочевников. Планировалось также продлить эту линию вниз по реке Урал до устья, для предотвращения доступа кочевников в низовья Волги, где они могли переправиться через нее.

Схема крепостей и застав, составленная Рычковым между 1744 и 1750 годами, содержит перечень крепостей того времени и несколько более подробно отражает планы Татищева и Урусова — так, как они были претворены в жизнь позднее? (См. Приложение II).

Заключение

Ко времени смерти Урусова в 1740 году задачи, которые первоначально ставились перед Оренбургской экспедицией, фактически не были выполнены. В конечном итоге Россия добилась осуществления задач этого проекта, расчленив его на три этапа: 1) интеграция Башкирии в состав Российской империи; 2) присоединение Казахстана, и 3) завоевание Средней Азии. Эти три общих направления отражают чрезмерно амбициозные замыслы, выдвинутые Пет —

¹ Там же.С.139 — 140

² Рычков П.И. История.С.76 — 77.

ром Великим при его первом столкновении с пробле —
мами юго — восточного региона: покорение башкир,
прекращение набегов казахов на русские территории,
разработка экономических ресурсов пограничных
областей и Средней Азии, расширение торговли с
Хивой, Бухарой и Индией. Петр I стремился разре —
шить любую проблему, среднеазиатскую в особенно —
сти, сразу одним мощным решительным ударом.
Когда экспедиции Бековича и Бухгольца провалились
как открытые попытки захвата Средней Азии, он
осознал чрезвычайную сложность стоявшей перед
ним задачи. Казахов он рассматривал в качестве
первого препятствия. После смерти Петра, когда ка —
захи под натиском враждебного окружения обрати —
лись к России за помощью, правительство усмотрело
в этом возможность присоединить Казахстан в каче —
стве первого шага на пути овладения Средней Азией.
Кириллов выработал план, где подробно излагались
главные цели Петра, для осуществления которых и
была предпринята Оренбургская экспедиция. Однако
даже менее грандиозный проект Кириллова оказал —
ся таким же необычайно тяжелым для осуществления.
Великая башкирская война, начавшаяся после того,
как башкиры узнали о новом наступлении на их тер —
риторию, заставила Кириллова и его преемников за —
няться прежде всего покорением Башкирии. Вслед —
ствие этого и до Урусова, и во время его правления
отношения с казахами и другими народами Средней
Азии находились на втором плане. Построив Орен —
бургскую оборонительную линию, правительство в
конце концов окружило Башкирию, заставило баш —
кир подчиниться русским властям и присоединило эту
территорию к Империи, что нашло отражение в об —
разовании через несколько лет, в 1744 году Оренбур —
гской губернии. Это достижение, первый успешный
пункт программы, намеченной Петром I, и являет —
ся предметом рассмотрения в предыдущих главах.
Присоединению Казахстана и завоеванию Средней
Азии, следующим звеньям этой программы, суждено

было свершиться лишь столетие спустя после этого
события.

Итак, юго — восточная граница представляла собой
обширный регион, населенный кочевыми и полуко —
чевыми, частично исповедовавшими ислам и иного,
нежели славяне, происхождения народами, которые
не желали принимать чуждую им культуру. Проник —
нув в этот регион с помощью военной силы, Русское
государство проводило здесь такую же имперскую
политику, как и другие европейские державы той
эпохи в других частях света. Главным принципом по —
литики, проводившейся в ответ на сопротивление
колониальных народов, было, как в случае с башки —
рами, насилие. Казахи оставались вне русско —
го господства гораздо более длительное время. Рус —
ские были движимы в значительной степени тем же
сложным комплексом разнообразных причин: эко —
номическими интересами, желанием овладеть стра —
тегической позицией и верой в свое моральное и
культурное превосходство, что и другие народы Ев —
ропы эпохи империализма.

Способом, посредством которого русские осуще —
ствили включение Башкирии в состав Империи, бы —
ло по своей сути военное завоевание. Ввиду ограни —
ченности своих людских ресурсов им пришлось
прибегнуть и к дипломатическим приемам. Искусно
играя на чувствах взаимного недоверия между раз —
личными народами, для достижения своих целей
русские использовали самих жителей Башкирии.
Предводители различных племенных групп привле —
кались на сторону русских обещанием им льгот и
привилегий. Техническое превосходство и более эф —
фективная организационная структура явились по —
следними факторами, сделавшими победу России не —
избежной.

Приложение 1

СХЕМА КИРИЛЛОВА (1736)

Название	Расстояние до следую — щего города	Требуемое число казаков	Уфимские казаки	Уральские и сакмар — ские казаки	Калмыки	Прочие	Уфимские татары и ногайцы	Ссылльные	Всего	Необходимо дополнительно	Где размещены
1. Оренбург	—	500	150	3					153	344	По Уралу
2. Губерлинск	50	100								100	—»—
3. Озерная	60	300	24	22		46		5	97	203	—»—
4. Средний	40	200								200	—»—
5. Бердск	40	200		1					1	199	—»—
6. Крылов	60	300		3					3	297	—»—
7. Караульный	40	100								100	По Самаре
8. Верхний	35	100								100	—»—
9. Сорочинск	40	200								200	—»—
10. Тоцк	40	200		1					1	199	—»—
11. Бузулук	45	400		78	12	41	19	6	156	244	—»—
12. Борск	52									—	—»—
13. Красносамарск	48	200						30	30	168	—»—
. Алексеевск	42	Эти города были основаны раньше и уже заселены служилыми дворянами и казаками. Административно они были подчинены Сибирской Провинции, однако сейчас они входят в Ланд — Милицкую Команду.									
Самара	25										
	621	3000	174	169	12	87	20	41	445	2555	
14. Табынск — записать казаками (ссылльные крестьяне (казаки)						57	56	84	113		Внутри Башкирии
						23	185		208		
15. Красноуфимск — недавно записанные казаками						19			19		—»—
						186	261	84	424		
16. Едятск	Число нерегулярных солдат еще не установлено. Однако, их в этих местах потребуется мало, так как уже имеется достаточное число мещеряков.										
18. Калмыцкий Брод	Сибирская сторона Оренбургской линии										
19. Миасск											
20. Кызылташск											
21. Чебаркульск	Число нерегулярных войск еще не установлено; однако согласно указу Ее Императорского Величества, назначены казаки, набранные из сибирских юношей.										

Продолжение приложения II

1	2	3
Верхне Кизильской		25
Спасской		19
20.Верх – Яицкая [Верхнеуральская]		15
<i>От Верх– Яицкой [Верхнеуральской] пристани восточнее</i>		
Редут Сияжской	–	12
1. Уклькарагайская, при бору и озере, Укльы— Карагай называемом	–	20
Ерзединский	–	20
<i>По Ую реке</i>		
2. Уйская	–	22
Кадыжской	–	22
3. Степная	–	23
Подгорной	–	25
Санарской	–	25
4. Троицкая	–	25
Ключевской	–	26
5. Каракульская	–	24
Березовской	–	24
6. Крутоярская	–	22
Луговой	–	21
7. Усть – Уйская на устье реки Уя	–	23
Качардынская	–	25
Озерной	–	20
<i>По реке Тоболу (ведомства Сибирской Губернии)</i>		
8. Бакланская	–	20
Прочетной	–	16
9. Куртамышская	–	20
Лебяжьей	–	–
10.Утятской форпост	996	30
<i>От Волги по Самаре и Сакмаре рекам на Волге</i>		
1. Ставрополь, где крещенные калмыки селятся, построен в 1689 г.	491	–
2. Самара	429 1/2	63
3. Алексеевск	405	24
Деревня служилых татар	–	12 1/2
4. Красносамарская	–	30
5. Борская	314	49
6. Елшанская	–	38
7. Бузулудская [Бузулук]	–	–
Редут Погромной	–	–
8. Тошкая	–	–
9. Сорочинская	171	30
Редут Честного Креста	–	25
10.Новосергиевская	–	22
Полтавской	–	23
11.Переволоцкая	22	–
<i>Через Урал по Сакмаре реке</i>		
12.Сакмарск	29	80
<i>По новой Московской дороге</i>		
Деревня Беккува	56	27
13.Перечистенская	600	31
Никитинской	82	22
14.Вздвиженская	106	24
Желтой	129	23

Продолжение приложения II

От вершины реки Яика [Урала] к Исетской провинции

От Верх–Яицкой [Верхнеуральской] пристани через Уклькарагайскую и Уйскую крепости, а от оных в левую сторону

1. Чебаркульская крепость при озере Чебаркуль	691	
2. Эткульская крепость при озере, Эткуль именуемом	619	37

На реке Миасс

3. Челябинская, где Исетской провинциальной канцелярии быть определено	630	27
4. Миасская крепость	658	26

Внутри обеих провинций состоящая к Уфимской провинции

В Уфимской провинции

1. Город Уфа	333	
Пригороды		
2. Бирск	422	89
3. Оса	631	298
4. Каракулин		200

Построенные от Оренбургской комиссии крепости

5. Табынск на реке Белой	248	85
6. Красно – Уфимская на Уфе реке	687	354
7. Елаетск на реке Яику	493	60
8. Нагайбацкая	540	207

В Исетской провинции от Челябинска

1. Исетск		320
2. Шадринск		184
3. Окуневск		180

БИБЛИОГРАФИЯ

Основные источники

1. Акты археографической экспедиции ... В 4 тт. СПб. 1886.
2. Акты исторические ... В 5 тт. СПб. 1841 - 1844.
3. Акты западной России ... В 5 тт. СПб. 1846 - 1853.
4. Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV - XVIII вв. Алексеев В.Н., ред. Сталинград. 1936.
5. Бакунин В. Описание истории калмыцкого народа. // Красный архив. М. 1939. №3. С. 189 - 254; №5. С. 196 - 220.
6. Бантыш - Каменский Н.Н., Малиновский А.Ф. и другие. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. В 5 тт. М. 1813 - 1894.
7. Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов 1735 г. М. 1937.
8. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Сост. Добросмыслов А.И. В 2 тт. Оренбург. 1900.
9. Дополнение к актам историческим. В 12 тт. СПб. 1846 - 1872.
10. Ю.Фальк И.П. Записки путешественника. // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб. В 6 тт. СПб. 1824.
11. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740 - 1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиним. СПб. 1851.
12. Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиции Академии наук в XVIII - XIX вв. М. - Л. 1940.
13. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. В 30 тт. М. 1788 - 1798; 2 изд. в 15 тт. М. 1838.
14. Герберштейн С. Записки о московских делах. СПб. 1908.
15. Очерки истории каракалпаков. Материалы по истории каракалпаков. Иванов П.П. Отв. ред. // Труды института востоковедения. М. - Л. 1935. Т. 7.
16. Из истории Казахстана XVIII в. // Красный архив. М. 1938. № 2/87. С. 129 - 173.
17. Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. // Красный архив. М. 1936. № 5/78. С. 187 - 225.
18. Казахско - русские отношения в XVI - XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма - Ата. 1961.
19. Кирилов И.К. Цветущее состояние всероссийского государства. В 2 тт. М. 1831.
20. История каракалпаков XVIII в. // Красный архив. М. 1938. № 6/91. С. 225 - 254.
21. Книга Большому Чертежу, или древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная в книгу 1627 г. СПб. 1838; Последнее издание под ред. К.Н. Сербиной. М. - Л. 1950/.
22. Область сибирских киргизов. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Красовский М., ред. Ч. 1 - 3 СПб. 1868.
23. Сочинения князя Курбского. СПб. Т. 1.; см. также: // Русская историческая библиотека. В 39 тт. СПб. 1872 - 1927. Т. 31/.
24. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. Ч. 1 - 3 СПб. 1802.
25. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Маковецкий П.Э., ред. Вып. 1. Материальное право. Омск. 1886.
26. Материалы по истории Башкирской АССР. М. - Л. 1936 - 1956. Т. 1, 3, 4.
27. Материалы по истории Каракалпаков. М. - Л., 1935.
28. Материалы по истории Казахской ССР. Алма - Ата. 1948. Т. 2. Ч. 2/1741 - 1751/.
29. Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма - Ата. 1960. Т. 1.
30. Материалы по истории Татарии. Казань. 1948. Вып. 1.
31. Материалы по истории туркмен и Туркмении, иранские, бухарские и хивинские источники XVI - XIX вв. М. - Л. 1938. Т. 2. // Труды Института востоковедения. Т. 8/.
32. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л. 1932. Т. 1. Вып. 1.
33. Киргизская степь оренбургского вedomства. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Мейер Л., ред. СПб. 1865.
34. Новиков В.А. Сборник материалов для уфимского дворянства. Уфа. 1903.
35. Оренбургские степи в трудах П.И. Рычкова, Э.А. Эверс - манна, С.С. Неустрое - ва. М. 1949.
36. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. В 3 тт. СПб. 1774 - 1778.
37. Памятники сибирской истории XVIII в. В 2 тт. СПб. 1882 - 1885.
38. Письма и бумаги императора Петра Великого. В II тт. СПб. Петроград. М. 1887 - 1960.
39. Полное собрание русских летописей. В 30 тт. СПб. М. 1841.
40. Полное собрание законов Российской империи. В 44 тт. СПб. 1830.
41. Попов А.Н. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М. 1857.
42. Пупарев А. Несколько актов к истории башкирского бунта в царствование Анны Иоановны // Памятная книжка Казанской губернии на 1861 г. Казань. 1861. Отд. IV. С. 41 - 58.
43. Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб. 1770.
44. Рычков Н.П. Продолжение журнала или дневных записок

путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российской империи 1770 г. СПб. 1772.

45. Самойлов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава. 1870.

46. Сборник императорского русского исторического общества. В 148 тт. СПб. 1867–1916.

47. Сборник князя Хилкова. СПб. 1879.

48. Шишонко В. Пермская летопись с 1263 по 1881 г. В 5 тт. Пермь. 1881–1889.

49. Сибирские летописи. СПб. 1907.

50. Ответы капитана Стриженского на программу В.Н. Татищева. // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете 25 /1909/ Вып. 6. С. 167–175.

51. Указы императрицы Екатерины I и государя императора Петра II, состоявшиеся с 1725 г., января с 28 числа по 1730 год, напечатанные по указу императрицы Елизаветы Петровны, при Императорской академии наук. СПб. 1743.

52. Посольство к зюнгорскому хун-тайджи Цеван-Рабтану капитана И. Унковского // Записки русского географического общества по отделению этнографии. 10. СПб. 1867. Вып. 2.

53. Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями // Записки Императорской академии наук. 4/1864/. Кн. 2. Приложение, N 6. С. 1–48.

54. Временник Императорского московского общества истории и древностей российских. Кн. XIII «Смесь» С. 1–20.

55. Законы Тауке (Тявка) в работе: Левшин Т.З. 1832; Riasanovsky, Customary Law of the Nomadic Tribes of Siberia: а также: Материалы по казахскому обычному праву. Алма-Ата. 1943.

56. Castle, John. Journal von der A° 1736 aus Orenburg zu dem Abul Geier Chan der Kirgis — Kaysack Tartarischen Horda ... dargestellt durch John Castle einen Engländer und gewissen Kunstmaler bei der Orendurgischen Expedition // Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peters des Grossen, Zweiter Teil, 1730- 1741. Riga. 1784.

57. Dawson Christopher, ed. The Mongol Mission Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. New York. 1955.

Дополнительная литература

1. Акимов Т.М., Ардабацкая А.Н. Очерки истории Саратова XVII–XVIII вв. Саратов. 1940.

2. Александренко В.Н. Реляции кн. А.Д. Кантемира из Лондона (1732–1733 гг.). Т. 1. М. 1892.

3. Алекторов А.Е. История Оренбургской губернии. Оренбург. 1883.

4. Андриевич В.К. История Сибири. В 5 тт. СПб. Ир-кутск. Томск. Одесса. 1887–1889.

5. Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII–начале XIX вв. М. 1960.

6. Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30–х гг. XVIII в. Алма-Ата. 1948.

7. Атнагулов С. Башкирия. М.–Л. 1925.

8. Авдеев П.И. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске. Оренбург. 1904.

9. Бартольд В.В. Очерки истории Семиречья. 2 изд. Фрунзе. 1943.

Ю. Батраков В.С. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем /с XV до половины XVIII в./ Ташкент. 1958.

11. Бекмаханов Е.В. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата. 1957.

12. Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. СПб. 1882.

13. Бичурин Н.Я. [Якинф]. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб. 1834.

14. Бичурин Н.Я. Описание Джунгарии и восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб. 1829.

15. Бородин Н. Уральское казачье войско. Статистическое описание. В 2 тт. Уральск. 1891.

16. Чулошников А.П. Очерки по истории казах–киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1. Оренбург. 1924.

17. Дэн В.Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII в. и статистика населения в конце XVIII в. Т. 2. Ч. 2. М. 1902.

18. Добросмыслов А.И. Суд у киргизов Тургайской области в XVIII–XIX вв. Казань. 1904.

19. Дунаев В.И. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М. 1916.

20. Джамгерчинов В.Д. Присоединение Киргизии к России. М. 1959.

21. Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г и колонизация закамских земель в это время. Казань. 1869.

22. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб. 1774; Пер. на англ. яз. в 2 тт. Лондон. 1780.

23. Гераклимов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов. 1923.

24. Гродеков Н.И. Киргизы и кара–киргизы Сыр–Дарьинской области. Т.; Юридический быт. Ташкент. 1889.

25. Гулянд Я.И. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань. 1904.

26. Яковлева П.Т. Первый русско — китайский договор 1689 года. М. 1958.

27. Игнатьев П.Г. Суд над бригадиром Аксаковым. Уфа. 1875.

28. Иофа Л.Е. Современники Ломоносова И.К. Кириллов и В.Н. Татищев. М. 1949.

29. История Казахской ССР. В 2 тт. Алма-Ата. 1957. 1959.

30. История Узбекской ССР. Т.1. Кн.1. Ташкент. 1956.

31. Иванов П.П. Очерк истории каракалпаков. Материалы по истории каракалпаков. М. — Л. 1935.

32. Кафёнгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII — XIX вв. Т.1. М. — Л. 1949.

33. Карамзин Н.М. История государства Российского. 5 изд. в 12 тт. СПб. 1842 — 1844.

34. Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Ч.1. Уральск. 1911.

35. Карриев А., Кулиев О.К. и др. Туркменской ССР. Т.1. С древнейших времен до конца XVIII в. Ашхабад. 1957.

36. Краппен П. Хронологический указатель материалов для истории инородцев европейской России. СПб. 1861.

37. Хаников Я. Материалы для статистики Российской империи. Изд. при Статистическом отделении Совета МВД. Отд. II, IV. 1839, 1841.

38. Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань. 1923.

39. Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург. 1898.

40. Курц Б.Г. Русско — китайские отношения в XVII и XVIII столетиях. Харьков. 1929.

41. Левшин А. Историко — статистическое обозрение уральских казаков. СПб. 1823.

42. Левшин А. Описание Киргиз — казачьих и Киргиз — кайсацких орд и степей. В 3 тт. СПб. 1832.

43. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М. 1947.

44. Лобов Н.Г. Материалы по историко — статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Хронологический перечень событий, относящихся к истории Оренбургского казачьего войска. Вып. 7. Оренбург. 1907.

45. Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент. 1995.

46. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1, 2. М. — Л. 1937, 1940.

47. Новлянская М.Г. И.К. Кириллов и его атлас Всероссийской империи. М. — Л. 1958.

48. Остроухов А. Англо — русский торговый договор 1734 г. СПб. 1914.

49. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков XVII — XVIII вв. В 5 частях. Астрахань. 1926 — 1932.

50. Пекарский П.П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб. 1867.

51. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI вв. М. 1877.

52. Перетяткович Г. Поволжье в XVII и в начале XVIII вв. Одес — са. 1882.

53. Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя политика России. М. 1947.

54. Попов А.Н. Материалы для истории возмущений Стеньки Разина. М. 1857.

55. Попов Н.Н. Татищев и его время. М. 1861.

56. Преображенский П.А. Очерки истории Самарского края. Самара. 1919.

57. Птуха М. Очерки по истории статистики XVII и XVIII веков. М. 1945.

58. Радлов В.В. Сибирские древности. Т.1. 2 СПб. 1894, 1902.

59. Рязанов А.Ф. Оренбургский край. Исторический очерк. Оренбург. 1928.

60. Руденко С.И. Башкиры. Историко — этнографические очерки. М. — Л. 1955.

61. Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб. 1910.

62. Русская историческая библиотека. В 39 тт. СПб. 1872 — 1927.

63. Рычков П.И. История Оренбургская. 2 изд. Оренбург. 1886.

64. Рычков П.И. Топография Оренбургская. 2 изд. В 2-х тт. Оренбург. 1887.

65. Шастина Н.П. Русско — монгольские отношения XVII века. М. 1958.

66. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032 - 1882. Иркутск. 1883.

67. Шпицер С.М. Из прошлого башкирского народа. Уфа. 1929.

68. Штейнберг Е.Л. Первые исследователи Каспия (XVIII — XIX вв.). М. 1949.

69. Щунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII начале XVIII веков. М. — Л. 1946.

70. Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1. Ч.1. Уфа. 1956.

71. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 29 тт. 2 изд. СПб.

72. Стариков Ф.М. Историко — статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург. 1891.

73. Старков В. Краткое обозрение Киргизской степи в географическом, историческом и статистическом отношениях. Тольский. 1860.

74. Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. Т.1. М. 1954.

75. Струмилин С.Г. Горнозаводской Урал петровской эпохи (к итогам политики Петра Великого). М. 1945.

76. Типеев Ш. Очерки по истории Башкирии. Уфа. 1930.
77. Толыбеков С.Е. Общественно — экономический строй каза — хов XVII — XIX вв. Алма-Ата. 1959.
78. Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа. 1949.
79. Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737—1739 гг. М. — Л. 1950.
80. Вельяминов — Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. В 4 тт. СПб. 1864.
81. Вельяминов — Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб. 1864.
82. Веселовский Н. Очерк историко — географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего — го. СПб. 1877.
83. Вяткин М.П. Батыр Срым. М. — Л. 1947.
84. Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. Т.1. М. 1941.
85. Витевский В.Н., И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. В 5 тт. Казань. 1889— 1897.
86. Владимирцов В. Общественный строй монголов. Л. 1934.
87. Воробьев Н.И. Казанские татары. Казань. 1953.
88. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. В 3 тт. М. 1862 — 1867.
89. Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков (Труды института этнографии. Новые выпуски. Т.9. М. — Л. 1950.
90. Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехстолетие. Петроград. 1915.
91. Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в. Алма — Ата. 1960.
92. Златкин И.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М. 1957.
93. Gaston Cahen. Some Early Russo — Chinese Relation, trans. by W. Sheldon Ridge. Shanghai. 1914.
94. Fisher R.H. The Russian Fur Trade. 1550 — 1700. University of California Press: Berkeley and Los Angeles. 1943.
95. Howorth H.H. History of the Mongols. 4 vols. London. 1846 — 1927.
96. Lantzeff, George V. Siberia in the Seventeenth Century. University of California Press: Berkeley and Los Angeles. 1943.
97. Nol'de B.E. La Formation de L'Empire russe: etudes, notes et documents. 2 vols. Paris. Institut d'etudes slaves. 1952 — 1953.
98. Portal, Roger L'Oural au XVIII siecle: etude d'histoire economique et sociale. Paris. Institut d'etudes Slaves. — 1950.
99. Redfield, Robert. Primitive World and Its Transformations Cornell University Press: Ithaca. 1953.
100. Riazanovsky V.A. Customary Law of the Nomadic Tribes of Siberia. Tient — sin. 1938.

101. Sarkisyanz Emanuel. Geschichte der orientalischen Volker Russlands bis 1917. Eine Ergantung zur ostslawischen Geschichte Russlands. Munich. 1961.

102. Sebes, Joseph. The Jesuits and the Sino — Russian Treaty of Nerchinsk (1689): The Diary of Thomas Pereira. Institutum Historicum. S.1. Rome. 1961.

Статьи

1. Абдрауфов А. Первый русский купеческий караван в Ташкент (1738 — 1739 гг.) // Известия АН Уз. ССР. N 6/1955/. С. 87-93.

2. Ахмаров Г.Н. Телтари и их происхождение. // Известия об — щества археологии, истории и этнографии при Казанском уни — верситете. 23/1908/ вып. У. С. 340 — 364.

3. Алиференко П.К. Экономические взгляды В.Н. Татищева // Вопросы исто — рии. 12/1948/. С. 89-97.

4. Александров С.А. Экономические и политические взгляды В.Н. Татищева. // Известия АН СССР. Отд. экономики и пра — ва. З. М. — Л. 1951. С. 186- 207.

5. Аполлова М.Г. Присоединение Младшего жуза к России в 30 — х гг. XVIII века. // Известия АН Каз. ССР Серия истории. 49. Алма — Ата. Вып. 4. С. 58 - 72.

6. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских пле — мен и народностей и сведения об их численности. // Живая ста — рина. Вып. III - IV. С. 277 — 456.

7. Батраков В.С. К истории торговых связей Казахстана с Рос — сией в XVIII — XIX вв. // Труды Среднеазиатского университе — та. Вып. 78. Исторические науки. Кн. II. 1956. С. 3 — 39.

8. Бикбулатов С. Башкирские восстания и татары. // Вестник научного общества татароведения. 9 — 10. Казань. 1930. С. 61 — 87.

9. Броневский Г.М. Записки о киргиз — кайсаков Средней Ор — ды. // Отечественные записки. 1830. Ч. 41, N 119. С. 400 — 420; Ч. 42, N 120. С. 75-98; N 121. С. 162 — 194; N 122. С. 357 — 364; Ч. 43. N 123. С. 70-94; N 124. С. 194-285.

10. Чулошников А.П. Феодалные отношения с Башкирией и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. // Мате — риалы по истории Башкирской АССР. М. — Л. Ч. I. 1936.

11. Чулошников А.П. Казахский союз и Московское государ — ство в конце XVII в. // Известия АН СССР. Отд. обществ. на — ук. З. М. — Л. 1936. С. 525 — 529.

12. Чулошников А.П. К истории феодалных отношений в Ка — захстане в XVII — XVIII вв. // Известия АН СССР Отд. обществ. на — ук. З. М. — Л. 1936. С. 497 - 524.

13. Чупин Н.К. Василий Никитич Татищев и первое его управ — ление уральскими горными заводами. // Пермские губернские ведомости. Пермь. 1896. NN 13, 14, 16, 17, 21, 22, 25, 26.

14. Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. 1961. Т. 68. С. 211–237.

15. Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 гг. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 8. Оренбург. 1900.

16. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. // История Оренбургского отделения русского географического общества. Вып. 15–17. 1900–1902.

17. Джемгерчинов П.Е. К вопросу о присоединении Киргизии к России. // Известия Киргизского ФАН СССР. 7 Фрунзе 1947. С. 35–48.

18. Ефремов В.А. Из истории Уфимского края. // Вестник Оренбургского учебного округа. 1913. Отд. 111. N 1, С. 1–16; N 8 С. 310–319.

19. Игнатъев Р. Историко-административные сведения о башкирском народе, составленные по циркулярам графа Панина в 1775 г. // Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа. 1873.

20. Игнатъев П.Г. Ив. К. Кириллов, основатель Оренбургского края. // Уфимские губернские ведомости. 1880. N 14–16, 18, 20 23–25, 27, 28, 32–34.

21. Игнатъев П.Г. Карасакал, лже-хан Башкирии /эпизод из истории Оренбургского края XVIII в./ // Оренбургский листок. 1880. NN 7–12, 14–77; 2 изд. Оренбургский листок. 1883. N 35–43, 45, 47; 3 изд. Труды научного общества изучения быта, истории и культуры башкир при наркомпросе БАССР. Вып. 2. Стерлитамак, 1922. С. 38–66.

22. Игнатъев П.Г. Хроника достопамятных событий Уфимской губернии. // Памятная книжка Уфимской губернии Уфа. 1883. Отд. 2.

23. Игнатъев П.Г. Князь В.А. Урусов, третий начальник Оренбургского края. // Уфимские губернские ведомости. 1882. NN 10 14, 17, 20, 24, 27, 29–32.

24. Игнатъев П.Г. В.Н. Татищев, второй начальник Оренбургского края. // Уфимские губернские ведомости. 1881. NN 4, 6, 7 26–32, 34–38, 40, 42, 46, 47.

25. Игнатъев П.Г. Взгляды на историю Оренбургского края. // Оренбургские губернские ведомости. 1881. NN 29–33, 37, 40–52; 1882. NN 1, 4, 6, 14, 16, 18, 19, 27, 30, 46, 47.

26. Иллерицкий В. Экспедиция князя Черкасского в Хиву. // Исторический журнал. М. 1940. N 7. С. 40–51.

27. Юдин М.Л. Двухстолетнее движение русских в Туркестан. Туркестанское отделение русского географического общества. 8. Вып. Т. 1917.

28. Иванин. Описание Закамских линий. // Вестник русского географического общества. Ч. 1. Кн. 2. Отд. VI. 1851. С. 57–58.

29. Катанаев Г.Е. Киргизские степи, Средняя Азия и северный

Китай в XVII–XVIII вв. // Записки западно-сибирского отделения русского географического общества. 14. Вып. 1. 1898.

30. Кобрин В.Б. К вопросу о казахско-русских отношениях в XVI веке. // Вестник АН Каз. ССР. 11. Алма-Ата. 1946. С. 55–56.

31. Курц В.Г. Колониальная политика России в XVII–XVIII вв. // Новый восток. М. 1927. N 19. С. 194–206.

32. Лебедев В.И. Башкирское восстание 1705–1711 гг. // Исторические записки. М. 1937. N 1. С. 81–102.

33. Макшеев А.И. Географические сведения Книги Большого Чертежа о Киргизских степях в Туркестанском крае. // Известия Русского географического общества. Вып. 1. N 14 СПб. 1876.

34. Мартынов М.Н. Уральская горнозаводская промышленность в эпоху Петра Великого. // Исторический журнал. М. N 9. М. 1944. С. 12–23.

35. Матвиевский П.Е. Абулхаир, поборник объединения казахского народа с русским. Вып. 1. 1948. С. 66–111.

36. Матвиевский П.Е. К истории изучения географии и производительных сил Оренбургского края по рукописям и архивным документам XVIII века. // Известия Чкаловского отд. географического общества СССР. N 2. 1948. С. 71–77.

37. Матвиевский П.Е. Дневник Джона Кастря как источник по истории и этнографии казахов. // История СССР. N 4. 1958. С. 133–144.

38. Модестов В.Н. Основание города Оренбурга и первоначальное благоустройство его. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 35. Оренбург. 1917. С. 57–74.

39. Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии. // Хозяйство Башкирии. 1928. N 6–7. С. 73–85.

40. Панков А.В. К истории торговли Средней Азии с Россией в 1675–1725 гг. Торговля с Бухарой // Известия Среднеазиатского географического общества. Т. 19. Ташкент. 1929. С. 47–58.

41. Павленко Н.И. К истории южноуральской металлургии в XVIII в. // 400–летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа. 1958.

42. Пекарский П.П. Когда и для чего основаны гг. Уфа и Самара. // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Вып. 10. 1873. N 5. С. 1–29.

43. Пекер А. Очерки Уфы. // Вестник русского географического общества. Ч. 29. N 8. 1860. С. 177–200.

44. Попов А.Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм. // Исторические записки. 1940. N 7. С. 182–235.

45. Попов А.Н. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом. // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 9. СПб. 1853. С. 287–424.

46. Тихомиров М.Н. К истории колонизации самарского края. // Известия Самарского государственного университета. Вып. 5. Самара. 1923. С. 1–2.

47. Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662 – 1664 гг. //Исторические записки. М. 1947. N 24. С.30 – 110.

48. Валиханов Ч.Ч. Сочинения. //Записки русского географического общества по отделу этнографии. Вып. 29. 1904.

49. Вяткин М.П. Казахское общество в середине XVIII в. Тоголенгуты в XVIII в. //Известия Казахского ФАН СССР. Серия ист. Вып. 1. Алма-Ата. 1940. С.3- 17, 19 – 29.

50. Волков С.И. Ценный источник по истории России XVIII в. //Вопросы истории. М. 1951. N 7. С.90 – 91.

51. Зимин А.А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв. //Исторические записки 1958, N 63 С. 180-205.

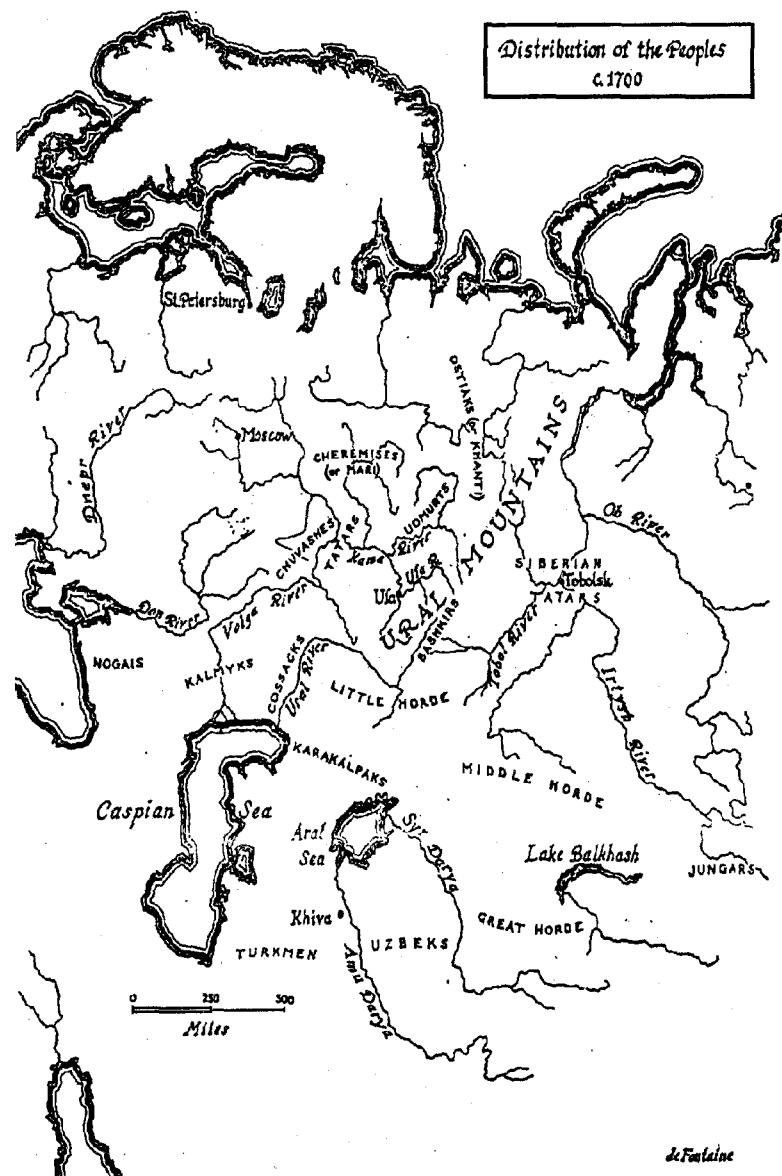
52. Злотников М.Ф. Первое описание уральских и сибирских заводов. //Генин В.И. Описание уральских и сибирских заводов 1735 г. М. 1937. С.11 – 64.

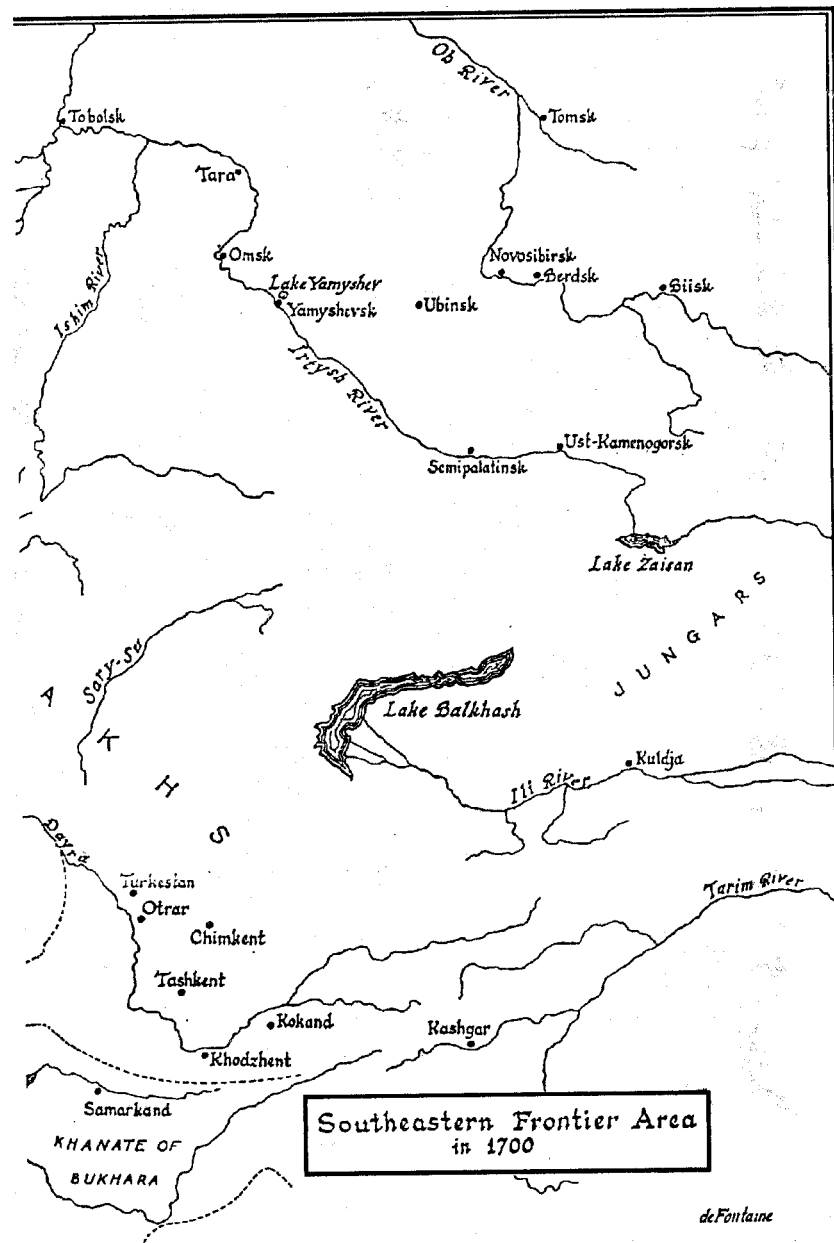
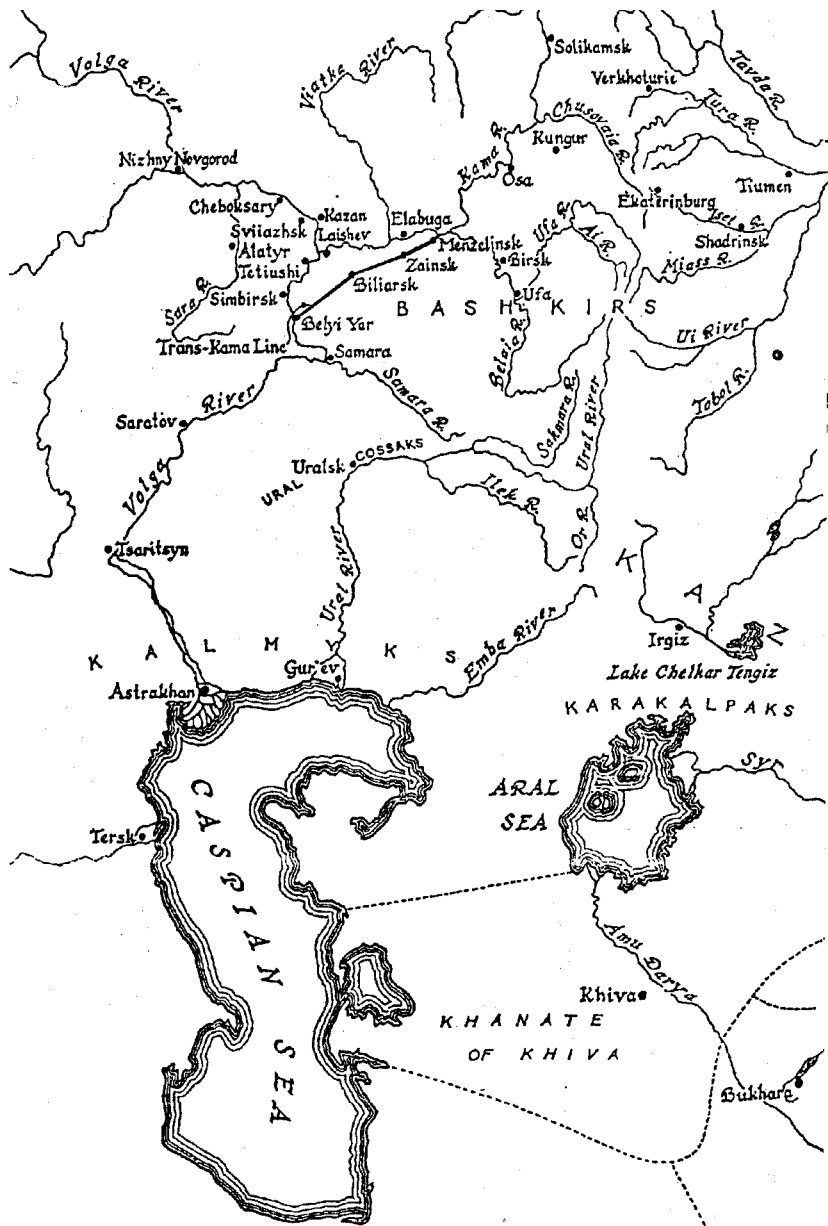
53. Зобнин Ф.К. К вопросу о невольниках, работах и тюленгутах в киргизской степи. //Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 год. Семипалатинск. Вып. 6. 1902. С.1 -99.

54. Зорин Н.И. Из истории заселения русскими Оренбургского края. //Уч. зап. Чкаловского госуд. пед. института. Серия филол. на-ук. Вып. 3. Чкалов. 1949. С.129 – 146.

55. Luthy Herbert. «Colonisation and Making of Mankind». //Journal of Economic History. 21 (December 1961). P.483 – 495.

56. Togan Z.V. Bashdjirt. The Encyclopedia of islam. New Ed. 2 vols to date, E.I.Brill: Leiden. 1960 – 1, 1075.

Southeastern Frontier Area
in 1700

deFontaine

